

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ИМЕНИ ПЯТНИЦЫ, 13
ЧУВСТВО ЕЖА

Annotation

Не трогайте музейные экспонаты, о которых ходят страшные легенды, – эти легенды могут оказаться правдой! А уж если привлекли внимание бессмертного, бегите как можно дальше и прячьтесь! К примеру, в учебном заведении, которого нет ни на одной карте мира.

Вы готовы учиться видеть невидимое, читать в душах и проходить практику на Той стороне? Влюбляться и ненавидеть, спасать друзей и разоблачать врагов? Играть со Смертью в догонялки, не надеясь на помощь папы-дракона, и встретиться со своей Судьбой? Тогда Высшая школа им. Пятницы, 13 ждет вас!

-
- [Татьяна Богатырева, Евгения Соловьёва](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1,](#)
    - [Глава 2,](#)
    - [Нелирическое отступление номер раз](#)
    - [Глава 3,](#)
    - [Глава 4,](#)
    - [Глава 5,](#)
    - [Еще одно отступление, почти лирическое](#)
    - [Глава 6,](#)
    - [Глава 7,](#)
    - [Нелирическое отступление номер два](#)
    - [Глава 8,](#)
    - [Глава 9,](#)
    - [Глава 10,](#)
    - [Глава 11,](#)
    - [Отступление внеочередное: соната для мизантропа с пирожными](#)
    - [Глава 12,](#)
    - [Глава 13,](#)
    - [Глава 14,](#)
    - [Глава 15,](#)

- [Глава 16,](#)
- [Глава 17,](#)
- [Глава 18,](#)
- [Глава 19,](#)
- [Глава 20,](#)
- [Глава 21,](#)
- [Глава 22,](#)
- [Нелирическое отступление номер три](#)
- [Глава 23,](#)
- [Отступление последнее, самое короткое](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
-

Татьяна Богатырева, Евгения

Соловьева

Высшая школа имени Пятницы, 13.

Чувство ежа

© Богатырева Т. Ю., Соловьева Е. С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Свет фонарика метнулся по музейному залу, остановился на витрине с древним фолиантом, скользнул влево – и пугливо погас, наткнувшись на что-то...

Здесь кто-то есть?

Виола замерла в устье потайного хода, прижимая фонарик к груди. Сердце колотилось как бешеное, в слабом лунном свете едва угадывались контуры рыцарских доспехов.

Уф... просто доспехи, не привидение. И не охрана. Досадно было бы попасться именно сегодня, в свой шестнадцатый день рождения.

Снова включив фонарик, Виола на цыпочках подошла к простенку, где висела она. Ее сегодняшняя добыча. И протянула руку, не решаясь дотронуться.

«...находили на следующее утро мертвыми, с гримасой ужаса на лицах и с руками, стертыми в кровь. Последний, кто посмел прикоснуться к ней, похоронен за оградой церкви, как самоубийца...»

Значит, я умру ужасной смертью завтра утром? Ну-ну. Посмотрим на тебя, ужасная смерть.

Хмыкнув, Виола сняла со стены гитару. Изумительную, покрытую резьбой, по легенде – работы чуть ли не самого Бенвенуто Челлини^[1]. На эту гитару Виола засматривалась уже года три, с тех самых пор, как услышала звук такого же старинного инструмента. Но брать что-то из музея отец категорически запрещал, и Виола даже не просила – знала, что откажет.

Хотя почему – не понимала. Ведь ничего с гитарой не случится, если Виола немного на ней поиграет! Даже выносить отсюда не будет, она же не воришка.

Просто сядет вот в это кресло, настроит...

Она тронула струны и мечтательно улыбнулась: гитара звучала просто божественно! Немного расстроена, но это такие мелочи! Она, бедняжка, уже лет пятьдесят висит в этом музее, никто на ней не играет, только мсье Ученый Моль каждый четверг рассказывает туристам страшные байки, а туристы ахают, охают и пытаются тайком сфотографировать экспонаты на телефон.

Скука смертная.

Но ничего, сейчас мы еще на четверть тона подтянем колок, и ты снова оживешь, моя прелес-с-ть!

Виола тихо засмеялась и взяла первый аккорд. Пожалуй, в честь знакомства с гитарой она сыграет павану «На смерть инфанты» Форе^[2], как раз подходит к случаю. Ей же грозит ужасная смерть от рук, а может быть, и клыков таинственного маньяка...

Как, должно быть, ему скучно годами ждать, когда же кто-то коснется гитары и можно будет снова вылезти из могилы и заняться делом! Любимым делом, наверное.

Слышишь, маньяк? Я уже играю! А как звучит! Бог мой, как она звучит!..

Виола искоса глянула на дверь, откуда должна была явиться таинственная смерть. Ну, если верить легенде о проклятии.

Но дверь так и осталась закрытой, никто не явился, даже самый заваливающий призрак. Зря мсье Ученый Моль клялся, что замок в Лиможе^[3] просто кишит привидениями. Нет здесь ничего сверхъестественного, кроме волшебного торта «Эстерхази», который готовят на замковой кухне. Уже готовят, ведь утром – ее день рождения. Вот бы отец подарил ей эту гитару!

Она так явственно себе представила, как разрезает ленточку на коробке, разворачивает хрустящую бумагу и вынимает гитару, что совершенно не заметила, как в зале кто-то появился.

На подоконнике открытого окна, которое всегда было заперто.

На третьем этаже.

Виола замерла, прижав к себе гитару, и попыталась слиться с креслом. Получится же, наверняка получится, наверняка ее не заметят в темноте!

Ведь это не может быть маньяк из проклятия, правда? Ведь легенды – это всего лишь легенды, и на самом деле не бывает^[4]...

Незнакомец спрыгнул на пол. Без единого звука, даже шороха. Как в телевизоре с выключенным звуком.

Сделал шаг, второй – к Виоле.

Она затаила дыхание, чувствуя себя кроликом перед удавом и опасаясь отвести от незнакомца взгляд хоть на миг. Ведь это глюк, правда же? На окне сигнализация, никто не может сюда забраться! И в парке – волки, они бы не пропустили чужака!

Папа, папа, мне страшно!

Можно я проснусь? Я не хочу смотреть дальше!

Виола внезапно поймала себя на том, что почему-то отлично видит в темноте. И даже, кажется, узнает его – страшного незнакомца. Она уже видела этот безупречно элегантный светлый костюм, эти идеально уложенные черные волосы, выразительный нос и холодные, прозрачные, мертвые глаза.

Но где?

Почему-то показалось, что если она вспомнит, то ужасное наваждение рассеется.

А знакомый незнакомец вдруг оказался совсем близко, искривил рот в неестественной гримасе – то ли злобной, то ли презрительной.

Да, она точно его знает, и надо только назвать его по имени... по имени... она должна вспомнить его имя!..

Но вспомнить Виола не успела. Только закричать, тонко и пронзительно, срывая голос:

– Нет! Па!.. – когда незнакомец прыгнул к ней, вырвал из ее рук гитару, замахнулся...

Боли она тоже почувствовать не успела. Только удивление. И – вспышку чего-то не похожего ни на свет, ни на тьму... Ни на что не похожего.

А потом, как-то сразу, в зале оказался отец. Вылетел из стены, которая за клубилась туманом и разошлась, остановился напротив... Только смотрел не на нее, а куда-то ниже. Кажется, на этого... маньяка. А маньяк держал, как-то очень неудобно и неловко, нескладную девчонку в пижаме. Кажется, она не дышала...

Да ведь это же я! Это меня он держит, одной рукой обхватил затылок, другой подбородок, и держит! И моя гитара... обломки гитары рядом! А в руке отца пистолет, и сам он... ой, мама... почему у него глаза светятся красным? И почему он такой большой, словно едва помещается в зале, и у него тень с крыльями?.. Очень странное видение!

– Отпусти ее, ублюдок, – прорычал отец.

В самом деле прорычал, даже стекла задрожали. И почему-то в воздухе заплясали искры и явственно запахло паленым.

Но отец не прав, не надо маньяка называть ублюдком, надо – по имени. Сеньором Кановой. Вот теперь Виола совершенно точно

вспомнила, где и когда его встречала. Год назад, в Париже, на мюзикле «Нотр-Дам». Он еще тогда не поверил, что Виола – дочь своего отца. И произносил их фамилию неправильно.

А сеньор Канова вовсе не испугался. Наверное, не видел тени с крыльями – это только ее глюк. Личный.

Он сдул падающую на глаза прядь и растянул губы в улыбке. Тоже какой-то неправильной. Наверное, потому, что у сеньора Кановы были очень острые зубы, как у рыбы. И глаза – как стекло, блестящие и неживые.

– Поклянись не удерживать меня и не причинять вреда – отпущу.

И голос был странным. Виола помнила – приятный был голос, бархатный и глубокий. А сейчас звучал резко и пусто, как эхо в заброшенном доме.

– Если ты отпустишь ее прямо сейчас, живой, и поклянись своей душой и жизнью никогда больше не трогать – сможешь уйти, – сказал отец; в его голосе слышались раскаты грома. – Тогда и я поклянусь, что ни я, ни мои вассалы не тронем тебя.

Вместо ответа сеньор Канова отрывисто засмеялся.

– Душой? Да запросто!.. – Смех резко перешел во всхлип, из стеклянных глаз потекли слезы. – Душой и жизнью, видит Господь, клянусь не причинять вреда твоей девчонке! Сдалась она мне! И да провалишься ты в ад...

Он толкнул безвольное тело прямо в руки отцу, отбросил обломки гитары и тенью вскочил на подоконник. И прыгнул – не вниз, а вверх, растворяясь в лунном свете.

И только тогда замок ожил. Разочарованно заскрипел дверьми, внизу, в парке, злобно завывли. Противно запищала сигнализация. Словно проснулась.

А на пороге возник старый Франсуа, виновато комкая колпак и искоса глядя на отца. Тяжело вздохнул.

– Что стоишь? Неси спирт и бинты, зови...

Отец не договорил – Франсуа уже исчез. И крылатая тень исчезла. Все стало как обычно, только свое тело Виола по-прежнему видела сверху и со стороны.

Но ведь она не умерла, нет? Иначе бы отец не требовал бинтов! Нет, ей слишком рано умирать, ей всего шестнадцать! Она вообще не

хочет умирать!

– Все будет хорошо, моя девочка, – шепнул отец и поцеловал ее в висок.

А потом подошел к стене... Не к двери, а к стене, завешенной гобеленом с изображением умирающего Роланда, и шагнул в нее. В стену. Прямо в стену! И прошел, между прочим, насквозь, прямо в Виолину комнату! То есть с третьего этажа на второй, и в противоположное крыло замка!

Как в фильме «Чародеи» – они с мамой смотрели его каждый Новый год, даже если встречали его не в Москве.

– Мсье Жан, что случилось? – раздался взволнованный голос Рашель, домашнего доктора.

Она уже ждала в комнате, у свежей постели, и шагнула отцу навстречу, словно это нормально – выходить из стены, а не из двери.

И словно это нормально – ходить на хвосте. Рыбьем. И заплетать водоросли в косы.

Виола мысленно вздохнула, смирившись с очень, очень странными видениями. Просто это бред. От удара по голове бывает. Вот и Рауль просунул в дверь мохнатую морду, прижимает уши, словно он и не волк, а обычная дворняга. И на чистом французском виновато басит: «Не уследили, виноваты, примем любое наказание, мессир».

Кино! Вот и Франсуа в своем неизменном красном колпачке как-то подозрительно похож на домашнего эльфа Добби, так же горестно хлюпает носом, разве что головой об стенку не стучится. Только Дамблдора с совой не хватает^[5].

А потом куда-то исчезла легкость, стало темно, и голова, кажется, раскололась на много-много кусочков, и каждый кусочек болел отдельно.

И совсем рядом кто-то звенел чем-то стеклянным и противно пахнувшим. Доктор Рашель, наверное?

– У мадемуазель шок, мессир. Сотрясение легкое, рана неглубокая, но вот психическая травма...

– Мою дочь психическими травмами не взять. Не волнуйся, Рашель. Иди пока, успокой всех, скажи, что с девочкой все будет в порядке.

Послышались тихие легкие шаги, потом дверь закрылась. А на кровать к Виоле сели, погладили ее по руке. Вздохнули.

Очень хотелось сказать папе, что все уже хорошо, она жива и больше не будет связываться с маньяками и проклятыми экспонатами, но язык не слушался.

Ну и ладно, потом можно сказать, а пока – спать. Ночью надо спать. И проснуться в своей постели, забыв страшный сон про сеньора Канову как страшный сон...

Совсем уснуть Виоле помешал звук набираемого на мобильнике номера, а потом незнакомый женский голос из папиной трубки:

– Мсье Жан?

– Да, мадемуазель Феличе, это я, – тихо ответил отец.

– Неужели вы решились пригласить меня на ваш маленький праздник? – на том конце линии насмешливо хмыкнули.

– Праздник не состоится, так что я даже не прошу прощения за недостаток галантности.

– Ах уж эти французы... Переходите к делу, мсье Жан. Ни за что не поверю, что вы звоните мне через столько лет исключительно ради удовольствия слышать мой прекрасный голос.

– Вы, как всегда, образчик проницательности, мадемуазель Феличе. У меня к вам просьба. Очень серьезная просьба, и мне нужно обещание, что о ней никто не узнает.

На том конце линии помолчали несколько мгновений и совсем другим тоном ответили:

– Обещаю. И сделаю все, что в моих силах, мсье Жан.

Что дальше сказал отец, Виола уже не слышала – она все же уснула, и ей снился день рождения и самый лучший на свете подарок: гитара работы старого итальянского мастера.

Глава 1, в которой дракон заходит на посадку перед школой, а мафия распределяет роли

Война началась ровно в девять утра первого сентября. Именно тогда десятому «А» и лично его величеству Дону объявили, что с первого курса высшей ступени их – элитный, гуманитарный класс! – объединяют с классом «Б». Спортивным. Пролетарским.

Не то чтобы Дон имел что-то против пролетариев – под его чутким руководством и пролетарий мог бы произойти в человека, но ведь это был класс поцанов!^[6]

Видимо, что-то такое особенное отразилось на его лице, потому что классная нахмурилась и окликнула:

– Господин Горский! – И ткнула указкой в сторону вождя пролетариата, Миши Поца. – Извольте поздороваться с однокурсниками!

Демонстративно посмотревшись в собственные зеркально-лаковые ботинки и понюхав розовый бутон в петлице, Дон со светской улыбочкой протянул руку Поцу. И тут же смерил его взглядом: начал с голубого берета на шатенистой, причесанной на прямой пробор башке, и закончил плохо почищенными армейскими берцами.

– Рад вас приветствовать в моем классе, господин Поц... э... Шпильман.

Поц гнусно ухмыльнулся и, бормоча что-то типа вежливое насчет «поглядим еще, чей класс», протянул граблю в ответ и сжал. Со всей дури. Грабля была мытая по случаю первого сентября, но с траурными каемками под ногтями и набитыми костяшками. Развлекался все лето, пролетарий.

Дон ухмыляться, тем более гнусно, не стал, невместно нашему величеству. И поцову граблю сжал несильно, но правильно – как Сенсей учил. Что, Поц, все еще думаешь, что художник – это сопля, которую можно и нужно намотать на гусеницы? Ну-ну.

Поц слегка сбледнул, что несомненно его украсило.

Дон улыбнулся:

– Надеюсь, мы будем жить дружно в моем классе.

Поц смолчал, только прищурился.

Дон сжал руку чуть сильнее и улыбнулся еще приветливее. Мол, так будем жить дружно?

Поц наконец кивнул и выдавил из себя кривую улыбочку. Обещающую такую. Танки и ковровые бомбардировки обещающую.

Что ж. Когда на летних экзаменах при переходе из средней школы в высшую, она же колледж^[7], вылетела половина народу, уже было понятно: что-то неладно в Датском королевстве^[8]. В прошлые годы вылетало по двое-трое, не больше. Правда, Дон надеялся, что в их класс все равно никого добирать не будут. В конце концов, традиции важнее, чем какие-то там квоты и распоряжения РОНО. Однако...

Однако нежданчик случился, и придется как-то уживаться с Поцем.

– Рассаживайтесь, господа студенты, – велела Филька и тут же начала радостно щебетать о мире, дружбе, подготовке к посвящению в студенты, индивидуальных занятиях и прочей ерундистике, но не забывая внимательно оглядывать класс.

Дон сел на привычную четвертую парту в левом ряду, у окна. Один, как подобает «королю-солнцу». Перед ним – Ромка, опора трона и гарант мирного урегулирования, и Кир – канцлер, казначей, стратег и вообще Арман дю Плесси, герцог Ришелье.

До конца девятого класса в ядре безобразия их было трое, и никогда мало не казалось. До сегодняшнего дня.

У Поца, севшего на последнюю парту в правом ряду, было четверо в основной свите. С ним – пятеро. Сплошные здоровенные лбы, не обезображенные интеллектом. Да и зачем им, в физкультурном-то классе? Они после училища всем гуртом служить пойдут. В доблестную Российскую. В спецназ. Вон уже и тельники напялили. Особенно хорош тельник на Эрике – истинном арийце, красавце нордическом, белобрысом, безмозгом. Зато какая улыбка! Все крокодилы помрут от зависти! Поц рядом с ним – чистый Адольф Шикльгрубер^[9], только усиков не хватает. Зато берет надел. Десантный. Брательников. Еще есть Витька, грубый и в глубине души прекрасный. Наверное. Был бы, окажись в другом классе. Остальные

двое – тоже те еще личности, братцы-акробатцы Димон и Колян. Потомственные сантехники. Еще дед Димона-Коляна деду Дона канализацию прочищал и водки за услуги требовал.

А нам придется брать четвертого в ядро. Иначе – вопиющий дисбаланс. Но кого?

Дон оглядел класс.

Народу-то много, целых двадцать пять человек вместо привычных двадцати одного, но из них тринадцать – бывшие бешки, пролетарии. Из ашек остались лишь Марат, тип мутноватый, да Сашка – рыба-сдохухоль. Проблема с кадрами у нас, дорогие доны!

Марат поймал его взгляд, просиял и всем видом показал, что готов вот прямо сейчас сесть с Доном за одну парту и вообще он – самый-самый, ага. Верный-надежный. Может даже хвостом вилять.

Нет уж, лучше втроем, чем с хвостом.

Дон нахмурился, отвернулся от Марата и принялся разглядывать лепнину на потолке и портрет Ахматовой над Филькиной головой.

Болтология только началась, время требовалось чем-то занять, а традиции – уважить, так что Дон взялся за карандаш: рисовать Фильку, то есть Фелициату Казимировну, самую классную из всех классных. Она со средней школы вела у класса «А» литературу с русским, а заодно – половину спецпредметов.

Каждый учебный год начинался с того, что в конце первого урока Дон преподносил Фильке ее портрет. Сегодня она была Фемидой: с завязанными глазами и безменом в руке. Фемида из нее получилась что надо. Молодая, всего-то лет двадцати пяти на вид, и красивая. Если б Филька не придерживалась строгого правила «с учениками ни-ни» и не водила хороводы с Сенсеем, Дон бы с ней закрутил, и плевать, сколько там ей на самом деле.

Именно это он в портрет и вложил. Женщины любят быть желанными, что бы по этому поводу ни говорили.

А Филька продолжала о сложной обстановке в Питере; о скором визите упырей-проверяющих из РОНО^[10]; о необходимости взаимопонимания между бывшими ашками и бешками – они теперь студенты первого курса и должны понимать, что все серьезно! Что нигде, кроме ВШ, то есть Высшей школы номер тринадцать, они не получают такого среднего специального, что на порядок лучше

гарвардского высшего, и что после школы им даже экзамены в универ сдавать не придется – сразу на третий курс и бамбук курить...

Кусок про образование Дон пропустил мимо ушей. Он все это слышал раз сто и отлично знал, что вылетевших из школы взяли в колледжи, причем на второй курс и тоже без экзаменов.

От «мотивации на учебу» Филька перешла к волейбольному соревнованию с москвичами, театральному фестивалю и драмкружку – звала бешек присоединяться и участвовать в полноценной, интересной и полезной общественной жизни.

Скукота.

Скукота закончилась минут через десять. Сначала под окнами раздался рык дракона, заходящего на посадку. По одному только звуку Дон точно определил новую зверюгу и даже выглянул в окно: кого это занесло к школе? Никак новый препод выеживается? Или кто-то с четвертого курса опаздывает? Четверокурсники – почти дембели, им расписание не писано, а выпендриваться сам бог велел.

Дракон припарковался аккурат между метлой Алинки с третьего биологического^[11] и хряком Натали, тоже с биологического, но уже аспирантки-преподши^[12]. Тоже еще, поклонница Булгакова, нарисовала на коже байка пятак и воображает себя ведьмой летучей! Алинка и то больше похожа, даром что на ее скутере вообще ничего не нарисовано. Она сама по себе ведьма, и скутер у нее – натуральная метла хоть в профиль, хоть анфас.

Дон хмыкнул – тихонько, он же вежливый студент! – и вернулся к разглядыванию дракона и его владельца. Дракон был хорош. «Харлей» этого года, на пять сотен лошадок. Умереть от зависти! А его владелец оказался никаким не преподам, даже не старшекурсником. Лет пятнадцать-шестнадцать, девятый класс. Волосы темные, в хвост, черная мотоциклетная куртка, черный же шлем в руках. Лица с третьего этажа было не разглядеть, но Дон все равно записал новенького во фраера и мажоры. Ибо если опаздываешь – ты не король, какой бы там байк под тобой ни рычал.

Записал, отметил себе глянуть на перемене, что за новичок и куда его определили, к альфам, бетам или ведьмам, – и забыл. Рисовать Фильку все равно было интереснее.

Зря забыл, как оказалось. Потому что через минуту дверь в класс открылась, и на пороге возник он же, фраер и мажор.

Надо же, он старше, чем показался на первый взгляд, подумалось Дону.

А мажор извинился перед Филькой, заработал укоризненный взгляд, оглядел класс...

На мрачной, в самый раз господарю Владу свет Цепешу^[13], физиономии отразилось сначала неподдельное изумление, потом откровенный ужас пополам с брезгливостью, – это господарь-воевода увидели Мишу и поцанят, – а затем морда снова стала каменной. То есть для всех прочих она как была, так и осталась каменной, но не для художника.

Дон даже посочувствовал мажору. Еще бы. Приходишь ты на первый курс колледжа – элитного, для гениев, покруче Строгановки и Мухи^[14], вместе взятых, да что там, даже в Сорбонне такому не учат! – и видишь линию фронта ровно посреди класса. Справа – голодранцы-пролетарии, то есть бешки. Одеты кто во что горазд, но с преобладанием тельников и камуфля у парней и мини-юбочнок у девчонок. На камчатке – царь мусорной горы, усиков только не хватает, в окружении бойцов кирпичноликих.

Слева – семья Альфа, все пятеро парней как один в строгих черных костюмах, при галстуках и в начищенных туфлях, семь девчонок – в длинных платьях, с умеренным макияжем и при прическах. На тронном месте, как положено, дон коза nostrы: костюмчик от Хьюго Босса, очки-хамелеоны, розовый бутон в петлице, перстень-печатка и характерный сицилийский нос для полноты образа.

А посередине – демаркационная линия.

И юно-прекрасная училка, которая холодной войны не видит из принципа. Вроде как: разбирайтесь самостоятельно, дети, а меня позовете, когда трупы закопаете. Все сами, не зря же я вас учила?

Прежде чем улыбнуться новенькому, Дон дал ему ровно три секунды: одна – на осмотр достопримечательностей, вторая – на правильный выбор стороны, третья – на осознание отсутствия выбора как такового. На четвертой Дон снял с соседнего стула кожаный рюкзак и улыбнулся. Искренне, кстати. И не скрывая восхищения образом.

Борджиа!

Морда мрачная, рубаха белая с широкими рукавами и в кружевах, – вполне себе мужская и аутентичная, кстати, такая стоит

баксов триста, – джинсы черные и узкие, пояс – бычьей кожи, сантиметров восемь, с тиснением и клепками. Красава, чистый Цезаре Борджиа! Или Цезарио. А что, вполне себе шекспировский вариант. Морда, при всей мрачности, красивая, черты тонкие, и выпендривается на славу.

Один вопрос: эта красава чисто декоративная чихуахуа или драться умеет? Судя по мышцам и пластике, должен бы. Но черт же их знает, этих выпендренников.

Справа гоготнули. Судя по гнусности – не иначе, высказался лично Поц. Новенький на гогот повел бровью, этак лениво, мол, что там за левретка тьякает? Все это – строго не поворачивая головы, а глядя в упор на Дона. И ему улыбнулся, так же явно искренне, хоть и мрачновато.

– Присаживайтесь, господин, э...

– Морéна^[15], – подсказал новенький.

– Морена, – закончил Дон. Подождал, пока красава сядет и уберет под стол свой рюкзак, протянул руку: – Даниил Горский. Можно просто Дон.

Парень ответил на пожатие. Крепкая оказалась ладонь, холодная.

– Леон.

Задрав бровь, Дон оглядел его еще раз и спросил:

– А очки где?

– Есть же границы выпендру, – фыркнул новичок.

– Нет, – уверенно сказал Дон и так же уверенно добавил: – Будешь Цезарио. Фехтовать умеешь?

Леон мотнул головой, явно имея в виду как Цезарио, так и фехтование.

– Ничего, научишься, Цезарио. Еще только Оливию тебе найдем...

Дон бросил взгляд на первую парту, где сидела Маринка. Она сегодня надела платье всех оттенков синего и убрала каштановые кудри в двойную косу.

Вот где настоящая Оливия! Ее надо было на роль брать, но Фильку, если уперлась, целое стадо баранов не переупрямит.

– Я не актер, – буркнул новенький недовольно.

– Это пройдет. Слушай, Леон, нам нужен Цезарио. Не Поца же брать. Ты себе представляешь Поца в «Двенадцатой ночи»?

Дон кинул брезгливый взгляд в правую сторону класса.

– Представляю, – уверенно заявил тот и ухмыльнулся. – А что? Вполне себе ремейк. Место действия – колхоз имени Ильича.

– «Не ходи на площадь Ильича», – тихо напел Дон.

Намекнуть, что постановка Шекспира в традициях самого Шекспира куда круче колхозного ремейка, и продолжить проверку новенького на профпригодность помешал стук указки. Филька умела стучать так, что зубы сводило. Этого стука даже директриса не переносила. Пришлось снова принять вид внимательного слушателя и продолжить рисовать – все, что Филька могла сказать, он и так знал.

А она как раз объясняла бешкам, что им не обязательно посещать все спецкурсы факультета культурологии: экономику, иностранную литературу и все прочее интересное. Даже на историю Петербурга и НЛП могут не ходить. Собственно, тут до Дона и дошло, с чего вдруг на их курсе смешали несмешиваемое. Все же просто: бешками пожертвовали в пользу Альфы. Добрать гуманитарный курс после девятого класса новичками невозможно – в Школе или учишься с самого начала, или не учишься вообще... Ну да, исключения бывают, вот одно, рядом сидит. Хотя наверняка из такой же спецшколы полного цикла, только московской или казанской, а то и пражской, с такой-то фамилией.

Бешкам поставили в обязательку только естественные науки по паре часов в неделю, физподготовку во всех ее проявлениях, ОБЖ, минимум психологии, кое-что из обществознания – и катитесь колбаской в свою доблестную Российскую. Так проще, чем объяснять упырям из РОНО, почему нельзя просто добрать обе группы левым народом.

Вот только госпожа директриса не учла разлагающего влияния всяких Поцев, которым делать будет не хрен, кроме как наводить свои порядки. Ладно. В конце концов, кто такой этот Поц? Прыщ на ровном месте. А Дон сделает из бешек нормальных людей, им же на пользу пойдет.

Размышления не мешали ему рисовать. Сначала Фильку, а потом – Леона.

Искоса глянув на него минуты через три, Дон обнаружил замечательный факт: этот павлин-мавлин дрыхнет. С каменно-внимательной мордой, с открытыми глазами, но дрыхнет. Придурок?

Прийти на новое место и проспаться все на свете. Не для него Филька тут распинается о посвящении в студенты, что ли? Все прочее-то в курсе, что за веселуха их ждет на Самайн^[16].

Цезарио, натуральный Цезарио. Такой же павлин.

Вот в виде павлина на жердочке Дон его и нарисовал. Лицо в профиль, чуть утрировав черты и придав им птичье выражение, и небрежными штрихами сонно распушенный хвост и крылья. Получилось похоже. Правда, он даже на шарже вышел до бесстыдства красивым. Интересно будет его потом еще нарисовать, лицо выразительное, и образ... Нет, образы – если присмотреться, интересный парнишка, многослойный. Хоть и дрыхнет, сурок сурком, даже себя в виде павлина проспал.

Но снова рисовать Леона – потом.

А прямо сейчас внимания требовал Поц. Судя по довольным мордам свиты, он уже запланировал пакость. И если эту пакость не пресечь в зародыше, не видать спокойного учебного года.

Пришлось перед переменой посылать ему записку с приглашением на сеновал. То есть на стадион, после третьей пары, на чисто спортивные состязания. Призовая игра – победитель получает все.

Поц прочитал, ухмыльнулся и показал, как откручивает кому-то голову, а потом топчет берцами.

Дон на это даже бровь не поднял: пошло, скучно. Сплясал бы Поц цыганочку, и то было бы веселее.

Зато в классе снова началось шушуканье. Господа, похоже, делали ставки, а принимал их Марат. Ну что ж, оно и к лучшему – не стоит брать Марата в ядро. Лучше втроем, но чтобы все – как один, и без вопросов. Подумаешь, на Дона придется двое и на Ромку двое. Справимся.

Потом. После занятий.

А на перемене была романтическая встреча герцога с несостоявшейся Оливией. Ну да, Дон – герцог Орсино, чего такого? Не Цезарио же ему играть, с его-то сицилийским носом.

Маринка, едва прозвенел звонок с первой пары, повесилась ему на шею и задрыгала ногами. Дон подхватил ее на руки, покружил, она радостно повизжала и спросила, пойдут ли они сегодня танцевать самбу и любоваться ее привезенным из Анталии загаром?

– Самбу – завтра, моя прелесть. Сегодня у нас Олимпиада.

Маринка презрительно поглядела на выходящего из аудитории Поца, фыркнула и поцеловала Дона. Взасос и напоказ, мол, нишкните все, я тут королева.

Собственно, именно поцелуями они и занимались всю оставшуюся перемену, за исключением последней минуты. Ее как раз хватило, чтобы прилепить жвачкой на доску альбомный лист с павлином-мавлином. Без подписи – кто не проспал, тот в авторстве не ошибется.

Глава 2, в которой рассматриваются аспекты дипломатической и подрывной деятельности

За входящим в класс новичком наблюдали все, и ашки, и бешки. Что ж, первый шаг к объединению нации – дружим против новенького. Теперь вопрос, как он себя поведет?

Сказать по чести, симпатии Дона были всецело на стороне павлина. Хорошая птица, правильная. Хвост опять-таки красивый. Не камуфлю. Лишь бы сориентировался в обстановке.

Повел он себя правильно, Дон даже не ожидал, что настолько. Для начала сразу уловил и настроение группы, и предмет их интереса. Глянул на доску, подошел ближе, несколько секунд рассматривал. Дон все это время сидел на Маришиной первой парте, играя карандашом. А Леон у него карандаш попросил. Вежливо и спокойно. С улыбкой спросил, можно ли дополнить рисунок на свой вкус?

Само собой, Дон кивнул. Гогот справа сзади он проигнорировал, как и комментарии похабно-тупого свойства.

А Леон в несколько штрихов подредактировал павлина и нарисовал вторую птицу. Довольно схематично, но явно небездарно. Получились Сирина и Алконост – ночь и солнце, убедительный и красивый контраст. Алконост с его собственным лицом Дона особенно порадовал. Похоже вышло.

– Неплохо рисуешь. Учился в художке или самородок?

– Самовыродок, – ухмыльнулся новичок. Приложил руку к груди и раскланялся.

Большая часть класса заржала вполне себе одобрительно, один Поц отпустил что-то похабное насчет новой подстилки Дона Хачика. Впрочем, и это тоже Дон пропустил мимо ушей. Собака лает, караван идет.

– Мистер Совершенство, – в тон Леону хмыкнул Дон. – Случаем, не мейд ин Чина?

– Мейд ин Раша. Гарантия два года, – голосом киборга сказал Леон. – В случае механических повреждений обратитесь в сервисную службу.

И заржал. Дон тоже. Обнял новичка за плечи и повел к своей парте, на уже законное место.

Второй парой была анатомия. Хороший урок, полезный. Правда, все, что сейчас толкала Натали – владелица байка с пятачком, – Дон выучил еще лет пару назад. Он же художник, а не маляр!

Сосед тоже был если не художник, так пофигист – не выказывал особого интереса ни к анатомии в целом, ни к анатомии Натали в частности.

Вот и отлично. Раз Дон берет павлина в ядро безобразия, надо хоть узнать, чем тот дышит. Стоило бы, конечно, посоветоваться хотя бы с Арманом дю Плесси, но Дон привык доверять себе. Иначе грош ему цена как дону. Типа – профнепригодность.

– Ты откуда, Морена? – спросил для затравки.

– Из Москвы, – откликнулся тот шепотом.

– А почему фамилие испанское?

– По отцу. Он вообще-то француз, но испанского происхождения.

– И по-французски говоришь?

– Конечно.

– Люблю французский. Жаль, у нас он только факультативно, хрен все успеешь... – Было крайне интересно, как Леон попал в спецшколу, куда с улицы не берут, но это потом, успеется. Сначала самое важное. – А что кроме французского и пристойного рисования у тебя в активе?

Леон пожал плечами.

– Гитара.

Неправильный ответ, подумал Дон. Декоративная чихуахуа в семье тоже нужна, но не сегодня. Попробуем еще раз.

– Драться умеешь? – недвусмысленно кивнул на поцанят.

– Умею. – Новичок хищно усмехнулся, став похожим на настоящего Хуана Морену^[17]. – Совсем другое дело же! – Когда?

– Сегодня, после занятий, на стадионе. Олимпиада у нас. – Прищурился, глянул Леону в глаза. – Без выпендра. Поцанята дерутся всерьез и нечестно, так что если тебе дороги руки, бей сразу наповал или стой в стороне. Выбирать сейчас.

– После занятий, на стадионе, – кивнул новичок.

Дон под столом пожал ему руку и вернулся все же к анатомии. И так Натали уже раз на них покосилась. На второй можно и прыщами покрыться, были уже прецеденты.

Кира и Ромку он обрадовал на перемене. У нас, сказал, пополнение. Берем павлина на Олимпиаду, выстоит – честь ему и хвала.

– Почему не Марата? – спросил Ромка, почесывая прилизанные гелем русые кудри.

Выглядел он в костюме, надо сказать, презабавно. С его-то сложением кузнеца и благородным рязанским профилем! Зато – ногти чистые и отполированные, выбрит под шелк, туфли сияют, рубашка и после сдвоенного урока – как снег. Очки даже темные надел. Мафия как она есть!

– Потому что место букмекера не на арене, – пожал плечами мудрый герцог Ришелье.

В отличие от Ромки – и от того самого Ришелье – Кир был мелким, жилистым и невзрачным. На нем и пиджак сидел как гимнастерка, и лаковые туфли походили на сапоги. Зато Сенсей обещал ему через год место ассистента, как лучшему ученику, а в Плешку^[18] он уже набрал высший балл, даром что окончил только девять классов. Мог бы получить бумажку за одиннадцатый, благо всю школьную программу они уже прошли, и уже учиться в вузе, но не стал. Сказал, Плешка не убежит, а вот такой литературы, как дает Филька, там точно нет. Такая литература не всем филологам достается. И остался в альма-матер бамбук курить и тренировать на Поце навыки дипломатии.

До конца занятий обошлось почти без инцидентов. Почти – потому что перед физрой Ариец ущипнул за задницу Лизку, схлопотал по физии, обозвал ее сучкой, схлопотал по физии еще раз, замахнулся...

Его руку перехватил Ромка, а Дон скомандовал:

– Брэк! Лиза, душа моя, не убивай этого придурка, он еще маленький. Сам не понимает, что творит.

Лизка буркнула что-то насчет галантного Тангейзера и вообще Вертера^[19], которого топить – только водоемы отравлять; вильнула роскошной задницей и ушла к Маринке шушукаться о парнях.

Ариец честно не понял, о чем это она, но искренне восхитился. Он и ущипнул-то ее наверняка от восторга, только вот беда, Лизка уже давно выросла, а Ариец так во втором классе и застрял, бедолага.

Как следует посочувствовать Арийцу не дал физрук, он же Твердохлебов Михаил Маркович. Ровно со звонком на пятый урок – к парам, курсам и прочим атрибутам училища Дон пока не привык – нарисовался посреди стадиона, гаркнул хриплым басом:

– Становись! Смир-рна!

Выстроились. Альфа слева, Бета – справа. Не смешивая рядов. Бешки позадирали носы и глядели на семью Альфа свысока. Как будто рост и ширина плеч – самое важное в этой жизни.

Как же. Размечтались об забор. Кто из этих дылд стоеросовых сумеет уложить на травку товарища Твердохлебова? Правильно, никто. И плевать, что сей лысый кряжистый пень на полголовы ниже Поца.

Пень оглядел оба класса, не вынимая изо рта своей неизменной зубочистки, хмыкнул в усы и скомандовал пробежку. Кружок, для разминки.

Интересно, явится ли Твердохлебов на Олимпийские игры после уроков? И что будет делать с демаркационной линией прямо сейчас?

Демаркационную линию товарищ Твердохлебов проигнорировал. Раздал всему классу дрыны и обрадовал, что этот учебный год они начинают с освоения древней славянской гимнастики. И что к концу октября они все должны владеть этим дрыном лучше, чем собственными руками.

– Шаолинь, елы, – буркнул павлин-мавлин, разглядывая двухметровую осиновую дуру.

Во взгляде его так явственно читалось все, что он думает об этом дурдоме, что Дон едва не заржал в голос. О, сколько вам открытий чудных!..

Однако упражнения павлин делал на совесть и вообще выглядел достойно даже на фоне бешек, которые выпендривались со страшной силой – удаль молодецкая так и перла. Так перла, что аж дрыны трещали, а у Коляна – треснул.

Разумеется, Твердохлебов отобрал у него треснувший дрын, высказал все, что думает о безмозглых идиотах, и толкнул речь о духовной ценности осины, необходимости слияния с ней в бою и

особенностях осинового мышления. В смысле, думай, как осина, будь осинкой, и враг твой повергнется в труху и перегноит...

Павлин французский слушал и офигевал.

Ну, пока сил хватало офигевать. Физрук со своими дрынами загонял всех до полного одеревенения, а кое-кто из девчонок так и вовсе сел на травку и так и сидел. Дышал. Даже в Поце поубавилось воинственности. Однако отменять Олимпиаду было никак нельзя. Дашь слабинку сейчас – потом черта с два вообще получится поставить поцанву на место.

Поц тоже идти на мировую не собирался. И зрители жаждали зрелищ: и ашки, и бешки к концу перемены вроде как невзначай пригуляли в парк за стадионом. Территория у школы была гектаров в пять, ровно как в день открытия при Петре Первом. Ни одному чиновнику не удалось подвинуть изящный кованый забор хоть на метр. И сама школа не изменилась: бело-голубой трехэтажный особняк с колоннами и часами на фронте. В советское время к трем этажам добавилось четыре подземных, но снаружи-то незаметно.

И полянка за стадионом из окон школы не видна, спасибо древним дубам.

Подумав о дубах, Дон нашел взглядом Арийца и хмыкнул.

Дубинушка стоеросовая во все глаза глядел на Лизку, а Лизка – на него. Правда, выражение было разное. Лизка явно прикидывала, как красиво будет смотреться белобрысый скальп на двери ее вигвама, а Ариец все больше пялился на ее нижние девчонки, выпячивал грудь, играл бицепсами, трицепсами и прочими достоинствами, коими природа попыталась компенсировать отсутствие мозга.

Остальные поцанята собрались в кружок вокруг атамана и что-то жарко обсуждали, сжимая кулаки и зыря на бомонд и променад: класс Альфа вел себя как подобает интеллигенции и за своего дона волновался сдержанно, без эксцессов. В отличие от бешек, которые по большей части просто маялись, не зная, куда приткнуться и за каким лешим они приперлись. Не за Поца же болеть, в самом-то деле! Его родной класс чуть не поголовно ненавидит, а он и не понимает. Думает, раз молчат и пресмыкаются, значит – уважают и любят. Как же. Щас.

На полянку за стадионом Дон с семьей вышел ровно со звонком на седьмой урок. Как подобает, чинно и с улыбками. Поц с поцанятами

тоже вышел. Поглядел на ритуальный Донов поклон, чуть у виска не покрутил. Ухмыльнулся. Похрустел суставами.

– Ну чо, чувак, по-нашему, на кулачки? – залихватски заломил берет и победительно оглядел класс, потом перевел взгляд на Леона, стоящего за левым плечом Дона, и расплылся в масляной улыбочке. – Девочку только убери, я девочек не бью.

– Предпочитаешь, чтобы девочки били тебя? – тоном профессора-сексопатолога осведомился Дон. – Учтем.

– Это девиация такая, называется мазохизм, – поставил диагноз Леон.

– И вас тоже вылечим, – поддержал Ришелье, не давая Поцу вклиниться.

Вклиниться Поц особо и не пытался – не его это, мозгой шевелить, – только пыхтел, багровел и играл желваками. Ужасно мужественно, хоть Брюсу Уиллису уроки давай.

Девчонки-ашки тихо хихикали, бешки растерянно молчали – пока еще боялись Поца, хоть его авторитет и стремительно падал за плинтус.

– Колюще-режущие сдаем в гардероб, господа, – велел Дон, вынимая из внутреннего кармана пистолет-зажигалку и роняя в подставленные Маратом ладони. – Прочие посторонние предметы аналогично. Никто ж не хочет неприятностей?

Поц и поцанята буркнули что-то согласное, явно с облегчением – их перестали бить морально, а физически они уж как-нибудь этих гребаных очкариков заламают. Повынимали из карманов и из-за голенищ берцев целый арсенал, свалили в руки Коляну, видно, никому из «своих» оружие не доверяли.

Вот под это согласное бурчание Дон и убрал с арены лишнего бойца. Этак небрежно снимая пиджак, кивнул Коляну: постой в сторонке, все равно руки заняты. А Поца спросил:

– Мы с тобой, так справедливо. Кто выходит против Романа?

Вызвался Димон. Ростом он Ромке почти не уступал, такой же медведь – и хитрый, как медведь.

И тут же, не дожидаясь вопроса, вышел Витек и поклонился Ришелье. Неожиданно, подумал Дон. Этот хоть из фильмов что-то почерпнул о вежливости, и то хлеб. Но вылез не в тему.

А вот павлину достался Ариец. Дон еле сдержался, чтобы не отправить павлина немедленно домой – это ж самоубийство, выходить против Арийца. Тварь-то безмозглая, зато чугуний между ушами крепкий. Ядреный чугуний. Такого только ломом можно, даже твердохлебовский дрын обломается. Дон надеялся, что в паре с Арийцем окажется Ришелье, этот даром что на вид мозгляк, у него не чугуний, а чистая оружейная сталь.

Подумал даже, не поменять ли пары волевым решением, обоснуй-то всегда найдется, но обернулся к павлину, увидел, как у него глаза загорелись, и промолчал. Судьбу надо уважать.

Павлин тем временем снял свою щегольскую рубашечку за триста баксов, скинул в руки Марату. Криво ухмыльнулся Арийцу, отсалютовал – двумя пальцами, как немецкому асу, – и вернулся на место, за левое плечо Дона.

Тем, что было под рубашкой, Дон почти залюбовался. Да что там почти! Вот закончится Олимпиада, надо будет посадить павлина на жердочку и нарисовать. Такая натура! И тату на бицепсе интересное, лазурно-золотой дракон. Хорош, хорош, павлин французский.

Сам тоже разделся до пояса, не дело это, рубашками разбрасываться. Это у Поца тельник – чем грязней и вонючей, тем аутентичней. А Дону есть что показать и без пиджака от Хьюго.

Где-то на галерке девочки оценили стриптиз, одобрительно зашушукались. Но вот сейчас Дону уже было не до публики. Реприза окончена, пора на арену. За себя он не особо волновался, Поц – не тот противник, перед дракой с которым надо писать завещание. Недооценивать нельзя, но и бояться не след. А вот за Ромку и павлина – боялся. Он же дон, он за них отвечает. Перед самим собой и перед всем классом. Ну и перед богом: коза ностра – народ благочестивый.

– Первый раунд, – отлично поставленным голосом рыночного торговца объявил Марат. – В левом углу ринга Кирилл, в правом – Виктор.

Парни вышли на середину полянки. Секунды две смотрели друг на друга, потом синхронно друг другу поклонились. Ровно в этот момент до Дона дошло, что Ришелье уже победил. Потому что Витек нашел себе отличную возможность красиво выйти из банды Поца – не в семью, а в одиночки, но под патронажем Армана дю Плесси. Молодец, Витек, так держать!

Марат ударил в спертый кем-то из буфета алюминиевый тазик, что должно было обозначать гонг, и шоу началось.

Красивое шоу.

Ришелье решил развлечь публику, а Витек его поддержал. Отличный вышел балет, просто загляденье. Хоть сейчас обоих в Голливуд! А заодно никто так и не понял, настолько у бойцов разный уровень, что Ришелье мог сломать Витьку шею на первой же секунде, а не танцевать целых три минуты.

Второй гонг раздался, когда Ришелье аккуратно уложил Витьку носом в траву, перед тем показав всем, что победа далась ему ну просто страх как тяжело. Девочки поверили. Мальчики, что странно, тоже. А главное, поверил Поц и даже вдохновился – вона, итить, какие у него богатыри! Не то что Альфа, у которых вместо кроссов – танцы, а вместо штанги – фехтование.

– Второй раунд! – снова гонг, снова Марат.

И улыбочка Поца, нехорошая такая. Зеркалом – улыбочка Димона. И Ромка как-то от этой улыбочки растерялся, пропустил первый удар. Дубинушка, не церемонься ты с ним, хотелось заорать Дону. Клади, ну!

Не положил сразу, а потом было поздно. Димон же медведь, а медведю правила не писаны. Нос береги, нос!..

Не уберег, свернул ему нос медведь. Повезло, что только нос и только свернул, этот бы и насмерть, если б свидетелей не было. Благородный ты мой синьор Ромка, кто ж дерется с быдлом честно?!

Хотя если говорить о честности... Показалось, или в самом деле в Димона ровно перед ударом прилетело шишкой? А под кленом мелькнул знакомый кряжистый силуэт. И получается, если б не шишка, Димон бы ударил сильнее и сломал Ромке нос.

Так был ли Твердохлебов?

Дон огляделся, но физрука не увидел. Впрочем, это ровным счетом ничего не значило.

Когда Ришелье с Сашкой утащили Ромку с поляны прикладывать холодное и отпаивать минералкой, к Дону подошел французский павлин. Бледный, собранный. Тихо сказал, глядя на радостно машущего рукой Лизке Арийца:

– Если что, оттащи меня. Проблемы самоконтроля.

– Ок. Удачи, Леон.

Павлин кивнул, вышел на середину поляны, остановился напротив Арийца – тот скалил свои сорок восемь белоснежных зубов и всем видом обещал Лизке притащить добычу к ее порогу. На павлина он и не смотрел, и так был уверен – против арийского лома нет приема.

Глядя на них рядом, Дон почти с ним соглашался. Павлин против Арийца – это выглядело как моська против слона. Арийца бы в НБА взяли, если б он не путал мяч с арбузом, а в павлине было всего-то метр семьдесят. Не вырос еще, акселерация мимо прошла.

Когда Ариец наконец изволил глянуть на соперника, девчонки испуганно ахнули. Потому что белоснежная улыбка превратилась в оскал, небесно-голубые глаза замерзли, а тельник вдруг стал дико похож на черную форму СС. Зато того, что было дальше, никто не ожидал. Даже Дон, хоть до последнего и надеялся, что не ошибся и не подставил новенького под фугас.

Первый таранный выпад Арийца прошел мимо. Павлин просто уклонился – как змея, незаметно глазу. А на втором, таком же прямолинейном и броненосном, шагнул вперед, хитро извернулся, как намащенный, и вдруг оказался верхом на лежащем Арийце: начищенный ботинок почти наступает белобрысому на яйца, тонкие музыкальные пальцы держат руку – за большой палец, на излом, так, что только Ариец шевельнется, и сустав треснет, а связки порвутся.

И – замер так, не обращая внимания на слезы в глазах белобрысого и хриплые просьбы отпустить.

– Раунд! – с опозданием в секунду заорал Марат. Чуть позже, чем к бойцам бросились предводители.

Дон успел чуть раньше Поца, зыркнул на него бешено, предупреждая: вякнешь – убью на месте. И закрыл собой Леона.

– Отпусти его, – велел тихо и очень спокойно, заглянув в прозрачные глаза.

Там была Валгалла. Снежная, безумная, вечный пир и вечный бой.

На приказ Леон не отреагировал, только там, в Валгалле, ярче засверкали кубки и клинки и громче заиграл вагнеровский оркестр, а Дон порадовался, что не стал его трогать, – черт знает, как берсерк отреагирует.

– Леон. Отпусти. Он безопасен, – повторил Дон.

– А? – Валькирии сложили крылья, Вагнер затих, а Леон его наконец увидел и разжал пальцы.

Ариец выдохнул и со стоном уронил полувывихнутую руку на землю – на что Леон снова напрягся, а Поц рванулся к ним. По счастью, Димон с Витьком его крепко держали.

– Все уже, ты победил, драка окончена. – Дон положил Леону руку на плечо, осторожно погладил. – Слезай с него, Харальд Мохнатый^[20]. Киллер.

Леон улыбнулся, теперь уже осмысленно. Скатился с побежденного врага, принял протянутую Маратом рубашку. А Дон поднял его руку, как на ринге, и крикнул:

– Киллер!

Офигельный класс нестройно поддержал. Поц скривился и сказал, как плюнул:

– Неплохая разминка. Пора поиграть всерьез, моя сладкая девочка. – И подмигнул Дону.

– Я помню, что ты любишь, – солнечно улыбнулся Дон. – Поверь, не разочаруешься.

Гонг.

Шум крови в ушах: сердце гонит адреналин. Обзор сужается до одного только Поца. Все прочее пока не имеет значения.

Медвежья, подлая Поцова ухмылка. Шаг вперед.

Две секунды боя – больше нельзя, медведь заломает.

Этих двух секунд Дон не осознавал, тело все сделало само. Как Сенсей учил: видеть цель, не думать о препятствиях, слушаться инстинктов. Победить.

Дон и не думал. Ни о чем. Даже видел и осознавал как-то обрывками.

Вот – Поц, у него вывихнуто плечо, ссадина во всю щеку, хрипкое согласие, твой класс, пидор гребаный.

Вот – он сам, с победной улыбкой оглядывает класс: приветствуйте вашего «короля-солнце»!

Адреналин из ушей, руки не попадают в рукава рубашки.

И снова Поц, баюкает руку, которую уже вправил ему Ришелье... когда только успел?

Гул крови стихает, тело перестает быть невесомым, а реальность – дискретной.

Поц матерится сквозь зубы. Не успокоился. Злится и мечтает о реванше.

Зря не сломал быдлу руку его же, быдла, безопасности ради.

Не будет спокойного года. Ничего еще не закончилось. Но это – потом, завтра. А сейчас...

– Что встали? – Дон обнимает за плечи Ришелье, мудрый кардинал не будет спрашивать, почему у его короля руки дрожат. – В классе пополнение, жара, мороженое растает! Кто со мной?

Все с «королем-солнцем», победителем чудовища, кроме самого Поца, братцев-сантехников и Арийца. Даже Витек, умница, подгреб к Ришелье, глядит в глаза и что-то такое умное спрашивает про приемы. Голливуд, елки. И павлин, то есть теперь – Киллер, отстал, идет к Димону...

Хруст, вопль, тихий ледяной голос Киллера. Что-то о нечестной игре.

Да что с вами делать, благородные сеньоры, мать же вашу! На секунду расслабиться нельзя!

Оторвавшись от надежного плеча Армана дю Плесси, Дон в три шага оказался рядом с Киллером, отпихнул от него Поца – в больное плечо, ясен пень, вежливо он не понимает, и уже приготовился ломать-таки ему руку...

Но Поц, против ожидания, на него не бросился, а устоял куда-то в сторону с неописуемо-растерянным выражением морды. Эта растерянность была такой неуместной и искренней, что Дон тоже обернулся – и встретился взглядом с товарищем Твердохлебовым.

Вот же леший! Не примерещился!

Физрук глядел безо всякого выражения, как медведь, и привычно ковырялся в зубах щепочкой. Увидев, что внимание подопечных на нем, тихо бросил:

– Шпильман, Селиванов. – И сделал скупой жест в сторону школы, а Киллера окинул долгим внимательным взглядом.

Под этим взглядом даже Дону стало неудобно и остро захотелось спрятаться. Но вместо того он прямо посмотрел физруку в глаза, мол, я знаю, что сделал, и если надо – отвечу. Я, а не мои ребята.

Физрук выплюнул щепку и, развернувшись на пятках, неспешно пошел в сторону школы, уверенный, что его поцаны следуют за ним.

А Дон обнял Киллера за плечи и повел прочь. Позади сквозь зубы матерились Поц и Димон, не понимая своего счастья: все живы, никто

не загремел ни в больницу, ни в тюрьгу. Подумаешь, вывихнутое плечо, сломанный палец и разборки с Твердохлебовым! Фиалки!

Нелирическое отступление номер раз

Болело плечо.

Но и хрен бы с ним, с плечом, терпеть боль Миша умел. Дома учил брат, в школе – Твердохлебов.

Хуже, что болели глаза. Противная резь заставляла щуриться, часто смаргивать, а может, и не резь? Просто ветер?

Да, наверное, ветер, а вовсе не обида... он же не обижен, что проиграл? И главное, кому?! Каким-то задротам-ашкам! Мафия, фу ты ну ты, курам на смех... И выиграли-то они нечестно, просто он, Миша, отвлекся на Маринку, а Ариец, наверное, тоже отвлекся. А эти ботаны воспользовались!

Сволочи!

А Твердохлебов их поддержал! Не своих бойцов, – не зря ж класс «Б»! – а этих пижонов! Своим устроил выволочку, даже не попытался понять, что нельзя было иначе! Арийцу повезло, его Твердохлебов отпустил, а вот самому Мише и Колянну с Димоном влетело по полной. Дружить они должны с ашками! Вы вдумайтесь только, дружить! С этими... этими...

ТЬфу!

От расстройства Миша даже за сигареты схватился.

Вот же... пригодились все-таки. На самом деле он не курил, среди бойцов это не поощрялось, посадишь дыхалку – и что с тебя толку? Но не в затыг – не считается, и потом, у ашек при виде сигарет становились такие морды!

Вот только спички не зажигались, и руки дрожали. Но это потому, что плечо было вывихнуто!

С треском сломалась третья спичка. Пятая.

Миша скрипнул зубами, смял коробок в кулаке, на миг представив, что это пижон Горский.

Коробок хрустнул.

Отбросив его метким щелчком в урну, Миша хотел уже выплюнуть так и не зажженную сигарету, но внезапно осознал, что рядом кто-то есть. И не просто рядом, а на той же лавочке в

Таврическом саду, куда сам Миша спрятался... то есть отступил. На заранее подготовленные.

Блин.

Нет никаких заранее подготовленных! И тыла нет. Брат, как узнает о поражении, будет сначала ржать, а потом...

Рядом покашляли. И тут же перед Мишей оказалась зажигалка. Нормальная такая, потертая зипповская зажигалка. И держал ее нормальный мужик, не белоручка, сразу видно.

Миша молча прикурил. Так же молча вдохнул сухой горький дым. Потом только обернулся к мужику, протянул руку:

– Михаил.

– Ярослав, – ответил мужик, пожав руку. Крепко, с понятием.

Мужик был в возрасте, лет под сорок. Чернявый, с бородкой. В потрепанной косухе. Не хачик, точно – лицо не такое, и говорит по-русски без акцента. И по мозгам ездить не стал. Тоже закурил, по-настоящему, Мише даже стыдно стало, что он не затягивается.

Затянулся.

Обожгло легкие, запершило в горле, резь в глазах только усилилась.

Мужик посмотрел понимающе.

– Проблемы?

Миша пожал плечами, затянулся еще раз. Легче пошло, хоть все равно гадость редкая. И чего говорят, что сигареты успокаивают? Чушь. И на вкус – говно.

А мужик хмыкнул, выбросил свою сигарету – щелчком, точно в центр урны – и поднялся.

– Поехали, пацан, покажу одно хорошее местечко. – Повертел на пальце ключи от байка, поглядел изучающе. – И не кури ты эту дрянь. Не поможет.

Подумалось: будет предлагать дурь? Или в притон повезет? Жаль, а на вид нормальный мужик...

– Никакая дрянь не поможет, пацан, – продолжил мужик. – Даже не пробуй. А вот переключиться полезно. Поехали.

Миша пожал плечами. Выбросил сигарету – все равно ни хрена не помогает действительно.

Кивнул.

Почему бы и не поехать. Все равно делать нечего. Колян с Димоном ушли, Ариец небось дома отлеживается, а остальные... тьфу!

Не думать об остальных – трусах и предателях – отлично помог байк. Ярослав гнал так, что думать не получалось вовсе. Только держаться и жмуриться от встречного ветра.

Остановились только на полпути к Петергофу, под неоновой вывеской какого-то клуба. В первый момент Миша не понял, какого именно, – с вывеской возились рабочие, что-то там меняли, так что видно было лишь первые три буквы: «Пар...»

Кольнуло нехорошее предчувствие. Вообще вся эта нечаянная встреча была какой-то слишком своевременной...

Но Ярослав обернулся, стянул шлем и улыбнулся так понимающе, что Миша вмиг почувствовал себя трусливым пижоном. Улыбнулся в ответ, слез с байка и, разумеется, пошел в клуб. В конце концов, ему давно уже не десять, чтобы докладывать старшему брату, где он пил лимонад и какую девчонку дергал за косичку.

Название на двери оказалось знакомым. «Парадиз». В этот клуб брательник велел не соваться никогда и ни за что. И не только в этот – еще в десяток по Питеру.

А пошел он со своими тайнами и воспитанием! Лупить почем зря – это за ним не заржавеет, а объяснить толком, в чем засада с клубами, – хрен вам. Вот и на хрен тебя, брат.

Ничего особенного в этом клубе не было. Обыкновенная недорогая пивнушка с бильярдом, Розенбаум в динамиках. Мало чем отличается от брательниковой штаб-квартиры, разве что освещение странноватое, синее какое-то. Так, что лица словно мертвые.

Миша подавил невольную дрожь, когда Ярослав обернулся к нему.

В этом хреновом свете показалось, что на него глядит упырь. Мучнисто-серый, морщинистый, с красными глазами.

Тьфу, говно!

Ярослав махнул рукой куда-то в глубину зала и что-то сказал. Странно, вроде ж не особенно и громкая музыка. А что сказал – не слышно.

Да и хрен с ним. Надо мотать отсюда, пока не поздно. Пока не съели. Прав был брат, не для нас ихние Парадизы!..

Очень кстати Ярослав отвернулся и вообще пошел к стойке. Привез, показал, и спасибо тебе, мужик. Пора мне.

У самого выхода Мишу окликнули.

Девчонка окликнула. Звонко, задорно.

– Эй, не твое, парень? Уронил!

Обернувшись, Миша сначала увидел свой берет в чьих-то руках – он светился ярко-голубым так, что глаза резало. И потом только разглядел ее.

И едва не удрал с криком ужаса.

Остановило только упрямство – что он, пацан зассанный, бежать от чудищ из-под кровати? Подумаешь, страшная тетка. Ну, бритая. Ну, старая. Ну, намазюканная под воблу вокзальную. Что он, теток не видел?

Пока он стоял и думал, что этой мымре от него надо, мымра подошла. Улыбнулась. Даже странно, все зубы были на месте. Да и вблизи она уже казалась не такой уж старой и страшной. Просто тетка в возрасте. И не бритая – короткий ежик на голове. Синий.

– Ты берет уронил. На, возьми.

Он взял протянутый берет, ненароком коснувшись ее пальцев. Теплых и сухих.

– Э... спасибо.

Он собрался было надеть берет и смотаться, но тетка взяла его за руку. Ничего так, нормально взяла, не нагло. И улыбнулась хорошо, с интересом.

– Да не обращай ты внимания на этот свет. Сергеич, придурок, что-то намудрил а-ля Америка, сегодня весь день то синие все, то зеленые. Ты тоже. – Она засмеялась и показала на зеркало. – Глянь, сам-то!

От монстра в зеркале Миша отшатнулся, едва не упал – под ноги попался стул. И заржал.

Вот же! Перетрусил, как малявка в «Очень Страшном Замке» со светящимся скелетом на ниточках!

А все эти пижоны виноваты. И Твердохлебов. И брат. И Ариец.

Сволочи. Предатели.

Лохи.

В его руках сама собой оказалась бутылка пива, под задницей стул, а напротив – она.

– Анна Шапочкина. Можно просто Анаша. – Она подмигнула. – Расслабься, красавчик. Просто выпей со мной. И расскажи, почему ты такой злой?

Мелькнула мысль: что-то тут не то. Подвох.

Мелькнула – и пропала. В конце концов, не будет вреда, если он просто поговорит с Анашой. Расскажет о сволочах и предателях. Выпьет с ней пивка. Может, даже трахнет. А почему бы и нет? Опытная женщина – это вам не дура Маринка, она видит, кто чего стоит.

Да и не такая уж она старая. Это все свет виноват.

А в другой раз, может, тут и нормально будет. Сказали ж – это только сегодня так. И вообще – сейчас пивка, и все будет зашибись.

Миша поморщился от странно-затхлого запаха от бутылки, зажмурился и сделал первый глоток.

Глава 3, в которой выясняется, что благородное происхождение – вовсе не гарантия приличного поведения

В кафе-мороженое пришлось идти через аптеку. Ромке, к счастью, нос не сломали, отделался ушибом и синячищем на пол-лица.

– Это не повод отделяться от народа! И вообще мороженое – лучшее средство от всех болезней! – заявил Ромка голосом Карлсона.

– Ладно, герой, наложим холодный компресс, и лопай свое мороженое, – согласился с ним Дон.

И они всем классом, теперь уже – единым классом! – пошли в «Магнолию».

По дороге класс радостно галдел, за раненым героем Ромкой ухаживали сразу две девчонки, одна из ашек, вторая из бешек, и еще минимум три пытались увиваться вокруг Киллера. Тот их не замечал, был где-то то ли в себе, то ли все еще в Валгалле, но держался рядом с Доном. На пару-тройку попыток вовлечь его в разговор не отреагировал, но, видимо на автомате, взял под ручку Янку – самую активную увивалку, рыжую и веснушчатую, – и ей рассеянно улыбнулся. Но внезапно ожил на подходе к кафешке и куда-то уставился. Даже не прослеживая его взгляда, было понятно куда.

Около «Магнолии» сегодня мучил гитару Прогонини.

Жалкое и болезненное зрелище.

Кто его так прозвал, Дон не знал, но вполне понимал почему. Чем-то он был внешне похож, такой же острый и резкий профиль, почти черные глаза, длинные темные волосы, вроде бы и чистые, но неухоженные, сильные тонкие пальцы, страдальчески-вдохновенное лицо и что-то еще неуловимое в мимике, в позе, говорящее: перед вами великий музыкант.

Одна беда. Гитара в его руках плакала и визжала, хоть техника его была безупречна – уж на то, чтобы это понять, Донова музыкального

образования хватало. Сегодня ворочался в гробу Гойя, потому что Прогонини одолела «Ностальгия».

Впечатление он и его не-музыка производили сокрушительное, особенно в первый раз. А Киллер же сразу сказал, что играет, и едва не был записан в чисто декоративные чихуахуа. Да уж, на такую чихуа не каждому мастиффу рекомендуется тявкать.

– Уши заткни, – буркнул Дон, пихая Киллера к дверям кафешки, увитым лианоподобными пластиковыми ветками с огромными стремного вида цветами. Леший знает, почему этих бело-розовых монстров называли магнолиями, уж скорее они напоминали росянок-мутантов, в такой цветочек сунь палец – всю руку откусит.

Киллер глянул на него страдальчески: похоже, от визга гитары у него заболели зубы. А может быть, стало жаль Прогонини – его все жалели, ужасались и тихо молились, чтобы с ними никогда не случилось ничего подобного. Он появился в Питере лет пятнадцать назад – сам Дон этого, разумеется, не помнил – откуда, никто не знал, а говорили все одно и то же: что когда-то он был мировой знаменитостью, не то пианистом, не то скрипачом, а может, и хирургом, тут уже начинались разногласия. Был, словом. Когда-то. А потом что-то с ним случилось, отчего он сошел с ума и даже имя свое забыл.

Дон хотел уже просто пихнуть Киллера к дверям, как страдания гитары резко оборвались, на половине такта, и Прогонини с гитарой в руке бросился к ним, к Киллеру, схватил за руку, так, что Киллер дернулся, и потребовал:

– Верни мне мою музыку, девочка! – громко, властно, красивым баритоном.

Дон почти поверил, что когда-то Прогонини был знаменит, даже почти его узнал: на мгновение глаза сумасшедшего прояснились, плечи развернулись и даже скорбные морщины разгладились. Но Киллер выдернул руку, отступил за Дона, и Прогонини увял, невнятно забормотал:

– Девочка моя, девочка, не бойся, маленькая, я не он, не обижу... только ты верни, мое – отдай, а я присмотрю, чтоб никто... музыка, музыка моя... вся кончилась...

Вжал голову в плечи и все равно продолжал смотреть на Киллера. Просительно, чуть не жалобно.

А Киллер испугался и растерялся, это прямо кожей ощущалось. Шутка ли, пристал псих ненормальный, кто его знает, что он сделает? Да еще за какую-то девочку принял! И от растерянности закаменел.

Интересные у него реакции, подумал Дон, осторожно отгесняя сумасшедшего:

– Вы ошиблись, маэстро, идите, да идите же!

Прогонини отошел, но играть не стал, и слава богу. Просто стоял и смотрел на Киллера, и смотрел, и смотрел... Сумасшедший!

Зато Киллеру помогла отвлечься Янка. Очень артистично споткнулась на ровном месте, ойкнула, повисла у него на руке и виновато-виновато потупилась. Дон тем временем встал между ним и Прогонини, еще и Маринку к себе притянул, чтобы загородить совсем надежно. Но это уже не требовалось. Киллеру понадобилась секунда, не больше, чтобы отвернуться от сумасшедшего маэстро и стать все тем же Цезарио-павлином, что выпендривался в классе. Он вполне адекватно улыбнулся, пропустил вперед сначала своего дона с дамой, потом Янку, куртуазно помог ей снять плащик и отдал его официанту, чтоб повесил. За Маринкой тоже поухаживал, пока Дон распоряжался, как сдвинуть столики, чтобы поместилось почти два десятка человек. И как ни в чем не бывало уселся слева от Дона. Глаза у него снова стали нормальные, темно-зеленые, а не снежно-безумные.

Не отлучаясь больше в Валгаллу, Киллер принялся ухаживать за Янкой – ненавязчиво и деликатно, но так, что стало совершенно понятно: он даму сердца выбрал. В разговоре тоже участвовал, и хоть больше слушал, но если говорил – то в самое яблочко. Девчонки каждый раз хихикали и строили глазки, Арман дю Плесси покровительственно кивал и местами дополнял – в общем, видно было, что Киллер приживется в классе. Когда мороженое и летние новости подошли к концу, а официантов послали за кофе-чаем и десертом – горячим, никто ж не хочет неприятностей в виде ангины? – в кафешке появился Прогонини. Тихий, серьезный, почти нормальный на вид. Подошел к Киллеру, протянул ему гитару и почти неслышно попросил:

– Сыграй для меня.

Киллер кивнул и взял инструмент, а Прогонини отошел, совсем недалеко, к свободному столику у дверей.

– А в кустах так кстати оказался рояль, – радостно прокомментировал Ромка, которого было почти не видно из-за очередного ледяного компресса на носу, зато отлично слышно: к благородному рязанскому профилю, удачно не подпорченному медведем-Димоном, прилагался истинно шаляпинский бас.

– Оркестр, – подмигнул Леон, неожиданно проказливо, для такой-то мрачной физиологии.

Посерьезнел, погладил ладонью гриф, поморщился, подкрутил колок и закинул ногу на ногу. Тронул струны, бережно и уверенно, но как-то... слишком естественно, что ли. Не так, как Дон трогал кистью холст, и не как Маринка – свое фортепиано. Скорее, будто себя потрогал. Ну, как ухо почесал, точно зная, что и как делать и как гитара на это откликнется. И откликнулась же! Совсем не похоже на скрежет и стон под пальцами Прогонини. Сонно мурлыкнула, вздохнула... Ойкнула, когда он щипнул струну.

Леон в ответ задумчиво-ласково улыбнулся, снова погладил струны.

«Под небом голубым...» – запел он через два такта, только на итальянском, глядя почему-то на Дона, и в глазах его снова бушевала снежная Валгалла, кружила и затягивала... Во вьюжной белизне мелькнули и пропали лица одноклассников, стены кофейни, а еще через миг лицо обожгло солнцем, а вокруг заговорили по-итальянски, как на пятничном флорентийском базаре, и резко запахло морем, нагретым камнем, рыбой, лошадьми, свежей фокаччей и мочеными оливками, и лица отчетливо коснулся раскаленный воздух...

– Что с вами, синьор? – спросил надтреснутый старческий голос, а Дон в ответ закашлялся, надрывно и болезненно, и так и не смог ответить, что он пришел слушать музыкантов и искать свою потерю, но опять не нашел, а без нее – никак!..

Кашель прошел, как начался, внезапно, на языке опять появилась сладость мороженого, последним исчез запах рыбы – сменился на пряный кофейный аромат. Осталось только странное ощущение правильности, словно там, во сне, он все же нашел свою таинственную потерю.

Леон уже молчал, и гитары у него в руках не было, и Прогонини куда-то делся. Класс тоже молчал, даже пролетарии.

Первой шевельнулась Янка.

– А я знаю, что ты играл, – сказала тихо. – Это же канцона Франческо да Милано, да?

– Это Гребенщиков!^[21] – с чувством собственного превосходства буркнул кто-то из бешек.

Леон насмешливо изогнул бровь в сторону голоса, а Янке кивнул и улыбнулся.

Дон тоже хотел сказать, что Янка права, но голос не слушался, словно он в самом деле только что кашлем содрал горло. И сердце колотилось как бешеное. В точности как после ночных кошмаров.

– Я читала одну легенду, – продолжила Янка так же тихо. – Хотите, расскажу?

Семья Альфа хотела, потому что знала: Янка прирожденный рассказчик, а бывшие пролетарии присоединились ради поддержания компании.

Одному Дону было все равно. Он все еще не отошел от глюка, слишком явственного, чтобы списать на впечатлительную натуру художника и музыкальный талант Киллера. Тем более что Флоренция и безнадежный поиск снились ему и раньше. Но не так же, не среди бела дня!

Тем временем Янка глубоко вдохнула и начала рассказ.

– ...Жил был давным-давно во Флоренции великий мастер. Был он и скульптор, и ювелир, и музыкант, и воин – всеми талантами сверх меры одарен, и не было ему равных во всей Италии...

– ...и звали его Доном Десятого «А», – тем же тоном, но совсем тихо добавил Ришелье.

Дон через силу улыбнулся и показал ему кулак.

Янка сделала вид, что не услышала, и продолжила:

– На свою беду знал мастер, что не найдется ему соперника, всех он превзошел в мастерстве. Одолела его тоска: раз всех превзошел, так и стремиться больше некуда. Стал он топить тоску в вине, выплескивать на буйных праздниках, поединки устраивал, не за оскорбление даже, за косой взгляд.

«И что поросся не купил? Или Поца себе не завел?» – постаравшись отрешиться от глюков, подумал Дон, но как-то без огонька. Он прекрасно знал, что за легенду рассказывает Янка. Этой легендой и вообще этой личностью Филька ему весь мозг проела. Из-за нее и сны. И глюки тоже.

– Так бы, наверное, он и жил, – продолжала Янка, – если б не шепнул ему кто-то на одном из праздников, что самый главный ему соперник – он сам и есть. Загорелся мастер, решил себя самого превзойти и создать нечто такое, что никогда не создавали до него и после не повторяют. Заперся он в своей мастерской, никого туда не пускал и сам за порог не выходил. Несколько лет провел так, а после вышел, явился к самому герцогу во дворец и показал всем лютню...

– Не лютню, а гитару, – почти неслышно буркнул Киллер, до того сидевший с вежливо-заинтересованным видом.

Дон глянул на него искоса: любопытно, Киллер тоже интересуется итальянскими мастерами? Или лично синьором Бенвенуто Челлини? Хотя дурацкая мысль. Филька же взяла его в класс Альфа, значит, не просто интересуется, а разбирается.

– Лютню! – настойчиво повторила Янка, всегда ревниво относившаяся к аутентичности своих историй. – Удалась мастеру задумка, превзошел он себя. Равных его лютне по красоте не было. Да еще пела его лютня как живая, девичьим голосом. С того дня не стало мастеру покоя, уж очень лютня его герцогу приглянулась. И не ему одному. Просили мастера продать лютню, любые деньги предлагали, только мастер всем отказывал. Но ведь если человек сильно чего-то захочет, то ни перед чем не остановится. Украли у мастера лютню. С того дня заболел мастер, стал чахнуть, а вскоре умер.

«...всего три месяца прожил без нее. Искал по всей Италии, нанимал воров, растратил на поиски все, что у него было, сам ходил по площадям в надежде услышать свою гитару, – параллельно звучал у Дона в голове голос Фильки. – Умер бы от чахотки, если бы...»

– ...а лютню вор преподнес одному графу. У графа сын был, наследник. Заболел он этой лютней, забыл и друзей, и дам, и праздники, только на лютне играл, песни слагал. Граф радовался поначалу, но время шло, надо было наследнику в дела графства вникать, а он – ни в какую. Тогда отец отправил его в университет, а лютню с собой взять не позволил. Юноша уехал, с отцом не поспоришь. Только все ему стало не мило, тосковал он, рвался домой. А как-то раз услышал на каком-то празднике лютниста, и помутилось у него в голове. Показалось ему, будто маэстро на его лютне играет! А лютня в его руках не поет – плачет и кричит. В ярость пришел юноша.

Подкараулил маэстро и убил. И только схватив лютню, увидел, что не та, и разбил ее.

– Как романтично, – вздохнул кто-то из девчонок.

«Романтичный маньяк и убийца», – про себя хмыкнул Дон, старательно не думая о Флоренции, рыбном базаре и раздрающем груди кашле. Это всего лишь фантазии. Слишком впечатлительная артистическая натура. Пройдет. Хотя романтичного маньяка, убийцу и вора Дон бы своими руками закопал. И для надежности – осиной пришил. Осиновый дырн в сердце – исключительно надежный способ борьбы с маньяками.

Янка тоже глянула на девчонку, – кажется, это была Лизка, – сердито и добавила:

– ...а потом по всей Европе находили трупы лютнистов и разбитые в щепу лютни. – Отвернулась от Лизки, перевела дыхание и вернулась к тону летописца Нестора: – Через несколько лет вернулся юноша домой, забрал лютню и ушел. Стал он великим музыкантом, послушать его со всей Европы ехали. А когда умер музыкант, завещал он, чтобы лютню его с ним похоронили. Чтоб ничьи руки больше ее не коснулись. Только граф-отец сына не простил, не дал выполнить его последнюю волю. Забрал он лютню и увез в свой замок, а детям и внукам накрепко запретил к проклятому инструменту прикасаться. И чтобы лучше выполняли его наказ, снял с лютни струны и распродал по одной...

А Дону вспомнилось, как он с полгода назад видел в Интернете новость: странное ограбление частного замка-музея в Лиможе, убит охранник, сигнализация не сработала, видеоаппаратура сломалась, грабители не взяли ничего, только разбили гитару эпохи Ренессанса. Злоумышленника, разумеется, не нашли.

Могла это быть та самая гитара?

Плевать. Это все глюки от нервов.

– ...Говорят, душа музыканта до сих пор не может обрести покой. Ищет он свою лютню и не успокоится, пока не найдет. Говорят еще, что лютня так и не простила смерти своего создателя. И что сведет она с ума любого, кто ее возьмет и коснется струн...

Когда Янка закончила, класс молчал. Лизка и Наташка промокали глаза салфетками, парни из «Б» хмурились и отводили глаза, невместно же сильным мужчинам так переживать какую-то замшелую

сказку. Это они не знают пока, что Янка может стишатами про Мойдодыра слезу вышибить. Талант, однако.

Обстановку разрядила официантка. Кажется, она тоже заслушалась, так что чайники на ее подносе слегка остыли.

– Кто заказывал фруктовый? – бодро спросила она.

Фруктовый заказывала Маринка. А еще Янка, Наташка и остальные девчонки тоже. Парни потянулись к черному, с чабрецом. Киллер сначала промедлил, словно все еще переживал легенду, налил себе последним и, уже сделав глоток, наклонился к Дону и вполголоса проговорил:

– И все-таки это была гитара.

– Почему ты так в этом уверен? – так же тихо переспросил Дон.

Киллер пожал плечом.

– Не знаю. Но знаю точно, что именно гитара, а не что другое.

– Ну... – неопределенно протянул Дон.

Он сам не мог понять, разочарован тем, что Киллер не знает этой истории, или доволен, что в их с Филькой узкий круг посвященных не затесался кто-то еще. Хотя... какая разница? Все же хорошо, так ни к чему париться. Лучше наслаждаться жизнью.

Дон и наслаждался. Вкусным чаем, десертом, близостью Маринки – целых два месяца не виделись, сам только за день до сентября вернулся из Коктебеля, где они с матерью работали. То есть иногда работали, когда на материного очередного гениального творца-любовника напал стих рисовать. Как показали эмпирические исследования, это явление коррелировало с отсутствием пива в холодильнике и появлением под окнами санаторного корпуса заклятого коллеги с мольбертом под мышкой.

Наслаждался он ровно до того момента, как закончилась вечеринка и пора было домой. А чтобы домой – сначала надо было вернуться к школе и забрать байк. Не ему одному, Киллеру тоже. Вот как раз вид Киллерова байка чуть не нарушил правильную медитацию. Банальной завистью и ревностью. Потому что его байк был новее и мощнее.

– Хорошая машинка, – хлопнув байк по седлу, сказал Дон. – Завидую.

Вот так. Честно и прямо. Потому что свои недостатки надо признавать, тогда слабость может стать силой.

Глава 4, в которой баобаб задумывается о вечном

На следующий день Дону было не до рассуждений о силе и слабости и даже не до трепа со свежеприобретенным Киллером. На первом же уроке информатики Гремлин^[22] взял такой темп, что думать ни о чем другом просто не получалось. Даже на перемене.

По традиции звонков с урока было два: первый для быдла, то есть классов «Б», через сорок пять минут после начала; второй – для Альфы и ведьм, то есть классов «А» и «В», через пятьдесят пять минут. Ибо ни к чему перегружать и так слабенький мозг пролетариев. Теперь же уроки слили в пары, пара длилась час сорок пять, и процессор загружался по полной даже у Альфы. Что было хорошо и правильно: скучать на уроках – это даром терять время, которого и так не хватает.

Бывшие бешки после первого же звонка с первого же урока начали было кряхтеть и жаловаться, но как только Поц что-то вякнул о законодательстве, правах ребенка и РОНО в свете возвращения к старым порядкам, остальные резко замолчали. И тут-то пролегла новая демаркационная линия, отделив две последние парты в правом ряду от остального класса. Первым эту линию обозначил Витька, неодобрительно глянув на Поца и пробурчав что-то о необразованных дубах, которые могут таковыми и оставаться, если им нравится. А он, Витька, не хочет ни в сантехники, ни на завод, ни в менеджеры клиринговых агрегатов и потому предпочитает учиться полную пару, а не резаться в морской бой и «Сталкера» на планшете сначала в классе чистый академчас, а потом на перемене еще пятнадцать минут. И на факультативную европейскую историю он тоже пойдет, а пить пиво после четвертой пары – нет.

Свои же, бывшие бешки, малость офигели: поцан, и строит фразы длиннее четырех слов, не употребляя при этом матерных связок? Чудо причудилось, не иначе. Особенно причудилось Арийцу, сидевшему с

Витьком. В небесных глазах отразилось такое детское изумление, что хоть пустышку ему суй, дабы детка не плакала.

Зато Шикльгрубер, он же Поц, быстро понял, что за ветер его обдул, и скомандовал:

– Эрик, сюда, – показав на место рядом с собой.

Ариец пересел, привычно радуясь вниманию атамана, и победно глянул на Лизку: я крут! И тут же недоуменно сник. Лизка крутизны не оценила, а жалостливо свела бровки и вздохнула:

– Баобаб.

Задуматься, что такое баобаб, почему это он – баобаб и может ли это быть знаком внимания, ему не позволил Поц. Дернул за руку и что-то зашептал на ухо. Жаль, Дон не слышал с другого конца класса, да и было совершенно не до того: шла информатика, а общение с кодами давалось ему тяжело. Тут пропустишь пять минут – и будешь потом торчать перед монитором два часа, пытаясь сообразить, как правильно расставить буковки, чтобы комп не казал фак вместо программы.

И только на второй перемене, дожевав пирожок, Дон сообразил, что же сегодня не так.

Тишина.

Покой.

То есть школа, как всегда, гудела-трещала-визжала-грохотала и чудом не разваливалась по кирпичику. Но ни один учитель, не говоря уже про завуча или директора, ни слова не сказал про вчерашнюю драку на стадионе! Не может быть такого, чтобы Твердохлебов забыл и не доложил. Как не может быть, что Эльвира Повелительница Тьмы плюнула и поленилась устроить скандал. В отличие от Фильки, она Дона не любила. Может быть, потому, что к ее химии он был генетически неспособен, примерно как к информатике. Впрочем, Поца и бешек она не любила еще больше, так что досталось бы всем.

Наверное, скандал будет после занятий, когда у пролетариев закончатся обязательные две пары общей программы и одна физподготовки, подумал Дон и успокоился. Толку волноваться о том, что от тебя не зависит? Товарищ Твердохлебов вчера все видел и все, что хотел, Эльвире рассказал.

Как любит говорить мама, акуна матата^[23].

Но ни после третьей пары, ни после четвертой Повелительница Тьмы не проявилась. Даже Филька, и та ни словом не дала понять, что

в курсе, и тем более – как относится к результатам.

Дон сам ее спросил. Несколько не о том, а неважно.

– Фелициата Казимировна! – Нашел ее после уроков в ее же классе поливающей цветочки. Мадонна, мечта, ангел, только зрение подкачало, не дали карающего меча. – Когда будут индивидуальные?

Мадонна обернулась, поправляя на носу очки и продолжая лить из леечки точно под монстеру пятнистую.

– Завтра, Дон, все завтра.

Вид у нее был спокойный донельзя и тон мягкий. Такой мягкий, что Дон тут же вышел из класса и плотно закрыл за собой дверь. Не хочет Филька сейчас разговаривать, и ладно. Дураков нет лезть к ней, когда она такая. Как-то был прецедент: Эльвира не догнала Филькиной вежливости и попробовала что-то там потребовать, как директор. О, как гениально она была послана! Как мяч Марадоной. Как пуля Азазеллой^[24]. Как янки на хоум президентом Венесуэлы^[25]. И сама поняла, что послана, через пять минут, не раньше. Так послать ведьму – большой талант нужен.

Назавтра в десятом «А» – думать о своем классе как о курсе или группе не получалось; привычка, дорогие доны, это вам не фунт изюму! – снова были подозрительные тишина и покой. Даже Твердохлебов на уроке осинобытия сделал вид, что понятия не имеет, почему у Димона пальцы в лубке, а Эльвира на химии – по донесениям Ришелье и Ромки – даже не намекнула, что знает про драку, и не привела по обыкновению в пример образцового поведения биологов, то есть десятый «В». Сам-то Дон вместо химии, ввиду генетической неспособности к предмету, отправился к Фильке на итальянский и с удивлением обнаружил, что не он один законно прогуливает.

В классе у Фильки уже сидел Киллер и хрустел здоровенным красным яблоком.

– Лови! – второе яблоко, брошенное Филькой, полетело в Дона, едва он сунулся в класс.

С яблоком в зубах спрашивать, какого лешего тут делает Киллер, было как-то неудобно. Да и без толку. Если Филька не хочет объяснять, хоть ты тресни, но объяснять не будет. А если хочет, то можно не спрашивать, сама расскажет.

Акуна матата, как говорит лучшая в мире матушка, постигшая дзен.

Правда, акуна матата получалась плоховато. Из-за Киллера. Дон толком не понимал, чем павлин его так задевает. Не раздражает, не вызывает желания отвернуться, как Поц. А именно задевает. Притягивает взгляд. Вызывает зудящую потребность его рассмотреть, пощупать, понять, наконец. Может быть, равнодушием? Такой редкостно самодостаточной твари, как Киллер, Дону раньше не попадалось – даже матушка-пофигистка меркла на его фоне. Ну разве что Филька, но Филька – это вообще отдельная история.

Пока отдельная история впаривала Киллеру, что итальянский – это его второй родной язык, просто он сам об этом пока не подозревает, Дон его рассматривал. В десятый, наверное, за сегодня раз. И снова не мог понять, что же в нем неправильно. Не то что-то в мимике и пластике, не то в манере держаться... не в чертах и пропорциях наверняка, здесь у Дона был достаточно наметанный глаз, чтобы сразу найти изъян. Но... но... Да кто ж его разберет, этого Киллера! Филька всегда говорит, что доверять себе – первейшее правило, и Дон всегда видит именно то, что есть на самом деле, он же художник... вот только видел Дон какую-то невнятную чертовщину.

– Tornate alla lezione, Don^[26], – мягко велела Филька.

Дон ответил также по-итальянски, что он весь внимание, и вообще все лето мечтал о счастье изучать историю культуры с мадонной Феличе.

Филька засмеялась каламбур^[27], подмигнула ему и продолжила спрашивать Киллера, что он знает о Возрождении и что бы хотел узнать. По-итальянски, разумеется, разве что сегодня она говорила раза в три медленнее, чем обычно. Киллер сначала пытался ее убедить, что итальянского почти не знает, и на французский он не похож, и нельзя же так сразу!..

– Только так и можно. Давай, где не хватает слов, пользуйся жестами, как настоящий итальянец!

Как ни странно, Киллер ее отлично понимал. Впрочем, когда Дон только пришел в эту школу к Фильке, он тоже ее понимал на любом языке. Наверное, если бы ей вздумалось говорить по-китайски, он бы и китайский выучил за пару месяцев. И ничего в этом странного нет, говорила она, как раз так – нормально и правильно.

Она вообще любила повторять, что на самом деле ничего странного не бывает, все легко объяснимо, если дать себе труд

подумать и проследить первопричины и логику.

Вот и сейчас она очень логично объяснила Киллеру, что учебного процесса без постановки «Двенадцатой ночи» быть не может. Потому что на носу театральный фестиваль, и питерская школа просто обязана сделать московскую и казанскую.

Киллер недоуменно округлил глаза: почему именно московскую и казанскую? Разве фестиваль не питерский?

А Филька покачала головой и велела Дону помочь новенькому с историей ВШ № 13.

– В смысле?.. – Киллер перевел растерянный взгляд на Дона.

А Дон про себя вздохнул: откуда только этот Киллер свалился и как ему удалось сдать переводные экзамены, если он вообще не понимает, куда пришел учиться? Павлин французский.

– В смысле – после занятий объясню. И учи уже роль, Цезарио.

– Лучше бы «Короля Лира» поставили, – буркнул Киллер, не желающий играть Цезарио. Он так увлекся своим нежеланием, что забыл перейти с итальянского на русский. Вот тебе и Филькина метода.

– И поставим, – солнечно улыбнулась Филька. – Можешь хоть Макбета сыграть, но потом. Сначала...

– Вио-ола, я уже понял, – еще мрачнее отозвался Киллер.

Поправлять его Филька не стала, только подмигнула. И Дон не стал. Сам поймет, в чем тут соль, когда прочитает пьесу.

Киллер читал. И ремейк авторства Ромки, и конспекты Дона по истории школы, и до фига литературы из школьной библиотеки. Задавал Дону кучу идиотских вопросов, на которые Дон терпеливо отвечал, и приходил на пары осоловелый от недосыпа.

Впрочем, Дон тоже. Программа двух университетских факультетов, впихнутая в четыре года училища, даже тренированным Альфа грозила вскипанием мозга. Так что ему было совершенно не до школьной политики. Он только к концу второй учебной недели сообразил, что они так ни разу и не собрались ядром безобразия расслабиться и обсудить насущные дела. Тем более что Поц притих, вроде даже начал учиться и не требовал немедленного внимания.

Опомнился Дон только в пятницу утром, когда вместе с завтраком на столе обнаружил записку:

«Сын, я уехала в Ялту до конца месяца. Если что, звони. Целую, мама».

К записке прилагалось несколько купюр. Пересчитав их, Дон завис. Это – до конца месяца? Ведь сейчас только... только...

Он перевел взгляд на календарь с котятами в корзинке, потом за окно, потом снова на календарь...

Вот же черт. Уже почти середина сентября! Заучился! Ладно. Зато завтра после уроков пойдем ко мне, посидим, хоть с Киллером поближе пообщаемся, а то все только на уроках и об уроках, и расспросить-то нормально некогда.

Днем времени снова не нашлось: будто мало было занятий, еще и Лизка опять разозлилась на Арийца и весь день над ним издевалась. Умно и тонко. Большая часть класса тихо хихикала над ее комментариями, сам Ариец недоумевал и обижался, преподавы злились, Поц хмуро зыркал то на Лизку, то на Дона, в общем, пришлось Лизку попросить оставить белобрысого в покое, объяснив, что он на нее так пялится не от вредности, а от восхищения. И жухлые листья ей засунул в сумку тоже от восторга. Нет, он в самом деле считает их красивыми. И свое поведение – романтичными ухаживаниями. Да, придурок. Нет, мозги не проснутся, если его стукнуть, и фиолетовым он не станет. Да перестань ты уже дергаться, сама как в детском саду, чесслово!

Всю большую перемену на это убил, едва успел сунуть в рот какой-то бутерброд прямо перед звонком. А про запланированные на завтра посиделки вспомнил только под конец последнего занятия, еле поймал убегающего Ромку:

– Завтра после школы у меня! – почти проорал, иначе ж не услышать в общем гаме.

Ришелье и Киллера тоже позвал, разумеется. Оба кивнули и унеслись по своим делам, а Дон подумал, что в этом году ядро безобразия как-то подозрительно рассыпается. Не то что они перестают дружить, нет. Но времени не хватает, у каждого свои дела, вон с Ришелье они теперь даже занимаются у Сенсея в разное время. У Дона же рисование, а у мудрого кардинала его Плешка – все же решил получить диплом заочно, и, кроме того, подтягивает Витька по истории и естественным.

Об Армане дю Плесси и тенденциях распада Дон и думал, когда после тренировки у Сенсея ставил байк на стоянку и шел в ближайший гастроном за едой и пивом. По случаю первого в сезоне общего сбора хотелось выпендриться, приготовить что-нибудь этакое, ну хоть буженину запечь. Вот он и набрал полный рюкзак: свиную шейку на пару кило и две упаковки чешского. Мука, яйца и всякие там тмин, зира, имбирь и чабрец, чтобы сделать для буженины правильную шубу, дома были. Надо бы еще взять тонкий лаваш, помидоры, зелень и ткемалевый соус, но это на рынке завтра, вместе и зайдут. А буженину запекать сегодня, еще бы ее самому не слопать!

Про буженину думалось так вкусно – да еще после Сенсея не стал есть, сразу пошел в магазин, – что аж в животе забурчало. И по сторонам не смотрелось, только вперед, быстрее домой, и плевать, что с самого утра ощущение подвоха, будто упустил что-то важное...

Потом. Сначала домой, поесть, а потом уже думать.

Нежелание думать его и подвело. Ровно в переулке, который между гастрономом и домом.

Стоило дойти до середины – а переулочек был короткий, метров в полсотни – как из-за угла вразвалочку вышел подвох. Два подвоха. Одного звали Поцем, второго – Арийцем. Улыбочка у Поца была приторная-приторная, прямо мечта мухи-дрозофилы. Он даже снизошел до некоего корявого приветственного жеста, а тут еще сзади послышались шаги: ну конечно, Поц не то что один, Поц и вдвоем не ходит, наверняка прихватил еще и Коляна с Димоном, и плевать ему на лубок и сломанные пальцы, не свои, не жалко.

Оборачиваться Дон не стал, и так по ухмылочке Поца было понятно, что правильно догадался, не наряд полиции и не общественная дружина там, за спиной, ходит.

Отстраненно подумалось, что товарищ Твердохлебов что-то недоработал со своими питомцами. Поцу сорвало крышу. Не понимает, что если они сейчас Дона убьют, их же посадят. И не убьют, а только покалечат – тоже посадят. День на дворе, свидетелей – вон, в окнах торчат, досмотрят, будут в органы звонить. Так что не видать Поцу своего вожделенного спецназа. Только Дону-то тоже не видать славы художника, эти уроды как ни крути, а руки ему переломают. По роже Поца видно, что озверел, берегов не видит.

Досадно.

И говорить с Поцем бесполезно. Сейчас его даже Филька не убедит жить дружно. Только «смит и vesson». Или «калашников».

Ладно. Если сбежать нам не дано, это не значит, что Поц получит свое моральное удовлетворение. В рожу он получит. Единственный шанс – это сломать Поцу нос и деморализовать гадов, а пока они деморализуются, делать ноги. До Лиговки двести метров, всего лишь спринт.

Просто – спринт.

Все эти мысли уложились в половину из тех десяти метров, которые разделяли Дона и Поца. Потому что шаг он даже не замедлил и улыбнулся Поцу, как улыбался бы любому знакомому, – солнечно и радостно. Пусть злится, хоть на полшанса больше выйти отсюда живым.

Ноль плюс полшанса – это уже полшанса. Что немало.

Полшанса – или Валгалла.

Когда Дон уже почти слышал звон мечей и кубков, чуть громче, чем тяжелые шаги за спиной, там же, за спиной, взревел байк.

Еще полшанса, подумал Дон, сжимая в кармане ключи с тяжелым брелоком – тоже оружие, если уметь пользоваться. Вот сейчас, Поц самую малость отвлечется на байкера, и...

– Залазь, Дон! – крикнул кто-то позади очень знакомым голосом, рядом с Доном притормозил байк, он запрыгнул позади седока, и байк с рычанием рванул вперед, прямо на Арийца.

Не выйдет, едва успел подумать Дон, уже почти видя, как Ариец своим знаменитым таранным ударом валит их вместе с байком на асфальт. Даже не додумал – когда они проскочили между что-то орущим Поцем и Арийцем...

Почему-то Ариец промедлил.

Всего миг, всего на полмига растерялся. Или усомнился. Черт его разберет почему, но сегодня он был просто Эриком Липиным, а не штандартенфюрером СС...

Байкер, не оборачиваясь, показал Поцу и компании фак, поддал газу – и вылетел на Лиговку.

Глава 5, в которой старые легенды пахнут кровью

Пока летели по Лиговке и дальше, до самого Васильевского, оба сначала орали радостно-нецензурную чушь, а потом почему-то запели «Родина, еду я на Родину»^[28]. Дон даже не задумывался, кто его вытащил. Просто не мог. Адреналин хлестал из ушей, в рюкзаке булькало пиво, светило солнце, матерились водители, и жизнь была прекрасна. А что руки дрожат и слезы из глаз, так то от ветра же! Скорость, форсаж, мать же вашу!

Из переулка выскочил огромный черный пес^[29], басовито гавкнул и припустил рядом. До самого Васильевского он то отставал, то обгонял байк – легко, словно под его шкурой тоже было пять сотен лошадей. Позади бессильно злился Поц, впереди алел бездонный питерский закат, а между ними было – простое человеческое счастье: жить!

И лишь во дворе-колодце старого дома над Малой Невою, когда байкер сдернул шлем, обернулся, и под шлемом оказался взъерошенный и довольный донельзя Киллер, Дон подумал, что именно так и должно было быть. Кто ж еще-то? И байк, ну точно, как он мог не узнать его дракона? Он же эту модель изучил вдоль и поперек, до последнего винтика.

– Посадка прошла успешно, марсиане приветствуют вас! – проорал Киллер, размахивая шлемом.

Эхо откликнулось ему по русскому обычаю: мать, мать, мать! Или не только эхо, но и какая-то тетка с высокого этажа.

Да плевать! На тетку, на эхо, на все!

– Слазьте, космонавты, – повторил Киллер, помогая Дону удержаться на малость, самую малость качающемся асфальте. – Что там, пиво?

Дон кивнул, потому что даже угукнуть не получилось, и вытащил из рюкзака прохладное, хорошо взболтанное чешское. Две бутылки сразу. Киллер тоже кивнул, забрал одну, свинтил пробку и, не обращая

внимания на пену, заливающую мотоциклетную куртку, отхлебнул сразу половину. Дон последовал благому примеру.

Полегчало.

По крайней мере асфальт перестал качаться, а в воплях тетки с верхнего этажа уже можно было разобрать отдельные слова. Все равно, правда, матерные. Вот она, питерская интеллигенция!

Интеллигенция же французская повертела в руках опустевшую бутылку и запустила ее в урну. Попала, что характерно, точно в цель. Ну, Киллер, он и есть Киллер! Осиял сумасшедшей улыбкой Дона, тетку, перебежавшую двор пятнистую кошку с котенком в зубах.

– Пошли праздновать!

И они пошли. Только в парадном Дон сообразил, что Киллер бросил байк как был, без цепи и чуть ли не с ключами зажигания. Не уведут?.. и тут же чуть не засмеялся собственной глупости. Дракона – и уведут. Ха. Он небось руку по самые пятки откусит, только тронь.

– Нормуль. – Киллер словно услышал его мысли. – Там какая-то хрень стоит, не уведут.

Ну-ну, видали мы эту хрень. Не хочешь сейчас рассказывать, где и чему раньше учился, – и не надо. Не все так сразу.

Праздник начался с кофе. Вернее, с уютного дивана в просторной кухне-гостиной, позвякивания ложечки о медную турку, густо-пряного кофейного запаха и приглушенного сине-зеленого света, словно сидишь под водой. Почему-то не получалось сосредоточиться и увидеть всю студию целиком, только отдельные фрагменты: странный ковер на каменной стене, похожий то ли на ловчую, то ли на рыболовную сеть, только сплетенную из холщовых синих ленточек; тень Киллера, танцующую на другой стене рядом с огромным ржавым гарпуном, обломанным на кончике; барную стойку, которая на самом деле – аквариум с водорослями и какими-то невзрачными рыбками... Дон даже пропустил момент, когда чашка с кофе оказалась прямо перед ним, на низком столике, а Киллер сел рядом, плечо в плечо. Ухватил свою чашку обеими ладонями и вздохнул.

– Я там, в переулке, не боялся, некогда было. А сейчас, честно говоря, трясет...

Дон слегка пихнул его плечом.

– Меня тоже. – Хмыкнул, отпил кофе, снова хмыкнул, теперь уже одобрительно. – Я думал, все уже, придется вам памятник заказывать.

Дон-солнце в полный рост, с перстом указующим и ангелом счастья скорбящим. Мраморным.

Киллер фыркнул. Не иначе представил. И тихо, будто для себя, сказал:

– А я случайно увидел, как Поц со своими шепчется. Ну, когда ты про вечер сказал. По нему ж понятно, что пакость замышляет, вот я и решил присмотреть. Повезло, ну и Арийцу спасибо большое.

На Арийца Дон только вопросительно хмыкнул, не отрываясь от кофе. Мол, ты продолжай.

– Так пропустил же, – вздохнул Киллер. – Ну, видел, как он замешкался, да? Задумался потому что. Засомневался, по лицу было видно. А мог бы сбить.

– Видел. Мог бы, – внезапный приступ веселья и красноречия закончился, снова стало страшно и холодно, в точности как в переулке. – Тебе спасибо.

Надо было, конечно, сказать: ты многим рисковал, вытаскивая меня, и теперь поцанята из шкуры выпрыгнут, но тебя достанут. Потому что влез, куда не просили. Сразу, как пришел, так и влез. Нормальный бы парень сначала подумал десять раз, а потом послал и Поца, и семью к чертям собачьим, но не ты. Павлин и берсерк...

– Берсерк, – сказал вслух только последнее слово, повернулся к Киллеру, глянул ему в глаза. Сейчас – нормальные, темно-зеленые, без вьюги и валькирий. А тогда, в переулке, было не видно.

– Ага, – Киллер попытался улыбнуться в ответ, но улыбка вышла кривой и растерянной. – погоди минутку, Дон, я сейчас...

Вернулся через пару минут, с вязаным толстым пледом. Набросил на плечи Дону и сам укрылся, забравшись на диван с ногами.

– Так лучше, а? Теплее. А то холодно у меня. Иногда.

– Лучше. – Дон тоже завернулся в плед по самые уши и понял, что его в самом деле трясет. И тошнит. И страшно до одури, так, что хочется забиться под кровать, накрыться одеялом с головой и звать маму, тихо-тихо, чтобы мама пришла, а страшные твари, живущие в темноте, не услышали. – Ну и дерьмо этот Поц.

– Ага... – Киллер поерзал рядом и вдруг обнял Дона за плечи. – Надо теперь чаще ходить вдвоем. А по одному не ходить. А, Дон?

– Надо.

Привалившись к теплому Киллерову боку, Дон поморщился: если Поцу совсем снесло шифер, а ему совсем снесло шифер, то дело плохо. Кого-то обязательно застанут одного, невозможно же все время ходить толпой. А этот урод не соображает, что придется отвечать за содеянное, и отвечать уже по-взрослому, в шестнадцать-то лет.

– Придется сказать Фильке. И Поцову брательнику. Он, конечно, тот еще двинутый вояка, но таскать Поцу передачи в тюрягу не захочет.

Киллер буркнул что-то угрюмо-согласное и снова замолчал, по-прежнему прижимаясь плечом. Странно уютно. И безопасно. Слово ни один в мире Поц не найдет сюда дороги, а если и найдет – то сильно о том пожалеет. Хорошее ощущение.

– Уютно, – пробормотал через минуту Киллер, словно подслушал Доновы мысли.

– Ты один, что ли, живешь? – разглядывая развешанные по стенам предметы, назвать это коллекцией или сувенирами не поворачивался язык, спросил Дон.

– Ага. – Киллер вздохнул и неожиданно разговорился: – Отец во Франции, мама в Москве. В прошлом году вышла замуж за одного урода, видеть его не хочу. Лучше уж как-нибудь один, от них подальше... отец устроил в эту школу, сказал, самое продвинутое образование в Европе...

– Устроил? – подтолкнул его к самому интересному Дон.

– Ну да. Он с Филькой знаком уже лет сто, она и обещалась за мной присматривать. К себе в класс взяла. Пришлось только пройти тесты. Странные тесты для факультета культурологии... слушай, за каким лешим вам стрельба из арбалетов?

Дон фыркнул. Дурацкий вопрос!

– Стрелять надо уметь из всего, что стреляет. Хоть из пылесоса. А раньше где учился?

Киллер фыркнул ему в тон:

– А где попало. Шесть закрытых лицеев, до черта всяких репетиторов, секций и клубов. Вздохнуть некогда было. Зато гитаре меня учил мировой мужик! А арбалеты ваши мне даром не нужны, только пальцы портить.

– Не хочешь арбалет, освоишь рогатку. Дел-то. Твердохлебов не Твердолобов, он уважает прибабахи богемы. – Дон хмыкнул и

потянулся потрогать резной моржовый бивень. От него пахло старой легендой, кровью и смертью. Почти по Пратчетту.

– Эту коллекцию собирал мой отец. Он вообще-то историк, доктор наук и почетный член трех Академий. У нас дома в Лиможе целый музей. – Киллер обвел пальцем вырезанную на бивне фигурку оленя. – Я, когда первый раз сюда попал, всю голову сломал. Вот ты догадался, что это – коллекция суеверий?

– Суеверий? – переспросил Дон.

Он как раз пытался понять, что делают рядом с бивнем пистоль века так шестнадцатого и тускло-серебряный неровный круг с гравировкой-свастикой и едва различимыми скандинавскими рунами. Видимо, для полноты сюрса под кругом висело серебряное же распятие, грубо сделанное и потертое, а рядом с ним – целый набор рыболовных крючков, от костяных и медных до современных стальных.

– Недействующих, – объяснил Киллер и покосился на Дона. – Ну, всякие талисманы и... вот, видишь вон ту сеть? Это из Кастилии, для охоты на оборотней.

– Эти линиялые ленточки, что ли? – Дон засмеялся, представив, как матерый волчара стряхивает с ушей синюю холщовую лапшу.

Киллер тоже рассмеялся и кивнул.

– Ну да. У них было такое поверье, что синий цвет лишает оборотня силы. Понимаешь теперь про недействующие суеверия?

Через пару чашек кофе Киллер рассказал, как этим гарпуном веке так в пятнадцатом пытались убить морского льва, случайно заплывшего к фьордам, потому что его приняли за морского демона. Потом рассказал истории гравированного круга и бивня. Рассказчиком он был хорошим. Янке, конечно, уступал – но ей все уступают, зато рассказ пересыпал шуточками, то добродушными, то откровенно издевательскими, и получалось живо, легко и весело. Под эти истории, шуточки и кофе они согрелись, и противная дрожь в руках тоже отпустила, а потом Дон сообразил, что Киллер давно молчит, глядит в аквариум и задумчиво улыбается, а он сам – рисует его ручкой на тетрадной обложке, почему-то с ледорубом в руке...

– Э... разве я такой страшный? – по-детски обиженно спросил Киллер, заглянувший через плечо. – И эта хрень зачем?..

– Не хрень, а ледоруб... ну, помнишь – таким Троцкого убили. Настоящий охотник на вампиров!

Дон положил последний штрих и отодвинул портрет. Киллер вышел бессовестно красивым, мрачным и опасным, хоть сейчас на афишу в роли какого-нибудь Ван Хельсинга. И ледоруб очень в тему.

Хотя, судя по недоуменной физиономии Киллера, аналогии между ледорубом и охотником на вампиров он не понял. Вот же павлин французский, у Дона в конспектах по истории Школы все это есть!

– Так при чем тут ледоруб-то?

Киллер осторожно обвел пальцем свой же силуэт на картонке. Было в этом жесте что-то такое... восхищенное, пожалуй. Иначе с чего бы Дону вдруг стало так приятно?

– При упырях-коммунистах...

На лице Киллера отразилось такое недоумение, что Дон чуть не засмеялся. Небось вообразил, что ВШ № 13 – это замаскированный Хогвартс? А осиновые палки волшебные? Ага, три раза. Не будет тебе диплома Великого Мага, а будет – обыкновенного искусствоведа. Ну, не совсем обыкновенного, но это уже детали.

– Ладно, не смотри так, расскажу, – хмыкнул Дон. – А ты мясо в духовку сунь, ага? А то я уже сырое готов жевать.

Киллер взялся за мясо, едва не забытое в рюкзаке, а Дон – за лекцию. Ну, не совсем лекцию, конечно. На самом деле история ВШ № 13 больше походила на фантастическо-детективный роман. Хоть фильм снимай.

Об основателе школы, Александре Меншикове, Дон рассказывать не стал – времена Петра Великого и его самого не слишком интересовали. А вот про то, как школу в первый и единственный раз попытались закрыть, поведал. В двадцать втором году, по личному распоряжению Троцкого – как рассадник контрреволюции. Ибо ни к чему простому советскому человеку изучать мировую культуру и прочую буржуазную ересь.

Поглядел на непонимающее лицо Киллера – при чем тут это? не из-за школы же его убили! – хмыкнул и добавил, что убийца был сыном выпускницы школы^[30]. Так-то! Теперь тот ледоруб хранится в школьном музее, Дон его сколько раз видел! А рукоять у него осиновая. У чего, у чего, у ледоруба! Думаешь, зря Твердохлебов нас учит осинобытию?

– Оси-иновая, – простонал Киллер, дослушав. – Особый агент НКВД доктор Ван Хельсинг против главного вампира России Льва

Троцкого! Уже завтра во всех кинотеатрах страны!

Дон сердито фыркнул и пририсовал Киллеру на картонке развевающийся плащ.

– Не знаю, как называется эта нечисть, но что покруче Жеводанского оборотня – ежу понятно. Ты вообще представляешь, сколько людей он уморил? Графу Дракуле и не снилось.

– Все они там хороши были, – буркнул Киллер, почти перестав ржать. – Что, серьезно, осиновая? И лезвие серебряное?..

– Серьезно. Ты сходи, сходи в школьный музей. – Дон сунул ему в руки рисованную на картонке афишу: «Впервые на экране! Леон Ван Киллер: победитель Мракобеса!» – Звезда Голливуда.

Киллер показательно утер слезу умиления и прижал афишу к груди.

– Я подарю тебе моего десятого Оскара, друг! – и снова совершенно неприлично заржал.

Дон – следом. Думать о серьезном не хотелось, да вообще думать не хотелось.

Киллер, отсмеявшись, снял со стены и с гордо-заговорщицким видом подал Дону тяжеленькое трехрядное ожерелье из пуль.

– Такого в вашем музее нет. Стопудово. Смотри, вот тут гравировка, крест и буквы...

Пули крепились джутовой веревкой. И, судя по виду и весу, были серебряными. Перебирая пули и показывая Дону особо выдающиеся, Киллер рассказывал, что вот эту, по легенде, вытащили из шкуры Жеводанского людоеда, а вот эта – смотри, интересная чеканка, правда? – испанская, от ведьм. Дон соглашался, что чеканка интересная, а потом они душевно ржали дуэтом, представляя озадаченное лицо охотника, на которого выходит оборотень в ожерелье из серебряных пуль и спрашивает: почему ленточка на шляпе не синяя, что, не уважаешь?

К этому моменту из духовки уже отчаянно пахло жареным мясом, а еще две бутылки чешского дожидались в холодильнике. Надо было срочно освобождать им место в организме, и Дон, пока Киллер тыкал мясо вилкой, пошел искать заветную дверцу.

Она нашлась в маленьком холле, совсем рядом со входной дверью, правда, почему-то была замаскирована под обычную стенную панель. Конечно, насчет обычной Дон малость того, преувеличил. Хоть

они с матерью и не считали копейки, но отделять коридор натуральным резным деревом себе позволить не могли. А тут... Вся квартира, хоть и небольшая, была сделана, прямо скажем, офигительно. Все натуральное, начиная с теплого каменного пола и заканчивая кожаной обивкой дивана. Даже занавески, похожие на морские водоросли, и те были сделаны из волокна вроде пальмового.

Поискав рядом с дверью выключатель, Дон его не нашел, и решил, что здесь все совсем круто: свет зажигается, когдаходишь. Умный дом. Так что он толкнул дверку, вошел – на свою беду, продолжая разглядывать витраж над дверью в студию, – и чуть не покотился кувырком вниз по лестнице. Едва успел схватиться за что-то металлическое, выступающее...

– Ты чего, Дон? – на порог выскочил Киллер, глянул на ругающегося Дона и заржал. Гнусно, перегибаясь пополам и тыча в него пальцем.

Дон тоже заржал. Тоже гнусно, сгибаясь от избытка ржания и тыча пальцем уже в Киллера, немисливо смешного в завязанном на поясе кухонном полотенце как в фартуке.

Оторжавшись, Киллер объяснил, что это не та дверь. Планировка дурацкая, такая только в Питере и бывает. Туалет с ванной примыкают к спальне, а это – ход в подвал, старый ход, потайной. Смотри, как сделан! И повел Дона вниз по винтовой лестнице, впрямь старой, каменной. По дороге продолжал объяснять, что квартира прямо над магазином, второй же этаж, поэтому лестница такая длинная. Похоже, подвал тоже не прямо под магазином, а еще ниже, под первым подвалом. Папин друг тут хранит всякую ерунду, у него до черта ерунды, и еще вино, там стеллажи такие, винные, как в Лиможском замке.

На замке Киллер запнулся, словно был в чем-то не уверен.

Надо бы расспросить подробнее, подумал Дон, но потом. Сейчас они уже спустились в подвал, темный, холодный и сырой, как и положено порядочным подвалам. И откуда-то слышался плеск воды.

– Свет здесь, слева, – сказал Киллер, и зажег лампочку. Древнюю сорокаваттную лампочку на шнуре, без абажура. – Ничего интересного, если не открывать коробки.

Коробок было много, целые штабеля. Упакованные в брезент и пленку, заклеенные и завязанные веревками, кое-какие с почтовыми

штемпелями и наклейками, разного размера и формы, эти коробки громоздились у правой стены. А у левой в самом деле был винный стеллаж с пыльными бутылками. Дон удивился. Вино же нельзя хранить в сырости, оно портится. Правда, куда больше, чем винные стеллажи, его удивил колодец прямо посреди подвала. Круглый, из плотно подогнанных каменных блоков, причем камни были разные: и гранит, и бут, и куски базальта, и песчаник, даже желтый крымский ракушечник. Никакой крышки у колодца не было, так что Дон туда заглянул.

На дне плескалась вода. Черная, маслянисто-блестящая. А по стенке колодца – такой же пестро-каменной – спускалась ржавая металлическая лестница. Судя по вытертой, почти блестящей середине перекладин, ей пользовались, и довольно регулярно.

– Понятия не имею, – снова ответил Киллер на невысказанный вопрос. – Про колодец отец ничего не говорил. Я туда не лазил, не полезу...

– ...и мне не советуешь, – закончил за него Дон и выпрямился. – Нет уж. К водяным в гости меня не тянет. Там холодно и мокро!

Кивнув, Киллер пошарил по стеллажу и вынул оттуда пыльную бутылку с пожелтевшей этикеткой. Посмотрел ее на просвет, еще раз кивнул и пошел наверх, оставив Дону почетную обязанность тушить свет.

Вино оказалось красным, терпко-сладковатым и дивно вкусным. А мясо из духовки так вообще мечта поэта. А Киллер еще и рассказал пару баек про отцовских друзей-историков, и Дон – про господ художников. И когда половина мяса была героически спрятана в холодильник до завтра, а вино выпито, на часах – напольных, с гирями и мелодичным боем, – откуда-то взялась половина первого. Зато плед был теплым и мягким, влетающий в открытое окно ветер неожиданно пах свежестью и рекой вместо городского смога, а Киллер под боком сопел сонно и уютно.

Прям не Леон, а Матильда, подумал Дон, подтянул под голову еще одну подушку и тоже уснул.

Еще одно отступление, почти лирическое

Темно.

Тихо.

Только где-то очень далеко капает вода: кап, кап, кап. Чуть реже и чуть тише, чем стучит сердце.

Стены теряются в темноте, и кажется, что никаких стен здесь нет вовсе. И света нет и не будет. Никогда.

То есть это так кажется, а на самом-то деле утро наступит, наверняка, только надо его дожидаться, совсем немного дожидаться... Сколько времени? Сколько я тут? Два часа? Или три? А может, уже неделю?..

Или – год?

Или там, вовне, нет ничего, а я всегда был тут, всю жизнь брожу среди этих банок, бутылок, витрин...

Угол. Кажется, угол. Кажется, стеклянный. Холодный. Влажный. Поблескивает.

Наверняка стекло, просто стекло, совсем не страшное, обычное стекло!..

И на самом деле здесь вообще не страшно. Главное – не смотреть по сторонам. И перед собой не смотреть, пусть даже темно и ничего не видно. Ничего – и никого, потому что тут и нет никого!..

А вот под ноги можно. Под ногами пол, просто пол. Я помню: узорчатый, такие на нем разводы и прожилочки. Каменный пол. Наверняка каменный, холодит ноги, чувствуется даже сквозь кроссовки. А был бы деревянный – было б тепло. И тогда бы он скрипел. А этот – не скрипит. Совсем. Только немножко шуршит, если задеть подошвой, вот так:

– Тс... с-сладкий...

Вот как шуршит! Замечательно совершенно шуршит! Почти членораздельно! И совсем даже не страшно!!! И совсем-совсем никто тут не дрожит и не боится. Просто холодно. Мне холодно! А если подошвой еще раз?..

– С-сла-аденький...

Это, наверное, камни разные. А еще, говорят, иногда бывает такой ветер, шуршащий и говорящий.

Это если бутылку на чердаке воткнуть, где сквозняк, я в книжке про такое читал. Наверное, и здесь тоже бутылка... только здесь ветра нет. И тихо, совсем тихо, ничего не слышно, даже машин на улице... или их просто нет? Может быть, уже утро наступило, там, откуда я пришел, а тут – не наступит никогда, здесь же все мертвые, зачем им утро?..

Кап. Кап.

Шарк кроссовкой. Просто шарк.

И дыхание, вот, слышно. Мое. И видно что-то...

Свет?!

Нет, я не дрожу, то есть мне просто холодно, и... Наверное, это луна. Через окно. Здесь же должно быть где-то окно? Или нет? Да есть же, просто мне не видно. Их закрыли на ночь. Пришел сторож и закрыл. А потом ушел. А я остался. Здесь. Один. И свет – через щели, наверняка! Жалюзи опустили, а щели остались. И в них луна, а вовсе не банки. Это не банки светятся, правда же? Банки не могут светиться! И эта голова одноглазая – она же не может улыбаться на самом деле. Это так. Мерещится. Наверняка мерещится!

Шарк-шарк. Шарк. Шарк-шарк-шарк.

Шаги? Но я же стою! Почему шаги за спиной?! Нет же, нет, это мерещится. И сбоку – кажется! Это просто ветер, и вода капает. Надо закрыть глаза, успокоиться и дышать. Ровно. Как вода капает...

Кап-кап. Кап. И ближе – кап-кап-кап. И слева. И справа. Шарк-кап-кап...

Заткнуть уши! Надо закрыть глаза, заткнуть уши и не слушать, и не смотреть! Как Одиссей, он уши заткнул, и я тоже! Там сирены пели, точно, сирены... нет? На улице не слышно сирены?! Вот же, прошуршала машина, пусть это сюда, пусть пожарные, пусть полиция, пусть кто-нибудь... кто-нибудь живой! Кто не шепчет, не шаркает, не поет тонко и фальшиво, на одной ноте... да нет же, это машина проехала, и пол шуршит! Пол, потому что подошва у кроссовок резиновая, рифленая. Обыкновенная подошва, обыкновенный пол. Вот же: ш-ш-ш... ш-што... приш-шел?! Пос-смотреть? Рис-скуеш-шь!

И тут же, грубый голос:

– Днем с-смотреть нужно! Днем тих-хо. Тих-хие мы, безопасные.

– Не в то время ты пришел, мальчик! – совсем отчетливо, прямо над ухом.

Голоса окружают, и что-то касается рукавов, спины, пальцев, что-то холодное, мертвое... Нет! Вас нет! Уходите!.. почему вы не уходите?! Почему я не слышу себя, только вас?..

– ...С-сейчас-с мы тебя с-смотреть будем...

– ...Ручки-ножки. Глазки.

– А уш-шки?!

– Рассмотрим как следует. Растащим по баночкам. Кому чего?! Кому чего не хватает?!

Это не здесь. Здесь никто не говорит! Некому здесь говорить! Это... это просто я вспомнил! Это первого сентября, в школе! Так Кот говорит! Говорил...

Надо уши закрыть. Ладонями. А глаза открыть, да, открыть глаза!

Вот. Вот, ничего тут такого. Просто темно. И витрины, просто. Уроды. В витринах. Заспиртованные. Неживые.

– Уроды?!

Откуда шепот? Я же зажал уши!

Я не слышу. Ничего не слышу, вот так.

Чье-то дыхание на щеке; резкий, аптечный запах бьет в нос. А может, не аптечный? До ужаса мерзкий. Мертвый.

Я ничего не боюсь. Они же не живые.

...Они не мертвые?!

В ладонь – влажное. Похоже на нос. На два носа. Как у той двухголовой косули...

– Смыш-шленный мальчик!.. – шепчет... косуля?!

– Мне все же уш-шко...

– Незачем тянуть! – резкий голос, резкий толчок в спину.

Шаг вперед, прямо к витрине с одноглазой головой, она улыбается, подмигивает, открывает черный рот...

– Мне, мне глазки! Глазки! – сзади, визгливым женским голосом.

Мама! Мама, прошу тебя! Мама-а!

Смех. Шелест. Шуршание.

– Трус-сишь, малыш-ш...

Помогите, кто-нибудь, спасите меня от них!!!

Витрина прямо перед глазами, вот сейчас я упаду в нее, она расколется, и эта голова...

Теплые, живые руки обхватывают меня. Кто-то живой. Мама... мама?

– Пшли прочь! – не мама, голос мужской, живой, сердитый голос. Может быть, это сторож? Пусть это будет сторож!

Я оборачиваюсь, смотрю на него. Черты расплываются, вижу только бородку, усы, темные блестящие глаза. И улыбку.

– Не бойся. Они тебя не тронут, пока я с тобой.

Я верю ему. С ним – безопасно. Он не подпустит их больше. Никогда!

– Ты останешься со мной навсегда?

– Конечно, малыш. Теперь мы всегда будем вместе, – обещает он, улыбается, гладит меня по голове.

Его рука большая и надежная, а глаза – теплые и веселые.

Страх отступает, прячется под шкафы и витрины и оттуда молчит. Ждет.

Не дождется.

Я беру его за руку, хочу спросить: как тебя зовут?..

Не успеваю: где-то далеко бьют часы.

Полночь.

Бьют куранты на Петропавловском соборе^[31]. А я сам – в Кунсткамере, и мне восемь. И сейчас я опять проснусь, так и не разглядев лица своего спасителя... или своего чудовища, которое всегда со мной?

Бом-м-м...

Глава 6, в которой говорится о герцоге, пирогах и данайцах

Бом-м...

Дон вырвался из липкого кошмара с первым ударом часов. Сердце колотилось, как после долгого бега, простыня сбилась – видел бы сейчас его кто-нибудь! Хорошо, Маринка еще спит.

Стыдно, господин Горский! Подумаешь, кошмар. Кошмар закончился, доброе утро вам, дышите ровно и думайте о хорошем.

Например, о кофе, которым так завлекательно пахнет... и что-то такое шкворчит едва слышно, и запах дразнит... м-м-м...

Бом!..

Он открыл глаза, бездумно глянул в окно.

Там, за окном, было мокро и прозрачно, как бывает только ранним осенним утром в Питере. Желтый березовый лист прилип к стеклу. Еще бы часик поспать, только без снов...

Глаза закрываются...

Бом!

С Невы протяжно и тоскливо откликнулся пароходный гудок, и следом еще один, на тон выше – это поздоровались первые речные трамвайчики.

Бом!

Пора вставать, но Маринка так славно сопит, свернувшись клубочком в его руках... Грех не поцеловать!..

Дон потянулся к ней, открыл глаза – и замер в недоумении. Потому что вместо привычных каштановых кудрей перед его носом были чьи-то темные, едва волнистые волосы. И пахло не Маринкой. И вообще...

С четвертым ударом часов Дон, наконец, окончательно проснулся и вспомнил: он у Киллера. И целовать его – явно плохая идея, даром что с утра пораньше хочется чего-то эдакого. Вот была бы рядом Маринка!

Эх... придется обойтись кофе. И яичницей с ветчиной, или чем там пахнет?.. И откуда пахнет-то? Киллер вроде один живет!

С пятым «бомом» Киллер потянулся и буркнул что-то невнятное, что можно было принять как за «доброе утро», так и за «не хочу в школу». И повел носом в сторону кухни. Расплылся в улыбке.

– Завтрак, Дон!

Волшебное слово, подкрепленное седьмым и последним «бомом», придало Дону достаточный заряд бодрости, чтобы вскочить с дивана – и нос к носу столкнуться с...

– Доброе утро, судари мои! – сказал слегка дребезжащим тенором очень колоритный старичок и светло-светло улыбнулся.

Прежде всего в глаза бросался – потому что был чуть ниже уровня глаз Дона – красный ночной колпак с кокетливой кисточкой. Самый настоящий ночной колпак! А чуть ниже колпака виднелись седые бакенбарды, явно – гордость старичка. И бакенбарды, и усы, и профессорская борода были ухожены, тщательно расчесаны и вроде бы даже... на помажены? На носу старичка сидело настоящее пенсне. Овальные линзы, золотая оправа... и сломанное переносье, чиненное аккуратно, виток к витку, уложенной медной проволокой.

– Э... доброе утро, сударь, – машинально откликнулся Дон, отступая и переводя взгляд еще ниже.

На тщательно отглаженный вишневый сюртук с длинными полами.

Сюртук, как и пенсне, знавал лучшие времена. Наверняка лет этак сорок назад он не лоснился на плечах, да и кожаные заплатки на локтях фасоном не предусматривались... как и медали. Целых три смутно знакомых медали, совершенно точно не русские – на одной был крест в круге, остальные Дон не рассмотрел, невежливо пялиться в упор на незнакомого профессора, даже если у него под сюртуком тельняшка и бархатные штаны, и восточные туфли с загнутыми носами и вышивкой золотом по бархату цвета берлинской лазури. А в довершение картины – жесткий от крахмала белоснежный передник, вышитый лавандой и котятками.

Из какого музея он взялся? Или из лампы вылез?

– Доброе утро, Франц Карлович, – подал голос Киллер. – Познакомьтесь, это мой друг, Дон Горский.

Дон вздрогнул и поднял взгляд с котенка на переднике на лицо старичка-профессора. Смущенно улыбнулся: небось целую минуту пялился, как первоклассник в зоопарке. А ведь старичок-то явно одинокий, есть в нем что-то такое, древнее и подзаброшенное.

– Здравствуйте, Франц Карлович. – Дон улыбнулся, не зная, что бы еще такого сказать. Даже странно, обычно он легко находил общий язык с кем угодно, от таджикского дворника до примы «Ла Скала».

Старичок просиял.

– Чрезвычайно приятно познакомиться, сударь! Смею надеяться, вы пьете кофе по-провански?

Кофе по-провански Дон ни разу не пробовал, но все равно кивнул:

– Если это пахнет кофе по-провански, то конечно!

Старичок просиял еще, покивал, тихо пробормотал по-французски о хорошем аппетите растущих детей и засеменял на кухню, откуда плыли манящие ароматы кофе, сдобы и жареной ветчины. А Дон недоуменно оглянулся на Киллера.

Тот, с неменьшим недоумением разглядывая отстиранные и отглаженные джинсы – те самые, вчера залитые пивом, – пожал плечами.

– Сосед сверху. Профессор на пенсии. То ли лингвистики, то ли кулинарии, я не совсем понял. Он такой... ну... одинокий.

Джинсы Дона, толстовка и даже носки с армейской аккуратностью были повешены на спинку того же стула, что и одежда Киллера. Такие же чистые, отглаженные и едва уловимо пахнущие лавандой.

– Э... у тебя что, домовый?..

Дон не удержался, понюхал толстовку и оглядел наконец комнату. Чистую. Аккуратную. Без малейших следов вчерашних посиделок.

Кто?.. Как?..

Ведь не было никого. И никто не шумел. Дон бы обязательно услышал и заметил, он всегда спит чутко. Даже когда мама заглядывает проверить, уснул ли он и выключил ли комп, просыпается. А тут...

Мистика.

– Наверное, Франц Карлович прибрался. Он такой... чистоплотный, да. Кажется, он меня немножко усыновил. Или

увнучерил. – Киллер вздохнул и сделал круглые жалобные глаза. – Ну не могу ж я его прогнать? Это невежливо.

У Киллера забурчало в животе, намекая, что не только вежливость тому причиной.

– Я б тоже не смог, – хмыкнул Дон. – Такие запахи!

Полсекунды они смотрели друг на друга, а потом дружно засмеялись и так же дружно ломанулись на кухню, как настоящие вежливые юноши.

Завтрак, накрытый на две персоны, пах так, что Дон мигом забыл и про мистику, и про все на свете... то есть почти забыл. Потому что старичка-профессора на кухне не было. Испарился.

– А где Франц Карлович?

Очень хотелось проверить в кладовке и за занавеской, но там тоже никого не было, совершенно точно. Только на столе, прислонившись к кофейнику, сидела кукла: сантиметров двадцати, с фарфоровым личиком и одетая в платье с турнюром по моде позапрошлого века. Глаза у куклы были зелеными и лукавыми, а в руках она держала кружевной зонтик.

Киллер виновато вздохнул и развел руками.

– Наверное, ушел. Он иногда забывает попрощаться.

И поздороваться тоже, подумал Дон. Странный товарищ. Исчез, даже дверь не скрипнула. И вообще, чтобы старичок – и упустил случай рассказать молодежи о былых временах?

Он только хотел спросить Киллера, часто ли Франц Карлович вот так берется неизвестно откуда и пропадает не пойми куда, как скрипнула входная дверь, а к ароматам кофе, сдобы и ветчины добавилось что-то еще орехово-мускатно-обалденное, да такое, что Дон забыл все свои вопросы и обернулся.

На пороге кухни снова стоял смущенный донельзя старичок, держа в руках блюдо с пирогом. Пышным, румяным, источающим неземные ароматы.

– Я вот, судари мои, пирожок утром испек. Бессонница, знаете ли.

Дон с Киллером, не сговариваясь, засуетились: поставить еще один прибор, пододвинуть стул для профессора. Ну в самом деле, не прогонять же дедушку!

На вкус пирог оказался еще лучше, чем на запах. Дон с Киллером так им увлеклись, что едва не опоздали в школу. Тем более что

профессор кулинарии – а может, и целый академик, такие вкусности творит! – смотрел на них умиленно, подкладывал добавки и выглядел совершенно счастливым. Он немножко расспрашивал их о школе, немножко вздыхал о своих внуках во Франции и даже рассказал, на диво коротко, о медалях.

Дон даже не особенно удивился, когда услышал о французском Сопротивлении. Милый домашний старичок вполне мог в молодости быть отчаянным партизаном и пускаться под откос фашистские поезда. Или сыпать эсэсовцам в ароматный кофе цианистый калий.

Хоть роман о нем пиши.

Но роман писать было некогда. Успеть бы на первую пару!

Не успели.

Подъехали к школе, когда звонок уже прозвенел.

Из окна актового зала на рык байка выглянула Филька, свела брови и буркнула что-то неласковое.

– Распнет или сварит в кипятке, как думаешь? – задумчиво спросил Киллер, пристегивая байк к велосипедной стойке.

– Скорее испанский сапожок или нюрнбергская дева, – так же задумчиво отозвался Дон. – Мы на первую репетицию опоздали, это вам не революция, это серьезно.

Первая пара была Филькина. В расписании она значилась литературой, причем иностранной и факультативной. Но Филька предпочитала делать практические занятия «для лучшего усвоения материала», а что может быть лучше для изучения Шекспира, чем постановка «Двенадцатой ночи»?

Филькины закидоны с добровольно-принудительным театральным кружком одобряли далеко не все. Повелительница Тьмы снисходительно пожимала плечами и не советовала своим биоклассам тратить время попусту. А товарищ Твердохлебов при упоминании Шекспира морщился, словно лимон откусил. На его взгляд, не было на свете более бесполезного дела, чем театр...

– ...еще бесполезнее только музыка, – продолжил Дон посвящать Киллера в школьные реалии. – Это ж о нашем Твердохлебове классический ужастик, ну, знаешь? Когда к нему на занятия заглянули и попросили попитр. «Кто здесь Пюпитр, выходи!»

Оба заржали, и ржали ровно до тех пор, пока со школьного крыльца, где обычно на переменах курили пролетарии, не раздалось:

– Здорово! – вежливость, совершенно несвойственная Поцу, вмиг сбила с Дона все веселье, зато вскипятила адреналин.

Оборвав смех, он глянул на Поца, который вместо привычной презрительно-зверской рожи пытался изобразить улыбку, и его свиту.

– Здоров, – нестройно поддержали фюрера Димоно-Колян, с не менее перекошенными непривычной любезностью рожами.

Ариец тоже пролаял что-то похожее на «хай», к которому очень просилось «майн фюрер». Сегодня он снова был штандартенфюрером СС кирпичноликим, что совершенно не вязалось с показным миролюбием Поца. Судя по виду Арийца, намечалась драка, причем прямо сейчас. Но Поц же не такой придурок, чтобы лезть на рожон под окнами Повелительницы Тьмы! Да и лыбиться при этом вовсе не обязательно. Все страньше и страньше, как сказала бы Алиса. А вот Витька в свите Поца уже не было, как, впрочем, и вчера в переулке. Раскол в рядах, что, несомненно, плюс.

Все это подумалось ровно за тот миг, что понадобился на вежливо-нейтральное «привет» – и пройти мимо, в школьные двери. Киллер тоже поздоровался, так же подчеркнуто нейтрально, и только внутри школы выдохнул, одновременно с Доном.

– Дерьмо, – буркнул Дон, передергивая плечами. В дружелюбие Поца он не верил ни на грош, и чем старательнее тот лыбился – тем сильнее хотелось его пристрелить. Профилактически.

Киллер согласно хмыкнул.

– Надо с Фелициатой поговорить, а, Дон? Прямо бы сегодня, а то мало ли. Мне-то плевать, сядет Поц или нет, а себя жаль, если что. И наших тоже.

Мимолетно удивившись наплевательскому отношению Киллера к негласному пацанскому правилу никогда не посвящать в свои проблемы взрослых, а особенно учителей, Дон кивнул:

– Поговорим, вот как будет перерыв, так и сразу.

Он-то сам Фильке, в отличие от всех прочих, доверял почти как себе. Почти – это значит чуть больше. И не считал это слабостью, наоборот, дополнительным резервом, потому что доверять Учителю – это правильно, а не доверять – дурь, причем обоюдная, особенно когда дело так явственно пахнет керосином.

Киллер поднял бровь.

– Перерыв?

– Сегодня мы репетируем первую и вторую пары. Литература и история. Ты пьесу-то выучил?

– Выучил, – буркнул Киллер, мрачней на глазах. – Сговорились вы, что ли? Или я правда на девчонку похож?.. Как там у него было-то, про румяный рот и «ты словно создан женщину играть»?

– Нет, конечно, не похож, – честно ответил Дон.

На девчонку Киллер не походил никак и совершенно, даже если на него напялить юбку, все равно не поможет. Но... но вот на Цезарио, плута и мошенника – вполне. Даже более чем вполне. И это было хорошо – думать о Цезарио, шекспировских страстях и сердитой Фильке, а не гадать, какую еще подлость задумал Поц.

Филька их встретила сперва хмуро, потом присмотрелась, непонятно почему смягчилась, подмигнула Киллеру, вручила ему бархатный берет с пером и текст. А Дону просто махнула на сцену, он свою роль и так знал наизусть. Весь май и начало июня в тогда еще девятом «А» кипели страсти по Шекспиру: Филька заявила, что ставить будут «Двенадцатую ночь» и только «Двенадцатую ночь», причем мужским составом, как ставил сам Шекспир в своем «Глобусе».

Класс офигел.

Девчонки – потому что их оставили за бортом.

Парни – потому что кому-то из них светило играть Виолу, Оливию и Марию.

В ответ на дружное возмущение Филька только вздернула бровь и велела прекратить базар.

Ее внезапно поддержал Ромка. В прошлые годы он работал помощником режиссера при Фильке, а тут заявил, что раз уж актеры только мужчины, то и режиссер – тоже. То есть он, Ромка. И он знает, как это ставить.

От офигения с ним даже спорить никто не стал. А потом было поздно – сколько бы они ни ругались, сколько бы ни доказывали Ромке и Фильке, что традиции должны меняться и без девушек спектакля не получится, все было бесполезно.

Зато пока ругались – с аргументацией из истории европейского театра и пьес самого Шекспира, – Дон все выучил. И «Двенадцатую ночь», и «Короля Лира», и «Принца Датского», и до хрена всего еще.

– Берем четвертую сцену, – распорядилась Филька, исполняющая обязанности ассистента режиссера: даром что театр мужской, но без нее кипеша быть не может. – Орсино, Цезарио, готовы?

Дон кивнул, ободряюще пихнул Киллера плечом и ушел в условные кулисы, к «придворным» Сашке, Марату и Киру, а Ромка вылез на сцену и принялся объяснять мизансцену, размахивая руками и пиная мебель. Странновато было видеть Ромку в роли главного режиссера, обычно он предпочитал держаться в тени и не принимать решений, а тут нате вам, перст указующий. И что совсем непривычно – у него получалось. Молоток Ромка.

Ромка будто подслушал мысли: обернулся, посмотрел благодарно, махнул рукой еще раз и вспомнил о том, что он не только режиссер, а еще и Валентин.

Сделав фальшиво-снисходительное лицо, процедил:

– Если герцог будет и впредь оказывать вам такое благоволение, Цезарио, – дернул бровью в точности как Дон, когда желал уничтожить противника морально, – вы достигнете многого: он знает вас всего лишь три дня, и вы уже не чужой.

Такая натуральная ревность прозвучала в Ромкином голосе, что Дон даже удивился. Если бы верил, что Ромка в принципе способен ревновать, поверил бы безоговорочно. А Киллер, до того целую минуту вертевший в руках берет, вдруг хмыкнул, насмешливо заломил бровь...

– Вы боитесь либо его изменчивости, либо моего нерадения, если ставите под вопрос длительность его любви. Что, он непостоянен в своем благоволении?

И нахально улыбнулся. Вот же павлин-провокатор! Настоящий Цезарио!

Отбрил Валентина, услышал наконец, что про него спрашивают, разулыбался и поспешил на зов, впопыхах сперва натянув берет – задом наперед! – а потом, спохватившись, торопливо его стащил.

Внимательно выслушал все, что ему изволил сказать герцог, – мрачней с каждым словом, – и вежливо попытался отбрыкаться от роли свахи, приводя в оправдание неприступность Оливии, собственную некомпетентность в вопросе сватовства и плохие приметы. Потом уставился на герцога с явной надеждой, мол, может, я все-таки не пойду, а?..

Но Дон был непреклонен. И заодно его поддразнил: ах, Цезарио, у тебя такие губки, такой голосок, беги, короче, исполняй мое благородное повеление. Ну и чтобы наглый мальчишка не держал его совсем уж за идиота, а то знаем мы, как вы умеете прогулять, а потом сказки рассказывать, отправил с ним всю свиту. Для пущей надежности. Но – с возвышенно-придурковатым видом, пристойным пылкому влюбленному.

Цезарио выдал пламенную, но сквозь зубы благодарность и добавил в сторону:

– Мне нелегко тебе жену добыть: ведь я сама хотела б ею быть!

Дон это тоже читал. И не один раз. И все это время не мог понять, ну как так: герцог же сугубо натуральной ориентации, вот же такая романтическая история с Оливией. Как он мог запасть на Цезарио-то? Он же не знал, что это девушка! До хрипоты спорили об этом с Ромкой и Филькой – когда выяснилось, что чокнутого Орсино играть ему. Нет, конечно, чисто по приколу он и не такое сыграет, хоть вороватого андалузского цыгана Эсмеральдо, но чтобы всерьез? Не смешите мои тапочки!

Ромка тоже спорил до хрипоты, доказывал, что на самом деле и не такое возможно, и что в те темные века герцоги как только не дурили, а тут же – очаровательный мальчишка, который во все это играет, как в оловянных солдатиков, и провоцирует герцога со страшной силой, как не купиться? И вообще, он все равно в Цезарио видит девушку... почему? Да потому! Шекспиру виднее, не спорь!

От такой Ромкиной наглости и напора Дон охреневал, ржал и над ним, и над Орсино, и над Филькой, которая этот бред собачий собралась выставлять не куда-нибудь на авангардную тусню, а на федеральный, – нет, вы только вдумайтесь! – на федеральный школьный фестиваль!

Шекспир. Мальчики играют девочек. И он, Дон-солнце, – двинутый герцог, запавший на мальчишку.

Бред.

Чтобы Дон – и на мальчишку? У него-то с ориентацией все в полном порядке!

А тут...

Тут Дон вдруг начал понимать шекспировского Орсино. Потому что Цезарио, когда говорил про Виолу, как-то совсем по-особенному

улыбнулся, чуть повернул голову, к заглядывающему в окно солнцу, склонил ее набок... Резко захотелось протереть глаза. Где Киллер? Вот же она, девчонка. Виола. В джинсах Киллера, в его же толстом свитере и зеленом берете Цезарио, но какая разница? Все равно, вот же: шоколадные кудри – надо же, выяснилось на ярком солнце, что шоколадные они, а не непонятно-темные! – зеленые лукавые глазищи, характерно девичий наклон головы, мягкая мечтательная улыбка... и голос. Чистый такой, певучий голос. А пластика? Настоящая девичья пластика, как Киллеру удастся? Его бы вот так нарисовать, нет, лучше раздеть, чтобы видеть, как двигаются мышцы под кожей, и рисовать. Ужасно интересно, что бы получилось на бумаге, или – да, точно! – в глине. Его надо лепить...

– Дон, ау! – Ромка похлопал его по плечу. – Отлично, конец сцены просто зашибенно, только не так долго!

Он еще что-то говорил о том, что Дон гений, прирожденный артист, и влюбленный герцог из него – не герцог, а конфетка, я и не думал, что ты способен сделать настолько вдохновенно-идиотскую морду, запомни, это же то самое!..

Дон не слушал, очарованный новой идеей.

– Да понял я, понял, – отмахнулся он, и Ромка бросился тыкать придворных, в «не там стояли, не туда ходили, кирпич башка упадет!».

Окинув взглядом зал, Дон вернулся к Цезарио-Виоле. Сейчас смотреть на нее хотелось все время, смотреть, трогать и разобрать на винтики, чтобы понять, как оно устроено, и слепить такое же. Ну ладно, не разобрать, просто – смотреть и трогать, и лепить, и рисовать... Да черт же! Как не вовремя его посетила муза!

Девушка в зеленом берете потянулась, запрокинув голову, содрала берет и снова стала Киллером. Он подошел к Дону и затрещал, что вроде как поймал образ, интересный образ, кстати. Ромка – молодец! Эй, Ром? Слышишь?

Поднял вверх большой палец.

Ромка услышал. Посмотрел на Дона, помрачнел, мазнул злым взглядом по Киллеру...

Дон не успел даже подумать, что за муха укусила Ромку, как Киллер перед ним замер. Сузил глаза, раздул ноздри и показал взглядом на дверь.

Туда же устремились и взгляды всех остальных. И разговоры вмиг стихли.

Черт! Что там?

Дон обернулся.

И увидел входящих в актовый зал бешек с Поцем во главе. Роба у фюрера была по-прежнему перекошена подобием улыбки, но только слепой олигофрен усомнился бы в том, что, будь у Поца возможность, он бы свернул шею и Дону, и Киллеру, и Киру с Ромкой, и своему же Витьку.

Атмосфера похолодела разом градусов на десять. Все музы, которые витали и подзуживали, разом заткнулись.

Одна Филька, по обыкновению, ничего в упор не замечала и всем то же советовала.

– Вот отлично! – обрадовалась она пополнению. – Так, вы пока в зал, а вы – на сцену, нам нужны еще придворные в свиту Орсино. И у нас все еще нет Оливии, кто хочет эту роль?

Бешки запереглядывались, замялись. Шутка ли, поцанам предложили играть девчонок!

Почти тут же поднялась рука, как на уроке.

Ариец. И выражение на морде – чистая Жанна Д'Арк перед сожжением на костре.

– Можно я?

Дону захотелось протереть глаза. Штандартенфюрер – Оливией, добровольно?! С ума сошел. Поц и Димоно-Колян тоже не поняли юмора: их верный соратник вызвался надеть юбку?! Такого не бывает. А раз не поняли и не поверили – заржали. Негромко, сегодня они вообще были тихие, как гадюки под колодой, и не менее гадюк приятные взгляду. А Ариец, вместо того чтобы воспользоваться возможностью для отступления и заржать вместе со своим фюрером, шагнул вперед и просительно поглядел на Фильку.

– Конечно, Эрик! – Филька просияла и протянула экземпляр текста. – Пока мы занимаемся четвертой сценой, прочитай пьесу.

Атмосфера в зале похолодела еще на пяток градусов, запахло вьюгой и Валгаллой. Роба Поца перекосилась окончательно.

И словно его кривым отражением заледенел Ромка.

– Эрик отлично сыграет Валентина. А Оливию возьму я.

Все дружно уставились на него. На лице Арийца отчетливо прочиталось облегчение, на роже Поца – растерянность. Одна Филька посуровела.

– Нет. Рома, ты режиссер. Тебе нельзя отвлекаться на главную роль.

– Я справлюсь, Фелициата Казимировна! – в голосе Ромки послышались просительные нотки. – Роль не помешает режиссуре, к тому же Эрик... – Он смерил Арийца взглядом, явно намекая, что из него Оливия – что из коровы балерина. – Эрик слишком высокий.

Филька покачала головой, отметая все возражения.

– Рост не имеет значения, Рома. Итак, Эрик будет играть Оливию...

Ромка погас, даже плечи опустил и стал совсем не похож на Великого Режиссера. Странно. Далась ему эта Оливия! Весной, когда распределяли роли, вообще хотел Виолу-Цезарио взять, но тогда решили ее отдать Ахмету, а Оливию – Волку. Оба пролетели с экзаменами летом, а осенью роли и не обсуждали.

Филька трижды хлопнула в ладоши и велела продолжать репетицию. Снова – Цезарио, Орсино, придворные.

С придворными проблем не оказалось. Особенно с Валентином. Ромка на этот раз выдал не только ревность, но и старательно скрытую вражду. Такой получился Валентин – прям сахарный пончик с повидлом. Из волчьей ягоды. Дона аж передернуло, и подумалось – вот талантище, так вжиться в роль! Редкостной души сволочь вышла!

Цезарио на провокацию не поддался, отшутился...

И тут проблема случилась у герцога.

Даже не проблема, а помешательство. Позабыв про Ромку, про Поца и про все на свете, он говорил положенные Орсино реплики, но изображать ненормального ему уже не пришлось – ни к чему изображать то, что и так есть.

Такое помешательство с Доном случалось иногда в приступе вдохновения, когда он видел... ну да, именно видел. Совершенно не то, что все остальные, но точно знал, что видит правильно. Вот и сейчас – он видел. А все остальные – ослепли и оглохли, а может, оступели, потому что не видели того, что не увидеть невозможно! Взять хоть улыбку Цезарио, когда он улыбался Валентину: на его щеках появлялись ямочки, и сами щеки были гладкими и нежными. А ведь

они все уже бреются, большинство не первый год. А Цезарио... то есть Киллер, сегодня с утра не брился, некогда им было, а никакой щетины, совершенно же! У Дона – есть, колется. И Маринка на него, небритого, фыркает и не хочет целоваться, а Виола бы захотела? Ей нравится?.. Черт, не ей, ему же! Цезарио, Киллер, Леон...

– Видал ли кто Цезарио?

Да какая разница, все равно – Виола! Когда она подбегала к своему герцогу – так легко, как будто летела над травой... то есть сценой... ну не двигаются так парни, почему этого никто не видит? И где были его, герцога, глаза? Он ведь тоже верил, что это Цезарио, а вовсе не Виола! Может, сбивал с толку берет? А теперь этот берет опять сбивает с мыслей, путает, зараза, потому что надо думать об Оливии, герцогу положено об Оливии! Так же как Дону – о Маринке и о Поце. А думается, что берет – точно в цвет Виолиных глаз. И эти локоны из-под него... и зачем их связывать в хвост? Совершенно лишнее.

– Здесь, государь, к услугам вашим.

Когда Цезарио склонился, сняв берет, Дон стащил шнурок с его волос. А Цезарио потрянул головой, чтоб волосы рассыпались, и посмотрел на него – лукавыми, плутовскими глазами, и снова совершенно по-девичьи улыбнулся.

Да. Так лучше. Волосы как горячий шоколад, даже шоколаду захотелось. Но не делиться же?

– Вы подождите в стороне, – отмахнулся от всех лишних на сцене, все равно они не видят и не понимают, но посмотрел при этом на Поца и двух медведей. Так посмотрел, чтобы они точно поняли: это – мое. Моя девушка. Тронете, хоть глянете косо, убью.

А она... он? Нет, все же она. Ей не нравилась Оливия. То есть не сама Оливия, а посольство к Оливии. Она не отговаривала герцога, еще чего. Но идти туда самой? Искры в глазах, шальная улыбочка, учтивость на грани дерзости.

И – скрещенные руки, напряженная поза. Еле заметно подергивается щека.

– ...она меня не примет.

Не надо, мой герцог. Что, у вас больше некого послать к Оливии? Вон, Валентина пошлите. Да хоть сами переоденьтесь, Цезарио вам и берет даст. Неужели вы не видите, что мне тошно от этой идеи?..

Женились бы вы лучше на Виоле. Виола вам понравится, она так похожа на Цезарио, мой герцог!

Герцог, разумеется, про Виолу услышал. Изобразил отеческую укоризну – сватают непонятно кого, а ему о герцогстве думать надо. Графство присоединить, например. Ну да, точно, графство, Оливия же графиня! Так что отправляйся, Цезарио, пой серенады, говори комплименты. Не герцогское это дело...

В руках у него вдруг оказалась гитара. Откуда – неважно, наверное, Филька сунула. И эту гитару надо было дать Цезарио – ему ж серенады петь.

Цезарио, Виола, гитара.

Что-то в этом было очень правильное. Настолько правильное, что Дон вдруг почувствовал себя... целым, наверное. Словно нашел что-то давным-давно потерянное.

Гитару?

Виолу?

Неважно.

Глядя вслед Цезарио, прижимающему к себе гитару, словно любимую куклу, не удержался от улыбки. Надо полагать, такой же идиотско-восторженной, как у Арийца при взгляде на Лизку. Заразился, однако.

– Отлично, – ворвался в мысли голос Фелициаты. – Вот это запомните, и у вас пока перерыв. Эрик, теперь ты. Готов? Сначала Роман тебе объяснит концепцию, а потом отдельно позанимаетесь с Леоном, выучите реплики. До следующей репетиции, хорошо?

Дон возмутился: Ариец сегодня молодец, никто и не спорит, но доверять ему Виолу? После вчерашнего?! Да скорее он Арийцу голову отвернет, превентивно...

– ...да без проблем, – сказали рядом.

Вздрогнув, Дон обернулся. Киллер сидел на краю сцены, завязывал хвост и смотрел на Арийца с любопытством. Тот под его взглядом растерялся, смотрел исподлобья, виновато и неуверенно.

А помешательство прошло. Вот так вдруг. Схлынуло, оставив после себя неясную тоску, опустошенность и недоумение, что это такое нашло? Великая сила искусства, не иначе.

Ладно. К чертям помешательство, есть проблемы поважнее. К примеру, Поц. Вон как зыркает на Ромку и Арийца, даже про улыбочку

забыл. Хотя нет, вспомнил: с явным трудом оторвал взгляд от нового врага, сиречь предателя и перебежчика номер два, и глянул на Дона. Тяжело, муторно глянул, можно зуб давать, сейчас встанет и тоже попросится в спектакль, только не Ромку будет спрашивать о роли, а Дона. Ромку он за фигуру не считает.

Ровно через мгновенье Поц и в самом деле встал и с независимым видом направился к сцене, где так и сидел на столе, изображающем элемент выгородки, Дон. Но первой до него добралась Филька.

– Andare al camerino, parlare^[32], – тихо позвала его за сцену, поговорить.

Глава 7, в которой говорится о глюках, зеленом берете и особенностях шекспировского театра

Зайдя в комнату за сценой, она плотно закрыла дверь и только потом, так же по-итальянски, тихо и требовательно спросила:

– Что ты видел, Дон?

Дон замялся. Конечно, Фильке он доверял. Как себе, ну да. Только некоторые вещи и себе-то доверять не хочется. И вообще, что тут скажешь? «Знаете, мадонна Феличе, мы репетировали, а потом у меня случилась галлюцинация, и я увидел Виолу»? Или, что еще хуже: «Мне кажется, что наш Киллер похож на девушку, и я на эту девушку пялюсь, как Ариец на Лизку». Нет уж, спасибо, не стоит, его глюки – это его личные глюки. И точка.

В конце концов, и так понятно, что делать: надо ее нарисовать. Всего лишь. Хочется – значит, надо. Или слепить. Но сначала все же Поц. Вот это в самом деле проблема, и не только для них с Киллером. Если Поц продолжит в том же духе, то и сама Филька не оберется проблем. Так что про Виолу он говорить не стал, хотя что-то не сказать Фильке было странно, трудно и как-то неправильно.

Выслушав про вчерашнюю засаду и сегодняшние улыбочки Поца, Филька кивнула и пообещала с Поцем поговорить. Затем несколько мгновений смотрела на Дона, словно что-то хотела спросить, и вдруг передумала.

– Надо доверять себе, Дон. Всегда. Себе, а не тому, что кажется правильным и очевидным.

Неужели сама догадалась про глюки? С нее станется. Иногда кажется, что мадонна Феличе знает все и про всех, даже то, чего люди сами про себя не знают.

Филька ему улыбнулась, получилось чем-то похоже на улыбку Виолы – глюки, брысь!

– Нарисуешь – не забудь мне показать. – Подмигнула и показала жестом на дверь, мол, свободен. И уже в зале, опередив Дона на шаг, хлопнула в ладоши и объявила, что после перерыва Орсино и Цезарио свободны.

Неожиданно радостно отреагировал Ромка. Обернулся к Дону – до того он что-то экспрессивно втолковывал Киллеру и Арийцу, – просиял, явно хотел что-то ему сказать, но его остановила Филька, подняв ладонь.

– Саша, Марат и господин режиссер остаются на последний час репетиции.

Ромка опять погас, кинул обиженный взгляд на Дона и почему-то на Киллера.

Черт, да с чего Ромку так колбасит?! Все уже, пора выходить из образа!

Дон было шагнул к нему, чтобы отвести в сторонку и напомнить, что вживаться в роль до сноса крыши – не лучшая идея. Но помешал Поц.

Подошел к самой сцене, перекошил морду улыбкой.

– Мы, это, тоже в спектакль хотим. Интересно, – выдавил Поц.

Димоно-Колян за спиной Поца синхронно кивнули и что-то буркнули.

Дон едва не сел где стоял. Поцаны предлагают зарыть топор войны? Просятся в спектакль после того, как Арийца назначили Оливией? Значит, понимают, что и им могут дать девчоночьи роли?

Или Поц что-то задумал? Судя по глазам, ему самому нож острый это примирение.

А неважно. Даже если и задумал, даже если это – всего лишь перемирие, пусть! Худой мир лучше внезапных нападений, но что им ответить? Не откажешь же, оскорбятся на всю жизнь. Но и соглашаться... Поц любую роль загубит, какой из него актер? Может, взять их в стражу и придворные? Отличные роли без слов.

Дон уже шагнул вперед, собираясь дипломатично предложить Поцу роль капитана Антонио, но внезапно вперед вылез Ромка, хмурый и злой как черт.

– Нет! В моем спектакле вы играть не будете!

Дон мысленно выругался. Как не вовремя ему встряло! Никогда не лез вперед батьки, а тут – нате вам! Все поперек! И ведь не

скажешь, что идиот, поздно, да и не при Поце показывать раскол в рядах.

Поца окончательно перекосило, Димоно-Колян набычились, и позади Дона тоже сомкнулись ряды. Он спиной почувствовал, как за ним встали Ришелье с верным гвардейцем Витьком, а Киллер придвинулся к Арийцу и положил Дону руку на плечо. Все это заняло не больше секунды, но ее хватило, чтобы всем стало раз и навсегда понятно: мира, дружбы и жвачки не будет. А будет драка, причем прямо сейчас.

– Миша, иди-ка сюда, – резким до зубной боли и настолько же ласковым голосом велела мадонна Феличе, прекращая драку в зародыше. Пока до Поца доходило, что вот прямо сейчас он при всем желании не сломает шею ни Дону, ни обоим предателям, ни наглецу Ромке, она тоже подошла, как ни в чем не бывало улыбнулась, потрепала Дона по плечу и продолжила: – Идите обедать, перемена скоро закончится, а у вас еще биология. Не вздумайте прогуливать!

– Прогуливать? – Киллер за спиной неестественно хохотнул. – Фелициата Казимировна, да мы бы никогда!

Филька царственно проигнорировала реплику, продолжая смотреть на Поца. Под ее взглядом он быстренько завял, сгорбился и пошел, куда ему указали, – в ту же комнатку за сценой.

– Так мы тоже пошли? – уточнил Кир де Ришелье. – Биология у нас.

– Сначала обедать, – напомнила заботливая Филька, еще раз потрепала Дона по плечу и ушла откусывать голову Поцу.

В столовую они пошли всей толпой, даже Витек и Ариец.

А ведь Витька они взяли с собой впервые, подумалось Дону. Уже третья неделя, как он по сути в семье, а вместе ни разу даже не пообедали, не говоря уж про «пивка попить» или «в киношку сходить». Непорядок. Да и пополнение семьи Киллером толком не отметили.

А тут еще Ариец.

Что с ним делать?

Ладно, Витек – он еще в прошлом году на тренировках у Сенсея к Ришелье тянулся. Рядом с Поцем держался только потому, что одноклассники.

Но Ариец... Он все семь лет, что Дон его знал, глядел Поцу в рот и не делал ни шагу без его позволения. А тут – нате вам, переметнулся

в стан врага, да еще с этой девичьей ролью. Это ж позор на всю жизнь! Для поцанов – все равно что повесить себе на лоб табличку «лицо нетрадиционной ориентации». Как-то с трудом верится, что Ариец добровольно подставился.

Хотя...

Если ему Поц велел – Ариец бы и не такое сделал.

Правда, для Поца слишком сложный план. Многоходовки – не его конек. Это кардинал наш Ришелье бы завернул так, что ни один враг не просчитает. Но где Ришелье, а где Поц! Недооценивать противника, конечно же, нельзя. Но и переоценивать рискованно. Если Ариец искренне встал на путь исправления, оттолкнуть его будет несусветной глупостью.

Еще большей глупостью, чем сотворил Ромка с Поцем.

Феерический идиот! Вылез вперед батьки, и ладно бы – по делу, но поперек же! И знает же, что у Поца все по пацанским понятиям – вожаки базарят, мелочь не суется.

Но объяснять Ромке, почему он идиот и к чему приведет его выходка, Дон пока не стал. Не при ребятах же! Или как минимум – не при Арийце с Витьком и не в школьной столовой.

Потому за обедом Дон улыбался – сдержанно, но тепло, как положено «королю-солнцу». И наблюдал за всеми тремя: Ромкой, Витьком и Арийцем.

Ариец явно чувствовал себя неуютно, смотрел больше в стол или на Киллера, тогда Киллер ему ободряюще улыбался. Вообще получилось довольно странное разделение на пары: Витек косплеил верного гвардейца при кардинале Ришелье, что было предсказуемо, а вот Ариец жался к Киллеру, не поднимая глаз на всех прочих. Стокгольмский синдром? При характере суровом, нордическом? Да бред же. Собачий.

Ромка же достался Дону. И выглядело это так, словно если б не достался – то распахивал всех локтями, лишь бы не мешали заглядывать в глаза и напрашиваться на похвалу. Чисто щенок. Даже когда разглагольствовал о постановке и давал ценные указания для герцога Орсино, звучало как «почеши меня, Большой Хозяин».

Все это Дону категорически не нравилось.

– Ты ешь давай, Немирович^[33], – прервал Дон нездоровое влияние хвостом. – Голодный режиссер хуже татарина.

Ромка недоуменно посмотрел на сунутый ему под нос стакан компота, просиял и занялся наконец обедом.

– Кстати, о татарах, – Киллер прищурился и повертел в руке свой пустой уже стакан. – Сбор-то мы как, устраиваем? Ты ж вчера хотел.

Поморщившись при воспоминании о вчерашнем походе в гастроном, Дон кивнул.

– Собираемся. Вы там предупредите кого надо, что задерживаетесь после школы, и как Филька закончит репетицию, пойдем.

Витек и Ариец посмотрели на него. Вот так одновременно подняли головы и уставились. Недоверчиво. Мол, что – и мы тоже? вот так просто? в круг избранных?

Вот так просто, улыбнулся им Дон. Пора вам узнать, что такое «король-солнце». Грейтесь, ребята, после Поца вам надо.

Киллер стрельнул глазами на Витька с Арийцем и показал Дону большой палец. Осиял взглядом, ну опять Виола Виолой. Хорошо, что перемена закончилась, а то многовато глюков на сегодня. Вот завтра – пожалуйста, сколько угодно. Завтра можно будет изловить Киллера и поставить позировать. А то вообще не отпускать сегодня, все равно и он один живет, и у Дона мама умотала аж до октября.

На биологию тоже пришли всей толпой к вящей радости мадонны Феличе, которая как раз вела под конвоем Поца, но с другого конца длинного коридора. На его морде, правда, радости не отразилось вовсе, исключительно желание свалить к чертям собачьим. Что у него, разумеется, не получилось, потому что Филька до самого звонка стояла под дверью, вся такая милая и оптимистичная, словно не в ее классе вчера ученики друг друга чуть не поубивали. Другая бы на ее месте скандалила, истерила, вызывала родителей к директору и бестолково металась. Ключевое слово – бестолково. Но это не про донну нашу Феличе.

Едва прозвенел звонок, она зашла в класс, так же мило улыбнулась Эльвире и попросила разрешения сделать объявление для группы, пока студенты не заняли свои места.

Объявление оказалось простое до крайности. Филька была очень рада видеть дружбу между учениками бывших классов «А» и «Б» и заради дальнейшего укрепления дружбы – и ассимиляции гоблинов, тихонько буркнул Ромка, – просит ребят пересесть иначе. Витька она

посадила с Киrom, Поца – с Маратом, Димона с Коляном и то рассадила. А под конец...

– Леон, на третью парту слева, пожалуйста, и Эрик туда же, а с Доном сядет Роман.

Киллера – и с Арийцем?! Какого лешего!..

Дон возмущенно дернулся, собираясь высказать Фильке все что думает, и тут поймал взгляд Ромки. Взгляд несправедливо побитого пса.

Обругав себя придурком, который сначала обижает друзей, а потом думает, Дон кривовато ему улыбнулся и хлопнул по плечу, мол, все отлично, не принимай на свой счет. Ну не доверяю я пока Арийцу и вообще не люблю, когда за меня решают, где кому и с кем. Это мой класс, кто бы ни назывался куратором.

Весь урок Дон сидел один, потому что Великого Режиссера забрала на репетицию Филька. Это было весьма кстати – потому что позволяло немножко подумать об утренних событиях и понаблюдать за Арийцем. Кстати, но неожиданно неприятно. Наверное, впервые за все школьные годы Дон почувствовал себя... не то чтобы одиноким и никому не нужным, опускаться до такой дури он не собирался. Но нечто подозрительно похожее на ревность при взгляде на перешучивающихся Киллера и Арийца он ощутил.

Вся дурь прошла ровно со звонком.

Как отрезало.

Потому что надо было собирать военный совет и решать проблемы. Все и сразу.

Проблему номер раз, то есть Арийца, он поручил мудрому кардиналу. Отозвал в сторонку и попросил приглядеться. Ришелье не стал задавать дурацких вопросов, только кивнул и обещал присмотреть.

На сердце полегчало. Хотя один из Семьи совершенно точно не откальвает номеров, не водит хороводы с глюками и не пишет донесения фюреру.

Проблему номер два, то есть общий сбор, он поручил Киллеру, а сам пошел отлавливать проблему номер три и прижимать к теплой стеночке.

Ромку отловил прямо у актового зала, на выходе с репетиции. Поглядел в радостные щенячьи глаза и чуть не плюнул с досады.

А Ромка взгляд опустил, разве что хвост не поджал. Понял, что налажал, – лучше поздно, чем никогда.

– Я это... ну... ты же сам не хотел, чтобы Поц был!

– Отличная попытка переложить ответственность за твою дурь на меня. – Дон фыркнул. – Какая разница, кто чего хотел? У нас был шанс на перемирие. Теперь его нет.

– Но... а я... Дон, так он же все равно... И спектакль бы испортил.

Дон покачал головой.

– Ром, тупишь. Есть вещи важнее спектакля.

Объяснению очевидного помешала остальная Семья. К актовому залу явились всей толпой, радостные, словно «Зенит» выиграл у «Спартака» со счетом восемь – ноль. И с докладом:

– Мы готовы идти в баню!

На миг Дон опешил: когда это он посылал их в баню?..

А Киллер плутовски усмехнулся, попался, мол.

– Мы это, проставляемся, – пробасил Ариец, от смущения не знающий, куда девать руки. – Ну, типа, новенькие же.

– Баня, пиво, все как у белых людей, – спас его от проваливания сквозь пол Киллер. – Ты ж не против, Дон?

Дон был за. Баня так баня, как раз и посмотреть, как будут себя вести Витек с Арийцем. Без штанов строить козни они точно не доросли.

Баню выбрали поближе к школе, чтобы не заморачиваться с байками. Семья Альфа, кто бы спорил, все как один – гусары, но байк не лошадь, сам от столба не увернется. Так что после пива – только пешком.

Купили минералки и светлого, к нему – рыбки, со смехом и прибаутками завалились в парную, всей кучей. В тесноте, да не в обиде.

А после парной, пока народ еще не окончательно расслабился, Дон под первую бутылочку рассказал о вчерашней Поцевой засаде. Ариец во время рассказа бледнел, краснел и каменел попеременно, а под конец буркнул, что не подписывался никого калечить, и вообще ему вся эта война поперек горла. Он учиться хочет, вот как Леон. И в спектакле играть. И на гитаре, вот...

– ...как Леон, – продолжил за него Дон, хлопнул его по спине и засмеялся. – Слышишь, Киллер, тебя назначили идиолом и кумиром, придется соответствовать.

Киллер изобразил величие и мудрость, сведя глазки в кучку и высунув язык. Натуральный кумир.

Веселье несколько разбавил Ришелье. Видно было, что работать капитаном Очевидностью ему неохота, но если не он – то кто?

– Дон, ты же не думаешь, что на этом все закончилось. – И перевел взгляд на Ромку, словно заново оценивая его сегодняшнюю эскападу.

Ромка отвел глаза. Вроде бы осознал, смутился – а ничего подобного. По позе было видно, что злится и обижается, но считает себя правым.

Идиот. Станиславский недоделанный. Всегда ж был нормальный парень, с мозгами, а тут – слава в голову ударила. Ничего! Пройдет же у него эта дурь!

– Разумеется, не думаю. – Дон передернул плечами и приложился к минералке. – Придется разговаривать с Поцем-старшим, чтоб придержал братишку. И по одному не ходить.

Киллер буркнул что-то согласное. Следом – Витек и Ариец и последним – Ромка. Он даже просветлел лицом, забыл про злость с обидой и снова стал похож на человека. Хорошо хоть, не на щенка. Не его образ.

На этом Дон закончил политическую часть и предложил перейти к обсуждению дам.

Разговор про девчонок Семья поддержала. Кир поведал о второкурснице из Плешки, с которой он познакомился пару недель назад, и «вроде даже чего-то у нас намечается», Витек – о Катьке из «ведьм», – оказывается, у них роман чуть не с первого класса. Дон даже удивился мельком, как хорошо они конспирируются. Не чета Ромео с Джульеттой.

Но особенно отличился Ариец. Таких дифирамбов Лизке, зуб можно давать, никто еще не пел. Причем, что особенно ценно, за глаза и на полном серьезе. Остальные даже ржать над ним не стали, из сочувствия. Попал парень. Влюбился. Еще немножко, и стихи ей писать начнет.

– А ты ей стихи напиши, – словно подслушав его мысли, предложил Киллер и довольно хохотнул. – Вон как Дон Маринке на той неделе.

Дон фыркнул. Тоже мне, стихи. Так, поздравлялка на день рождения. Кстати, отметить толком так и не удалось – в кафешку-то сходили, но кафешкой с поцелуями дело и ограничилось. Ночевать к Дону она не пошла, там же мама, да и ее родители дома ждут. Настаивать и уговаривать Дон тоже не стал – Маринка попусту не капризничает.

А вот Ариец отреагировал странно. Повел плечами, отвел взгляд.

– Эрик, ты чего мнешься?

Ариец тихо пробубнил:

– Мишаня, он это... ну... ему ваша Маринка нравится, все знают. Ну и это, он будет в школе цепляться, значит. И вообще. Присмотреть бы.

Дон опешил. Ну ничего себе? Поц – и Маринка? Да уж, совсем скверно. Конечно, у Дона с Маринкой не то что великая любовь. Просто сейчас им хорошо вместе, но после школы все закончится. Маринка пойдет в питерскую консерваторию, Дон поедет учиться дальше в Рим или в Милан. У каждого будет своя жизнь, с кем-то другим. И по этому поводу оба не страдают, сейчас все отлично, так чего еще надо-то? Все высокие чувства – в музыку и рисунки, все прочее не имеет особого значения. И, уж если честно, положи сейчас на Маринку глаз кто другой, ну вот хоть Кир, – Дон бы, пожалуй, отступил. Друг же! Но чтобы Поц?!

Нет уж. Только через его, Дона, труп. А лучше – через Поцев труп!

– Обойдется без Маринки, – буркнул Дон и тут же улыбнулся: нечего портить посиделки всякой фигней вроде Поца. – И вообще, что это мы снова о Поце? Пиво греется, парилка остывает!

На том серьезные разговоры сменились на культурные посиделки сначала в предбаннике с пивом и анекдотами, затем снова в парилке, с минералкой и березовыми вениками: у Арийца обнаружился истинный талант к парному делу. Кир даже предложил назначить его главным по веникам – с одной стороны, в шутку, а с другой... если Кир де Ришелье так шутит, значит, признал Арийца годным к службе на благо Семьи.

К концу последнего заплыва в бассейне и сам Дон расслабился окончательно и поверил, что Ариец и Витек – свои люди, Поц наверняка послушает старшего брата, «Двенадцатая ночь» займет первое место на фестивале, и вообще всеобщее счастье вот-вот наступит.

Нелирическое отступление номер два

Суки!

Все суки! Вы у меня еще кровью умоетесь, вояки хреновы!

Вы что думаете, раньше у нас война была? Да это я только разминался, а вот теперь воевать начну, раз мира не хотите!

Нет, я зачем через себя переступал, зачем в этот пидорский спектакль просился? Чтоб на меня всякая шестерка тьякала?! Дон этот, мажор, даже сам ответить не соизволил! Перед всем классом опустил. Ну я ему, ну я... Стукач гребаный, нет чтоб по-мужски разобраться, он Фильке плакаться побежал!

Миша скрипнул зубами.

Что Филька брату настучит – это будьте спокойны. А брательник уж примет меры. Заранее слышится: боец, стройсь! Фанеру к осмотру!

А потом выговор организует. С занесением.

И по ушам ездить станет. Не хуже Фильки! Вы, мол, в одном строю! Друг другу спину прикрывать! Сам бы попробовал – в одном строю! С мажорами!

И Ариец еще... какой он Ариец, крыса он!

Оли-ивия, мать его...

Миша в сердцах сплюнул на чисто выметенный тротуар.

Порылся в карманах в поисках сигарет.

Вспомнил, что последнюю выкурил сразу после уроков, а денег на новые нет. И на шаверму, которой пахнет на весь квартал, тоже нет. А он не обедал. И домой идти – только нарываться на меры, мать их!..

Он задумчиво оглядел Исаакиевский, прищурился на блестящий шпиль Адмиралтейства. Снова принялся.

Шаверма с чесноком и кинзой пахла так, что сводило живот. И, как назло, из дверей паба вывалились какие-то мажоры, на ходу открывая бутылки темного «Карлсберга».

Такого же, каким угощала в «Парадизе» Анаша.

Она тоже говорила, что надо мириться. Но, в отличие от Фильки, не ездила по мозгам и вообще понимала расклад. Правильная тетка. Умная. И ей плевать, что Миша – младший брат. Возраст – не главное!

«А если не выйдет, то можешь мне позвонить и все рассказать. Вместе мы что-нибудь и придумаем».

Отвернувшись от мажоров с пивом и надкусанной шавермой, Миша достал мобильник. Уж лучше потрындеть с Анашой, чем болтаться тут, как дерьмо в проруби.

Она ответила сразу, словно ждала звонка.

– Ты где?

– У Адмиралтейства.

– Я рядом, сейчас буду, – и отключилась.

Миша сунул мобильник обратно в карман. Поддел ногой смятую пивную банку, отправил ее пинком в урну и полюбовался на полет.

В его городе должно быть чисто.

Всегда.

Глава 8, в которой черный пес воет перед подворотней

Из бани сплотившееся ядро безобразия вывалилось под матерные частушки в хоровом исполнении. Солировал Ромка, аккомпанировал Киллер, за неимением гармошки насыпавший монет в жестяную банку из-под пива – получились русские маракасы.

Жизнь была прекрасна и удивительна. Витек с Арийцем отлично вписались в команду, Ариец под конец даже смущаться перестал. И Ромкина дурь не стерпела березового веника, выветрилась. Только где-то далеко на горизонте маячил Поц, но сейчас горизонт терялся то ли в питерском вечернем тумане, то ли в банно-пивных парах, и хотелось думать исключительно о приятном. Вроде Маринки, которая обещалась послезавтра, то есть в субботу, прийти с ночевкой. До послезавтра было еще долго, но заманчивая перспектива Дона так грела, что он даже куртку застегивать не стал.

Так, под частушки и анекдоты, всей командой пошли провожать для начала Витька – он жил всего-то через квартал от школы. Рукой подать! Но торопиться не хотелось – хотелось, наоборот, придержать шаг, посмотреть на пламенеющие рыже-красные клены, воробьев, затеявших массовый заплыв в большой луже, словно и не осень на дворе, а самая настоящая весна.

Но прохожие почему-то хорошего настроения компании не оценили. Все куда-то бежали, куда-то торопились...

А Дону было хорошо. Просто так хорошо. Он даже рассмеялся – потому что солнце, воробьи, и вообще здорово!

Его поддержал огромный черный пес. От самой бани увязался с ними, бежал рядом – то подставляя уши Арийцу, то толкая лохматым боком Киллера, то трогая носом Донову ладонь. А тут покосился хитрым глазом, задрал морду и подпел Ромке, да так выразительно! Прямо натуральный Шевчук со своей «Осенью»^[34]. И прилипший к холке рыжий кленовый лист был в тему.

Песий вокал прохожие тоже не оценили. Совсем. Дону даже показалось, что пса не видят и не слышат: черная тварь ростом Дону по пояс нарезала круги вокруг компании, пела во всю собачью глотку, но никто не шарахался и не возмущался, почему собака без намордника.

И без поводка.

И без ошейника.

Какая-то блондиночка в блестящем плащике и с мокрым цветастым зонтиком-тросточкой чуть не наткнулась на пса, недоуменно посмотрела под ноги и его спокойно обошла, словно ей прямо в лицо не выдали настоящую оперную руладу. Компании веселых парней внимания досталось чуть больше: Ромке блондиночка кокетливо улыбнулась и пошла дальше, цокая шпильками по блестящему после недавнего дождя асфальту.

Наверное, желтый лист и блондиночка подвигли Ромку перейти с матерных частушек на ДДТ.

Осень.

Небо.

Корабли.

Романтика!..

И ровно на «жгут корабли» черный пес сел посреди тротуара, поднял морду к небу и тоскливо завыл. Тут же из ближней подворотни со всполошенным карканьем вылетело несколько ворон и послышались странные звуки. Словно удары, приглушенная ругань...

От неожиданности Дон замолк и остановился.

А прекрасный вечер резко перестал быть прекрасным и стал холодным, мокрым и тревожным.

Опасным.

Остальные ребята тоже вмиг замолчали. Остановились. И уставились кто на пса, кто на темный провал подворотни.

Там дрались. И явно нечестно.

А раз нечестно дрались – надо было помочь.

Сжав в кармане тяжелый брелок, Дон рванул на звук. Ариец с Киром – вместе с ним, едва не опережая. Остальные следом.

Прежде чем Дон добежал до подворотни, по ушам ударил вой: на этот раз тоска в нем была такая, что хоть вешайся. И ему откликнулись

голоса – низкие, высокие, жалобные и захлебывающиеся. Словно все собаки Питера завыли разом.

Наверное, именно этот вой Дона и спас.

Потому что он затормозил за миг до того, как прямо перед ним пролетел камень, брошенный из подворотни. Дон увидел лишь бесформенный силуэт какого-то оборванца: тот бросил камнем – и нырнул обратно, в темный зев; оттуда послышались ругань и топот нескольких пар ног.

Надо было испугаться.

Но страха не было.

Ни страха, ни осторожности, только что-то безымянное, что погнало вслед за убегающим бомжом: вперед, догнать гада, помочь жертве!.. Еще бы оружие!

Взгляд упал на ржавый прут, валяющийся перед самой подворотней. Дону остро захотелось поднять его, почувствовать в руке привычную тяжесть шпаги...

О пруте он тут же забыл – потому что увидел, наконец, кого эти гады били.

У решетки, перегораживающей вход во двор, лежал человек.

Уже мертвый.

Живой человек не может лежать в такой изломанной позе и лицом в луже.

Все прочее Дон окинул быстрым взглядом и признал несущественным: распахнутую калитку в решетке, через которую удрали двуногие крысы, заставленный машинами внутренний двор, лезущего через забор в соседний двор бомжа. Удрали – и плевать, а вот тело...

Смотреть на него не хотелось, но не смотреть было невозможно.

Ему проломили голову. Кирпичом. Он валялся тут же, покрытый кровью, грязью и чем-то еще отвратительным.

Это же отвратительное, серо-красное, виднелось сквозь дыру в черепе.

Дон с трудом сглотнул вязкую горечь, напоминая себе: блевать не время. Он отвечает за Семью.

– Назад! – скомандовал Дон.

Ребята, не успевшие добежать до трупа, остановились.

Сам же Дон шагнул вперед, медленно и осторожно.

Его смущал запах.

Поверх обычной для подворотен помоечной вони пахло больницей. Хлорка. И кислота. И еще что-то – резкое и совершенно здесь неуместное.

Взгляд метнулся от трупа вокруг.

Хозяйственная сумка – разорванная. Осколки бутылки с яркой этикеткой. Рассыпанный порошок – стиральный, из надорванного пакета.

Распотрошенная пачка сигарет прямо поверх тела.

И – голубой берет с отпечатком грязной подошвы.

Сердце замерло и провалилось куда-то в живот.

Этот голубой берет и знакомые берцы на трупе...

Нет, этого не может быть!

Позади Дона кто-то вдохнул со всхлипом и прошептал:

– Мишаня?..

– Эрик, не трогай его! – велел Дон, не оборачиваясь, и наклонился к телу, стараясь не наступить в едко воняющую лужу. Леший знает, что за ядовитая дрянь тут разлита.

Он с трудом заставлял себя не зажмуриваться и хоть как-то дышать. Очень хотелось прямо сейчас оказаться дома, не видеть и не знать этого ужаса.

Почему-то перед глазами вращалась, стеклянно поблескивая, банка; и в этой банке одноглазый урод смеялся, разевал зубастую пасть, и к запаху хлорки с кислотой добавился формалин...

«Тьфу, чур меня!» – подумал Дон, прогоняя головокружение.

Реальность была хуже глюка.

Там, где лицо трупа – называть его Поцем язык не поворачивался, не могло это тело быть Поцем! – касалось лужи, кожа облезла, оголив кровавые мышцы...

Кто-то толкнул Дона сзади так, что он едва не опрокинулся прямо на тело.

Удержался, обернулся – и встретился взглядом с позеленевшим Киллером. Он смотрел на Дона, замерев и прижимая ко рту какую-то тряпку.

«Платок, наверное», – подумалось отстраненно.

Миг Киллер смотрел, потом раскашлялся, сгибаясь пополам.

Дон бросился к нему, схватил за плечи и оттащил прочь от тела. Успел только заметить, что платок упал, а Ариец его поднял.

Так же отстраненно подумалось, что Ариец молодец. Не надо оставлять улик. Вообще ничего тут трогать не надо, и лучше бы мотать подобру-поздорову, пока кто-нибудь из прохожих не вызвал полицию и их всей компанией не загребли за убийство.

Похоже, о прохожих и полиции сейчас думал только он. Остальные, даже Кир, топтались вокруг в полной растерянности и с таким видом, что сейчас все тут заблюют. Разве что Ариец снова нагнулся что-то поднять...

– Стоять! – рявкнул Дон, не успев подумать.

Ариец замер, разогнулся и недоуменно на него посмотрел. А Дон увидел у его ног брелок с ключами. Потяжелее, чем его собственный, и с выбитым значком десантуры.

Поцев брелок.

– Ничего не трогать. Идем отсюда. Сейчас же.

Первый осмысленный взгляд принадлежал Киру. Сначала – на Дона, потом – на улицу. Там, всего в десятке метров, шли люди. Нормальные, озабоченные и веселые, всякие-разные. И никто, ни единый человек не заглянул в подозрительную подворотню – которая с улицы, если стоять напротив, вся была как на ладони.

Нет, неправда.

Вот мальчишка с мороженым, лет семи – самый любознательный возраст! – глянул прямо на Дона... и на Киллера... на труп...

Дон замер.

Вот он, момент истины. Сейчас мальчишка заорет, дернет за руку маму, она завизжит на всю улицу...

Но мальчишка скользнул взглядом дальше, словно перед ним были красоты архитектуры, никому на фиг не нужные, и вернулся к своему мороженому.

Дон выдохнул и переглянулся с Киrom.

Мистика?

Плевать. Хоть сериал «Сверхъестественное», натурные съемки. Надо пользоваться, что бы там ни было, и валить. Быстро. Вот только Фильке позвонить. Если тут мистика – это по ее части. И вообще, иногда совет не помешает.

Дон только успел достать мобильник, как почувствовал, что рядом кто-то делает то же самое.

Обернулся.

Рядом Киллер трясущимися пальцами что-то набирал.

Дон закрыл его экран ладонью.

– Кому?..

– Полиция... – тихо и хрипло ответил Киллер. – Убийство же, надо...

– Не надо. Спрячь.

– Но?.. – в зеленых, под цвет лица, глазах плескалось такое наивное недоумение, что Дон чуть не рассмеялся.

То есть с трудом сдержался, чтобы не заржать, гнусно и неуместно.

Истерика, мать ее. Не вовремя.

– Совсем одичал в своих Европах. Хочешь поближе познакомиться с русской тюрягой и самым справедливым и гуманным судом?

Киллер все так же недоуменно покачал головой, но спорить не стал, а мобильник спрятал.

– Нужно расследовать, это же... человек... – На «человеке» Киллер явственно запнулся. Наверняка тоже не может сказать про труп «Поц». И «Миша» тоже не может.

– Сейчас мы позвоним Фильке, а она свяжется с полицией.

«Или не свяжется, но правильным европейцам об этом лучше не задумываться».

– Еще Сенсею, – тихо встрял Кир: как всегда, собранный, разумный и холодный, словно не его тут только что рвало в уголочке.

– И Твердохлебову? – спросил Ариец, уже доставший телефон.

Дон кивнул.

– Быстро звоним и уходим.

И тут же в трубке откликнулась Филька. Такая встревоженная, словно сердцем почувствовала неладное.

– Что случилось, Дон?

– Поца убили. Мы нашли труп.

– Где?

Дон назвал адрес, сам даже удивился, что способен трезво мыслить и ориентироваться в пространстве, несмотря на панику и

истеричку. Словно паниковал и истерил один Дон, а руководил ребятами и звонил Фильке – другой.

Филька помолчала секунду.

– Возвращайтесь к бане, ждите меня там, никому не звоните. Я скоро буду.

Тому, что Филька знает про баню, Дон даже не удивился, не до того было. Дождался только – еще целых несколько секунд, – пока Кир и Ариец закончат докладывать Сенсею и Твердохлебову, и махнул «на выход».

* * *

Филька появилась действительно скоро. Через каких-нибудь пять минут. Так торопилась, что даже переобуться не успела: ее выпендренные, совсем не по строгим школьным правилам, сабо на деревянной платформе дробно цокотали по асфальту. И переодевалась в спешке. Дон снова чуть не заржал, так она смешно смотрелась в своем строгом черном пальто, ярко-красной широкополой шляпе – и в этих сабо!

Не истерить, напомнил он себе. Ржать, плакать и пить боржоми потом. Когда все закончится. А пока – на мне Семья.

Филька явилась не одна. Привела на поводке здоровенную волкоподобную псину. Бурую, с черной полосой вдоль хребта и крокодильими зубами.

Подумалось мельком – не сцепятся ли собаки? Черный-то так никуда и не ушел. Дождался на выходе из подворотни, довел до бани, а теперь сидел на ступенях – охранял. Их охранял, кого же еще?

Но нет, драться псы не стали. И рычать друг на друга тоже.

Даже не посмотрели, так, скользнули взглядами около и мимо и сделали вид, что второго тут нет и не было никогда. В точности как Филька и Эльвира, когда у них разногласия по поводу учебного процесса. Нет, не было, не знакомы – но слишком подчеркнуто.

Вот так и тут. Псы явно имели друг друга в виду.

Что удивило Дона куда больше, так это откуда вообще у Фильки взялся пес. Не было у нее никакого пса! Никогда! Ни псов, ни кошек, ни хомячков она не держала в принципе. Не любила. И они ее не

любили – то есть не в том смысле, что недолюбливали и пакостили, а в смысле игнорировали. Как мебель.

А этот шел рядом, словно всю жизнь так и ходил.

И еще эта странная расцветка, что-то она Дону напоминала просто до ужаса. Но что – он не мог вспомнить. Что-то левое, совершенно не имеющее отношения к Поцу и убийству.

Тьфу ты. Так хорошо было об этом не думать!

А Филька же наверняка начнет расспрашивать...

Дон ошибся.

Не стала она ни о чем расспрашивать. Только оглядела Семью, сбившуюся в кучку около бани, потрепала пса по бурой шерсти и спросила:

– Ничего оттуда не брали? – промедлила мгновение, сама себе кивнула. – Вижу, что не брали. Значит – домой. И держитесь вместе не только сегодня. И помните: вас там не было, вы ничего не видели и не слышали. Если будет что-то, что вас касается, – сама расскажу. В понедельник. А теперь брысь спать.

Особенно хорошо Фильку понял черный пес. Выслушал, поставив торчком лохматое ухо, им же покивал, вскочил со ступеней, встряхнулся – и потрусил вперед, то и дело оглядываясь на Семью, мол, ну вы идете?

Несколько мгновений Семья продолжала смотреть вслед Фильке – та словно растворилась в вечернем тумане вместе со своей красной шляпкой и зверюгой на поводке.

Вместе с ней растворились и страх с тошнотой, и недоумение: как же так, сегодня Поц был живой, сегодня с ним чуть не подрались, весь вечер строили планы – и тут вдруг нет Поца, а есть объединенный кислотой труп.

Нет трупа.

Не было, приснился.

А есть теплый питерский вечер, друзья рядом.

Друзья, о которых Дон должен позаботиться, потому что если Филька сказала, что нужно держаться вместе, значит – в самом деле нужно. Кто у нас рядом живет, Витек и Ариец?

На вопросительный взгляд Дона Витек смущенно повел плечом.

– У меня родители и маленькая сестренка. Ко мне не выйдет.

– Эрик?..

Ариец промедлил, явно сомневаясь в радости родителей, когда он приведет домой компанию одноклассников.

– Я тоже близко живу, – вклинился Ромка. – Дон, давай ты ко мне, а ребята... к кому?

– Пойдемте ко мне, а? – предложил все еще бледный Киллер. – Я все равно один живу, и недалеко... А? Собаку, опять же, покормим. У меня все поместимся.

– Отлично!.. – ответил Дон, обнимая Ромку за плечи. – Значит, все вместе и пойдём.

Ромкины плечи под его рукой напряглись.

– Мне домой надо, у бабушки день рождения, – буркнул Ромка настолько фальшиво, что даже пес недоуменно поднял ухо: как и Дон, он впервые слышал про день рождения бабушки и в этот день рождения не верил ни на грош. – Я пойду байк заберу.

Мгновение Дон колебался. Отпускать Ромку одного, тем более его снова понесло куда-то не туда, было нельзя. Это было совершенно очевидно, логично и понятно.

Но оставлять Киллера с ребятами тем более было нельзя. Именно сейчас, именно сегодня Дон должен был быть рядом, иначе случится что-то ужасное.

Почему ужасное и что может быть хуже, чем убийство Поца, и откуда он знает, что будет еще хуже, Дон даже не задумывался. Просто знал.

Он крепче обнял Ромку, сжал его плечо.

– Ты мне нужен. – Ромка чуть расслабился, показалось, сейчас согласится, и Дон позвал: – Пошли вместе к Киллеру.

Зря сказал про Киллера. Ровно когда назвал имя – понял, что зря: Ромка вывернулся и отошел на полшага. Но слов обратно не возьмешь.

Как же некстати Ромку снова заело, что там его заедает! И ведь сейчас не переубедишь, не уговоришь – по глазам видно, закусил удила.

У Кира и не получилось. Вместо того чтобы успокоиться и пойти со всеми, Ромка чуть в драку не полез: отстаньте, мне уже не два года, да что вы привязались с вашей Филькой! Даже забыл про свежевывдуманный день рождения бабушки.

Клиника.

– Вы тут еще подеритесь, – оборвал его Дон. – Надо домой – поезжай домой. Завтра поговорим.

Ромка что-то обиженно побурчал под нос, запахнулся в куртку и ушел к школе. А Дон оглядел насупленных и растерянных ребят, про себя обругал Ромку козлом и бодро скомандовал:

– Пошли, что ли.

Прозвучало немножко фальшиво, а плевать. И на страх, который вернулся, тоже. И на тошноту. Вон, Киллеру хуже – губы дергаются, словно не может решить, то ли заржать, то ли разреветься.

Скорее заржет, он же марку держит, наш Леон Киллер. Шапочку ему подарить, что ли? И Растение.

Дон не ошибся. И в самом деле, через пару минут молчаливой спортивной ходьбы Киллер делано веселым голосом принялся травить байку про пса по имени Рауль. Байка была дурацкая, в лучших европейских традициях, но Семья дружно смеялась – поначалу натужно, а потом и в самом деле отпустило.

Видимо, все так старались расслабиться и не думать о плохом, что немножко переборщили.

А может, недовыветрившиеся остатки алкоголя забродили в головах.

Как бы то ни было, к дому Киллера подошли этакой разудалой компанией, разве что частушек больше не пели, ограничились анекдотами и байками из тырнета. Про школу, что характерно, никто не упомянул. Даже Ариец, который выглядел потерянным и несчастным, словно это он предал, не уберег и во всем виноват, и тот начал кривовато, но улыбаться и чесать уши черному псу. Зверюга так и шла рядом с ним, как привязанная.

Анекдоты закончились аккурат к тому моменту, как дошли до Киллерова двора. Не сами по себе закончились, а от удивления.

Поначалу Дон подумал, что они заблудились. В прошлый раз – то есть вчера вечером – это был самый обыкновенный старый двор-колодец. Грязноватый, обшарпанный, по-советски неуютно-монументальный: по углам красовались бетонные вазы-клумбы, полные окурков; посередине корячилась помесь горки с песочницей; дополняли картину покосившиеся качели, тронутые ржавчиной и забвением, доисторические лавочки и доминошный стол.

Теперь же двор сиял чистотой и разноцветными фонариками, волшебными в голубых сумерках. Бетонный монстр превратился в руины замка, увитые диким плющом и расцвеченные все теми же фонариками; разумеется, его уже оккупировали дети – штук шесть лазило по лесенкам, каталось с горки и рыло подкопы. Еще двое детишек, мальчик и девочка, качались на аккуратных ярко-желтых качелях, расписанных маргаритками. В мозаичных вазах пушились яркие астры, они же нагло вытеснили с газона автомобили – те растерянно жались к стенам, не смея ступить на цветы и зелень. Почти так же растерянно сидели на расписных лавочках несколько завсегдатаев доминошного стола, робко пряча под полами извечные бутылки и тюльку в томате.

А стол был занят. Скатертью-самобранкой и семью гномами. То есть не гномами, а старичками – разными, совершенно непохожими друг на друга, в них общего только и было – седина и небольшой рост. И любовь к вкусным пирогам.

О, этими пирогами можно было останавливать армии! Они благоухали так, что у Дона тут же забурчало в животе. Впрочем, он слишком увлекся разглядыванием вышитой скатерти, медного самовара с сапогом на трубе, чашек в красный горох и восседающей на чайнике бабы, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Но самым интересным была не баба и даже не пироги.

Любопытнее всего были старички.

Одним из них, что совершенно не удивило Дона, оказался Франц Карлович. Профессор кулинарии в своем неизменном красном колпачке и с полудюжиной французских медалей занимал почетное место во главе стола, у самого самовара. Рядом сидел кругленький, розовенький, но какой-то неухоженный дедуля в черном пиджаке поверх косоворотки, с седым казацким чубом, торчащим из-под сдвинутого на затылок картуза. С другой стороны – интеллигентнейшего вида носатый дед в галифе и сизой гимнастерке, его фуражка с красным околышем возлежала на столе, под левой рукой.

Еще один дедуля был артистично небрит, одет в косуху с заклепками и бандану, но с тренировочными штанами и кедами. Другой поминутно утирал сверкающую лысину цветастым платком и совал его в карман шелкового жилета в турецких огурцах. А между

ними жался совсем маленький старичок, какой-то обтрепанный и неуместный в своей выцветшей спецовке. Он придерживал ногой деревянный ящик с инструментами с таким видом, что сейчас подхватит его, вскочит и примется извиняться, что ненароком сел на чужое место...

Кого-то этот старичок Дону напомнил.

Какое-то старое неслучившееся чудо...

Ну точно же! У неслучившегося чуда было масляное пятно на кармане, такая же пегая острая борода и такой же ящичек с инструментами. Дон его отлично помнил!

В детстве этот старичок-сантехник постоянно попадался ему в подъезде, когда у соседей прорывало трубу или засорилась канализация. Однажды Дон почти пригласил его домой – видно же было, что старичок устал, хочет выпить чаю. У него были такие одинокие глаза! И он бы наверняка рассказал много интересного о том, кто по ночам бурчит, рычит и трясет трубу на кухне, а иногда даже высовывает мохнатую морду из слива раковины.

Но пригласить старичка помешала мама. Дон только и успел спросить, любит ли он домашнее печенье – как мама выглянула и спросила, с кем это Дон разговаривает? Дон хотел было сказать, что с дедушкой, обернулся, а того уже не было. Застеснялся, наверное. Мужчины часто стеснялись мамы, мялись, говорили всякие глупости и выглядели полными дураками. Потому что мама была очень красивая.

Только потом, когда вырос, Дон понял, насколько она была красива и почему мужчины дурели.

Но о том, что не удалось тогда накормить старичка печеньем и поболтать, Дон жалел очень долго. До того самого времени, как переехали с Васильевского и он перешел в школу к Фильке...

Все это удивление вместе с воспоминанием промелькнуло в короткий миг, который понадобился черному псу, чтобы с радостным лаем помчаться на запах пирогов.

Без поводка.

Без намордника.

Прямо через полную детей песочницу!..

Сердце екнуло: вот сейчас мамыши как завопят! Ведь на их детей несется монстр!

Но воплей не последовало.

Ни мамыши, ни тоскующие доминошники, ни дети словно не заметили, как басовито гавкающая зверюга длинным прыжком, достойным призового жеребца, перепрыгнула копошащуюся в песочнице малышню. Никто даже головы не повернул!

Кроме старичков. Вот они и услышали, и увидели, и заулыбались. Франц Карлович даже встал из-за стола, взял тарелку с надрезанным мясным пирогом и поставил на землю перед псом. И поклонился.

– Приветствуем вас, милостивый государь, – сказал.

Видимо, на сегодня Дон исчерпал лимит удивления. Государь, да еще милостивый? И ладно. Пусть пес – государь. Хоть горшок.

Пес тоже повел себя нетипично для пса. Не набросился на пирог, а ведь так к нему стремился!

Первым делом он обнюхал Франца Карловича, задумчиво посопел, благосклонно лизнул профессору руку и вильнул хвостом. И только потом одним движением языка смел пирог с тарелки.

Прямо не пес, а удав какой-то!

Сел копилкой, застучал хвостом и гавкнул.

Только тогда старички отмерли и снова загалдели, глядя теперь уже на сгрудившихся в устье двора парней.

Тот, что в косоворотке, улыбнулся и помахал платочком, добытым из рукава. И вообще старички выглядели так, словно хотят позвать, но не решаются.

И парни вроде хотят подойти к столу, но как-то без приглашения невежливо.

Положение спас снова Франц Карлович. Церемонно склонил голову и позвал:

– Судари мои, окажите честь отужинать с нами!

Остальные старички сделались такими изумленными, что Дон едва не засмеялся. Словно Франц Карлович пригласил к столу случайно проходившую мимо английскую королеву.

Парни тоже растерялись.

Нет, Кир-то просто обрадовался, Киллер и вовсе просиял – а что ему, Киллеру! Не чужой же дедушка приглашает, а сосед.

Зато Ариец и Витек чуть не попятнулись. Не привыкли к такой старорежимной вежливости. Пришлось их подпихнуть, чтобы стронулись с места. Не обижать же дедушек!

Про дедушек Дон подумал, а про доминошников – нет. И зря.

Когда Семья расселась за столом и приступила к пирогам и чаю, на лавочке у подъезда началось недовольное бурление. Послышалось что-то на тему наглой молодежи, которая законных жильцов, коренных питерцев, выгоняет от их же стола!..

С чего такие странные заявления, Дон не понял и обдумать не успел.

Трое доминошников, явно ядро местного безобразия, поднялись с лавочки и, подбадривая друг друга тычками, пошли к столу. На лицах, носящих следы бывшего интеллекта и мужественности, читалось желание поскандальничать пополам с желанием сбежать. Страшная смесь, гарантия полной неадекватности, особенно если карман жжет невыпитая бутылка. Дон уже приготовился объяснять господам коренным питерцам, что скандальничать с почтенными дедушками – нехорошо и для распития спиртных напитков можно бы найти и другое место, чисто на сегодняшний вечер.

Но не успел.

Его опередила соседка Киллера с верхнего этажа. Дон ее узнал по голосу: это она вчера матерно ругалась то ли на байк, то ли на кошку, то ли на жизнь такую жестянку.

Соседка выскочила из подъезда, потрясая скалкой, и с разбегу огрела одного из доминошников по спине.

– Ах вы, алкаши позорные! – разорвал волшебный вечер пронзительный, как сирена «Скорой помощи», голос. – Куда намылились? Зенки-то протрите, пьянчуги! А ну, пошли отсюда! Бегом, бегом, я сказала!..

Доминошники переглянулись, попятились... развернулись. И предприняли стратегическое отступление. Бегом.

Связываться со скандальной мегерой никто не желал.

Да что там, и Дон не желал – уж больно смертоубийственно выглядела теткина скалка! Хоть сам удирай. Но не бросать же старичков на растерзание!

Но тетка, погрозив скалкой удирающим доминошникам, как-то разом успокоилась. Поправила косынку, завязанную «ушками», как у Бабы-яги в старом советском мультике, и направилась к столу. Подошла с неумелой и запылившейся от долгого неупотребления, но все-таки улыбкой.

Вот тут Дон удивился, несмотря на исчерпанный лимит.

У тетки-мегеры оказались добрые карие глаза и пушистые ресницы, а ее «здрасьте» прозвучало смущенно и даже самую малость кокетливо.

– А я смотрю, такие приличные мужчины собрались, а наши-то как заливают зенки, так и... – тетка горестно махнула рукой. Сунулась в оттопыренный карман и вытащила жестянку с чаем. Хорошим чаем, настоящей Lady Grey. – Вот... у меня тут стоит, а попить-то и не с кем, так, может...

Старички засияли. Тот, что в спецовке, вскочил, усадил тетку, примостился рядышком. Тут же пододвинул к ней блюдо с клубничными плюшками, принялся заваривать принесенный теткой чай.

Тетка смущенно улыбалась, хлопала ресницами и что-то ворковала глубоким, с джазовой хрипотцой, меццо-сопрано.

Наверное, это выглядело смешно. Старая тетка в бабкиной косынке, потрепанный сантехник, чай с сахаром вприкуску и воркование голубым осенним вечером...

Нет, не смешно. Трогательно. Особенно трогательно выглядел не верящий своему счастью старичок. Показалось, или он даже прослезился, когда тетка робко проворковала что-то о подтекающем кране, и, может быть, вы, Кузьмич, пойдете со мной и глянете?

Они удалились вместе: подобревшая мегера, счастливый и больше не одинокий сантехник и его неизменный чемоданчик. Старички за столом провожали их такими умиленными улыбками, словно случилось что-то, о чем они уже сто лет мечтали.

– От огонь-баба! Свезло Кузьмичу-то, при доме будет, – вздохнул старый казак и дернул себя за чуб. – Помню, как-то моя Солоха...

Казак что-то рассказывал о своем житье-бытье в Малороссии, откуда он неведомыми путями, чуть ли не с рыбным обозом, прибыл в Петербург. Вроде с родней, и вроде задолго до революции. Другие тоже что-то вспоминали: странное, древнее, совсем не подходящее гудящим неподалеку машинам и доносящемуся из раскрытой форточки футбольному матчу. Но Дон уже ничему не удивлялся. Сил не осталось удивляться – даже когда прямо на стол вскочил толстый серо-белый кот, лакнул чаю с молоком из оставленного казаком без присмотра блюдца и одышливо пожаловался на какого-то нехорошего Ефрема. Хорошо поставленным баритоном.

А через минуту откуда-то, чуть ли не с неба, послышался дребезжащий окрик: «Калиостро!»

Кот ойкнул, спрыгнул со стола и пропал неведь куда^[35]. Как не бывало.

Вслед коту раздался смешок Арийца, и какая-то мамаша, тщетно зовущая свое сокровище домой, раздраженно обругала «торчков малолетних». Ну еще бы не торчки, нормальные-то парни не сидят за пустым столом и не слушают вечерней тишины.

Дон даже пожалел тетку, не замечавшую ни старичков, ни самовара. Зато замечали дети – сокровище бдительной мамы прибежало от песочницы, подергало Франца Карловича за полу сюртука и получило целую горсть конфет. Домашних, в шоколадной глазури и миндальной крошке, с вишенками внутри.

А потом удрало в песочницу, пока не поймали.

Остальные карапузы тут же налетели на добытчика и рассовали конфеты за щеки, как хомячки. Так что бдительной родительнице осталось лишь вытирать шоколад с довольной мордахи и качать головой на новые детские придумки: не бывает Деда Мороза осенью в обычном питерском дворе.

Стемнело.

Мамаши с детьми разошлись по домам.

С верхнего этажа, откуда вчера доносился мат-перемат, потянуло борщом и тихой, на два голоса «Рябиной».

Дедули вперемешку с вечером воспоминаний расспрашивали ребят о школе, а строгий владелец энкавэдэшной фуражки осторожно интересовался у Кира, не желает ли его матушка небольшой помощи в хозяйстве? А то у них тут, понимаете ли, опять новое начальство новой метлой повымело все что можно и что нельзя, и опытные кадры никому не нужны – везде эти ужасные автоматические агрегаты, видеонаблюдение, старому служаке и пайка никто не даст!..

Кир сочувственно кивал, обещал поговорить с матушкой и расспрашивал об архивах, каких-то старых делах, упомянул фамилию своего расстрелянного деда.

Ариец с Витьком тоже слушали старого служаку, растопырив глаза и уши.

А вот Киллер в общей беседе участия не принимал, как и сам Дон. Сидел рядышком с Францем Карловичем, подперев сложенными

руками подбородок, и дразнил Дона. Не нарочно, нет. Просто в этом трепещущем свете фонариков, рядом с самоваром и чудными дедками, он снова казался девушкой Виолой в зеленом берете с перышком. Виолой с гитарой и серенадой. Просто Виолой-гитарой. Дон видел, какая она настоящая, – и сейчас ему плевать было на то, что у Киллера в паспорте, потому что единственно важным было желание ее вылепить. Виолу. Волшебство.

На миг ему даже показалось, что в его руках глина, и вокруг никого нет, только они вдвоем, и под его пальцами начала оживать Она...

– Дон, проснись! – вырвал его из грез голос Арийца.

Белобрысый тряс его за плечо и смотрел с любопытством.

Дон зажмурился, резко открыл глаза и обернулся.

– Ты чего? Я не сплю.

– Ага. Что это у тебя?

Дон опустил взгляд на то, что держал в руках: фигурку из хлебного мякиша. Он сам не успел разобрать, что именно вылепил, – такое вдруг напало ощущение, что Ариец подглядел за чем-то слишком личным, почти интимным. Рука сама собой сжалась в кулак, сминая нечаянное творение.

– Так, ерунда. – Дон кривовато улыбнулся Арийцу и перевел взгляд на дремлющего с открытыми глазами Киллера. В руке у него было недоеденное пирожное, на губах блаженная улыбка дорвавшегося сладены. – Пора бы спать. Вон, некоторые уже почти носом в салате.

Его услышал Франц Карлович, закивал, засуетился...

И как-то так получилось, что через пару минут они все уже оказались у Киллера дома, на двух единственно пригодных для спанья поверхностях: на кровати в спальне – Дон, Киллер и Ариец, а Кир с Витьком на разложенном диване в гостиной, где он сам проснулся всего лишь сегодня утром.

Какой был длинный день, подумал Дон и провалился в сон.

Глава 9, в которой требуется нюх, а не осиновый дрын

Дон позвонил в самый неподходящий момент... или, наоборот, – в самый подходящий, когда на пороге кабинета появилась чрезвычайно озабоченная Эльвира. Она даже успела сказать что-то про упырей-проверяющих, начала еще в коридоре, но, услышав телефонные вопли, махнула рукой: подожду, ответь.

Феличе кивнула и тут же про директрису забыла. Дон, в отличие от нее, ждать не мог.

Когда в трубке раздалось перепуганное: «Поца убили», – Феличе не поверила своим ушам.

Перевела взгляд на Эльвиру, слышала ли. Та услышала, сделала несколько неверных шагов, с размаху села на ближайшую парту и одними губами спросила: «Дурацкая шутка?»

– Ждите меня там, – ответила Феличе Дону, а Эльвире буркнула: – Нашла детский сад, так шутить. Я позвоню Сенсею, а ты будь на связи.

– Я жду, – пообещала Эльвира.

При всех их сложных отношениях, когда речь заходила о действительно важном, разногласия забывались.

Феличе улыбнулась одними губами и набрала номер.

– Уже бегу, – хрипло, с рычащими нотками отозвался Сенсей.

Феличе окатило чужой болью.

Она поморщилась: боль и страх она не любила. Не ее репертуар. Но раз уж подписалась на эту школу, приходилось терпеть и сводить к минимуму.

Лет тридцать назад только ставшая директрисой Эльвира предложила нанять штатного мусорщика^[36], чтоб ликвидировал страхи своими методами. Но на первом же педсовете предложение благополучно провалили. Большинством голосов.

Сама Феличе тогда еще здесь не работала, Твердохлебов рассказал.

Кстати, о Твердохлебове...

Тот словно почувствовал неприятности – а может, и впрямь почувствовал, – и ждал в раздевалке. В могучей ручище подрагивал осиновый дрын.

– Мне Эрик звонил, – объяснил свою оперативность. – Так я с тобой пойду. Мало ли.

Феличе покачала головой.

– Не надо, Михаил Маркович. Со мной Сенсей. Там нюх нужен, а не дрын.

Твердохлебов приуныл, но утешать его Феличе было решительно некогда. И так время уходит!

Накинув пальто и надев шляпку – осень, без пальто она будет выглядеть странно, – она устремилась прочь из Школы.

Волк вынырнул из темной подворотни на половине дороги к бане. Молча сунул ей в руки спортивную сумку, подставил шею под ошейник и повел носом.

– Мусор-рщики. Зуб даю.

Феличе пристегнула поводок и кивнула:

– Воняют.

Страхом пропах весь квартал. Эпицентра было два – одна из подворотен метрах в пятистах от Школы, и баня, где ждали ребята.

Шагов за сотню до нее волк вздыбил шерсть и низко заворчал.

Феличе сделала бы то же самое, будь у нее шерсть.

Тот, кто сейчас стоял рядом с Доном, всегда вызывал у нее разумное желание держаться подальше. К счастью, их интересы не пересекались, но «береженого бог бережет» – очень мудрые слова.

Сегодня Он выглядел черным псом. Один из самых «безобидных» образов, если это слово вообще может быть применимо к Нему.

И, что Феличе безусловно порадовало, Он охранял ребят. Чем-то они ему глянулись.

Если б еще не боялись так отчаянно!

Волна чужих чувств едва не сбивала с ног, даром что за годы работы в школе Феличе привыкла к подростковым эмоциональным бурям.

На то, чтобы пропустить волну через себя, убедиться, что дети ничего не взяли с места преступления, успокоить их и выдать ценные указания, понадобилась минута. Особенно важно было, что ничего не

взяли: если безобразие устроили мусорщики, то наверняка подбросили пару-тройку сюрпризов замедленного действия.

Всю эту минуту она ощущала под пальцами напряженную волчью холку – звери контролируют эмоции еще хуже, чем подростки.

– Идем, – она убрала руку, но не выпустила поводка: Сенсей и сам справится с инстинктами, но вместе надежнее. И ни к чему еще пугать прохожих, страха и так чересчур много.

На этот страх уже слетелась мелкая шушера – в подворотне, особенно густо над телом, клубилась и шуршала грязная мгла. По счастью, навешенная мусорщиками пелена не позволяла прохожим заглянуть в подворотню раньше времени.

– Брысь, – тихо велела Феличе, отстегивая карабин ошейника.

Шушера тут же слилась в сток ливневой канализации и растворилась в щелях стен и асфальта. В подворотне резко посветлело – не ясный солнечный день, разумеется, в это место солнце последний раз заглядывало в момент постройки дома, но Феличе было по большому счету все равно. Лишь бы не мешали.

Первый из сюрпризов обнаружился рядом с телом.

Сенсей остановился над ним и тихо проворчал:

– Ур-роды. Забер-ри эту дrrrr-рянь.

Дрянь Феличе подняла – обычный брелок с ключами. Плоский, тяжелый, с эмалевым значком: парашют, на перекрестье строп пропеллер. Наскоро заговоренный на отвод глаз.

Коснись брелока человек, и морок исчезнет, а тело увидят все прохожие. Видимо, на то и рассчитано: ребята найдут тело, поднимут знакомый брелок – и их застанут над трупом. Полиции даже не придется никого ловить, дело готово.

Мерзость. Уже детей жрут!

Феличе аккуратно положила брелок на место. Тратить внимание на отведение глаз прохожим, когда можно пока пользоваться готовым мороком, не имеет смысла. И продолжила осмотр.

Ничего неожиданного она не увидела – имитация нападения бомжей. Даже бомжовый отвратительный запах: голод, боль, безнадежность.

А вот Сенсей, едва подойдя к трупу, расчихался.

Умники распотрошили пачку сигарет и посыпали следы табаком.

Если бы Феличе могла смеяться, она бы засмеялась. В этом все мусорщики: замели следы, позаботились, чтобы их не нашел даже волк – и так завоняли все кругом страхом, что их авторство чуеться за два квартала.

Безмозглые, незаконные твари.

Бедняга Сенсей попятился, обошел тело и через калитку в решетке устремился во внутренний двор, принялся что-то там вынюхивать. А Феличе продолжила осмотр.

Тело Миши Шпильмана лежало в луже кислоты пополам с хлоркой. Наверняка сначала напугали до полусмерти, потом сожгли лицо, чтобы сожрать как можно больше боли, и только потом проломили голову.

Как удачно, что рядом нет людей. Эмоции были бы очень некстати. Эмоции мешают здраво мыслить. А поразмыслить было над чем: мусорщики нарушили неписаный закон «не трогать детей». Причем нарушили нагло и демонстративно, всего за месяц до того, как Миша Шпильман попал под защиту Конвенции.

Сами бы они не решились, трусливые твари. Значит, в Питере кто-то играет в свои мутные игры.

Кто?

Что за игры?

Придется найти тех, кто устроил безобразие, и все выяснить. И максимально обезопасить детей.

Сенсей вернулся через несколько минут, злой и чихающий.

– Из двор-ра есть выход. Р-решетка с калиткой. Все затоптано. Напр-рочь.

– То есть ты их найти не сможешь. – Она не спрашивала, она констатировала факт. И этот факт ложился только в одну версию: тот, кто затеял игру, знал про Сенсея, но не учел вмешательства Феличе. Он нее мусорщикам не спрятаться. – Идем. Сдадим бомжей полиции.

Запах агрессии и убийства привел их в облюбованный бомжами подвал неподалеку. На двери подвала висел фальшивый замок – дужку подпилили и навешивали так, что выглядел замок целым и надежным.

Убийц было четверо. Трое живых и один мертвый: умер буквально только что, в подвале воняло мучительной смертью.

Труп валялся под трубами в луже испражнений и рвоты.

Остальные, не обращая на него внимания, вяло отбирали друг у друга бутылку отравленной водки, пихаясь и бессмысленно бормоча. Им мешало убить друг друга только отсутствие сил и оружия, но никак не разум.

Сенсей тихонько завыл и попятился обратно к двери.

– Иди, подыши. Я сама разберусь, – велела ему Феличе.

Все равно от волка толку не будет, люди и без того ничего не соображают. Мусорщики выжгли им остатки отравленных алкоголем мозгов.

– Стоять, – скомандовала Феличе, забирая всю агрессивную муть и спуская в крыс, подбирающихся к теплomu телу.

Крысы запищали и принялись драться.

А бомжи замерли и растерянно захлопали глазами. Тот, который держал ополовиненную бутылку, разжал руку, и бутылка упала. По счастью, не разбилась – на полу валялось довольно картонок, обрывков теплоизоляции и прочего мусора.

– Подними. Иди к двери.

Спотыкаясь и вихляясь, как марионетки, бомжи выбрались из подвала. Феличе вышла следом и кивнула Сенсею.

– Паси!

– Нашла пастушью овчар-р-р-р-рку, – оскалился волк.

Но погнал бомжей в подворотню, оставив в покое в пяти шагах от тела: подойти ближе ему мешали хлорка с табаком. Да и не надо ближе.

Феличе посмотрела на того, кто держал бутылку.

– Расскажи, кто тебе дал водку.

Бомж несколько мгновений бестолково пялился, потом бессвязно забормотал что-то о доброй бабе, которая не велела о ней рассказывать и обещала завтра дать еще, если они никуда не уйдут из подвала.

Описать добрую бабу он не смог. Только что лысая, синяя и в черной куртке.

– Медленно досчитай до ста, потом наклонись и подними брелок.

Бомж закрыл глаза и послушно зашевелил губами, Феличе кивнула Сенсею и вышла из подворотни.

– Пора вызывать полицию.

Следующие несколько часов Феличе с Сенсеем провели в участке. Там отвратительно пахло скукой, страхом и злостью, было серо и

убого. Бюрократическая махина шевелилась едва-едва, так что пришлось снова брать дело в свои руки: влить в дознавателя немножко вдохновения, чувства давно и прочно им позабытого, и очистить оперативников от похмелья, усталости, гнета бытовых проблем и прочих наслоений, под которыми желание работать потерялось полностью.

Сенсей даже тихонько рыкнул:

– Не перестарайся. Привыкнут, потом будут к тебе в школу ходить за добавкой.

Она только фыркнула и продолжила улыбаться дознавателю, полному мужчине под пятьдесят, с заметной лысиной и пятнами от гелевой ручки на воротнике позавчерашней рубашки. Улыбаться и подсказывать, что написать в протоколе, чтоб начальство не придиралось.

– Какой у вас хороший кобель, – кривовато с отвычки улыбнулся дознаватель, мнящий себя знатным собачником. – Окрас интересный, никогда не видел с такой полосой. Канадская лайка?

– Китайская зайка! – проворчал Сенсей, демонстративно обнюхал его портфель и изобразил на бурой морде такую задумчивость, будто вот-вот пометит.

Феличе снова улыбнулась дознавателю и потянула Сенсея за хвост, чтоб не увлеклся.

– У меня есть телефон старшего брата потерпевшего, – напомнила она дознавателю. – Константин Шпильман, вы его знаете.

Тот недоуменно похлопал глазами – очаровательная дама в красной шляпке в его мозгу никак не совмещалась со школьной училкой, а брат потерпевшего – с грозой всех маргиналов и мелких бандюков на районе, Костяном Десантурой.

Фамилию главы народной дружины дознаватель забыл, что немудрено: Константин предпочитал разделять работу и семью. Вот у дознавателя память и шалила.

Феличе было плевать на его память. И не плевать на то, что сейчас устроит тут Десантура. Он и так был не в восторге от того, что пришлось отдать младшего братишку в Школу.

Человеческая логика – то есть ее полное отсутствие – всегда восхищала Феличе. Константин сам учился в Школе и точно знал, что никто из педагогов никогда не причинит детям вреда. Что они,

идиоты? Эти дети – единственная гарантия относительного мира и покоя в городе! Тем не менее Константин их боялся, не доверял и предпочел бы учить брата сам.

Он и учил.

Своими, армейскими, методами. От которых Миша дурел и терял адекватность.

Результат налицо. Мальчик стал добычей мусорщиков – это вполне в их духе, отыграться на младшем брате того, кто прижучивает их самих.

Феличе, как всегда, оказалась права. Едва зайдя в кабинет дознавателя, Константин окатил ее таким потоком боли и ненависти, круто замешанной на чувстве вины и бессилия, что можно было держать пари: в ее лице он нашел виноватого.

И от ее успокаивающего взгляда отшатнулся, едва креститься не начал. Будто это кому-то когда-то помогало!

Сенсей на всякий случай пошел с ним и с дознавателем. Мало ли, что на Константина найдет, когда увидит труп брата.

Оказалось, кстати караулил.

Вернулся Костя, держась за бурую холку. Не потому, конечно, что иначе бы упал, а чтобы занять руки. И ничем от него не пахло – ни горем, ни отчаянием, ни болью.

Совсем ничем. Пустотой.

Плохо. Лучше бы горевал, бушевал, грозился всех порвать, тогда удалось бы успокоить. А тут...

Костя остановился посреди кабинета, перемялся с ноги на ногу и, не глядя ни на Феличе, ни на Сенсея, ни на следователя, уронил:

– Мишка это. Документы при нем были, но документы что... их спереть можно. Ожог, главное. Я его сегодня с сигаретой поймал. А он ее прятать кинулся. В рукав. Ну и обжегся...

На миг от него полыхнуло горячей болью, но тут же погасло.

Феличе поморщилась.

Чем дальше будет копиться внутри, тем сильнее взорвется. Лишь бы только при ней взорвалось, а не дома и не в штаб-квартире дружины. С Константина станется поднять своих ребят и пойти мстить без разбора всем мусорщикам Петербурга. Возможно, именно этого и добивались те, кто затеял игру.

Заскучали, твари.

Феличе шепнула дознавателю:

– Отвези парня домой, пока не наделал дел.

Дознаватель кивнул. Наслышан о бешеном характере помощника правопорядка, раз не первый год работает в полиции.

Глава 10, в которой волк не ест Красную Шапочку

Из участка Феличе с Сенсеем выбрались только на рассвете, усталые и измотанные донельзя. Бюрократия может вытянуть все нервы даже из того, у кого их вообще нет, что ж говорить про них двоих?

И словно мало было потрясений! Еще одно поджидало Феличе прямо на выходе из отделения.

Ничего на первый взгляд особенного. Подумаешь, яркая афиша на тумбе. Сколько их, таких афиш, по городу! Но все-таки притянуло взгляд, не могло не притянуть.

«Рахманинов. Прелюдии».

Господи, Рахманинов!

«Ты еще не забыла, как пахнет весна?»^[37]

И наотмашь, по глазам, по нервам: Даниил Дунаев. Возвращение.

Нет, не может быть, невозможно! Оттуда, куда ушел Дунаев, не возвращаются!

Тогда что это? Злая шутка? Другой музыкант, взявший известное имя?!

Феличе заставила себя подойти к афише. Присмотреться.

Шальные глаза цвета кофе, узкое лицо, резкие черты – пожалуй, его дальний предок мог бы носить фамилию Риварес^[38]... Его, бесспорно, узнает любой поклонник классической музыки. Зато уже никто и никогда не узнает в нем бродягу Прогонини.

Господи, как же это?..

В груди защемило, по щеке скатилась слеза.

Феличе смахнула ее прочь – еще не хватало плакать, словно девчонка шестнадцати лет!

Рядом зарычал Сенсей. Его тоже перехлестывало чужими эмоциями, еще чуть – и начнет бросаться на проезжающие машины, как деревенская шавка.

Черти бы взяли эту бюрократию и эти эмоции!

Феличе опустила руку на волчью холку. Вместе немного проще. Нет, неправда.

Вместе намного проще. Вот и она уже куда спокойнее. Даже, пожалуй, веселее...

Она хмыкнула, вспомнив своих учеников. У них так – всегда. Сплошные эмоции, сплошные гормоны. То вверх, то вниз, без остановки. Подростки. Но справляются же! Пусть и с ее помощью...

Пока шли к дому Феличе, Сенсей тихо ворчал и порывкивал то на ворон, то на бродячих кошек. А на нерадивого дворника, бросившего метлу посреди тротуара, едва не кинулся.

– Нервы – не повод возвращаться к тому, от чего ты сбежал в лесах Оверни, – хмыкнула Феличе, хватая его за ошейник. – Тихо, собачка моя. Сидеть.

Сенсей хрюкнул и сел ей на ногу. Преданно заглянул в глаза. Вывалил язык – ну натуральная китайская зайка!

Феличе засмеялась.

Сейчас, после полиции, после этой афиши, ей было нужно – плакать, смеяться, избавиться от бури чужих эмоций хоть как-то. И Сенсей отлично знал как.

Внезапно подпрыгнув, он лизнул ее в лицо, едва не повалив на асфальт.

Бедняга дворник испугался, схватился за метлу – отогнать бешеную собаку с риском для жизни...

Но Феличе снова засмеялась, схватила волка за мохнатые щеки и смачно поцеловала в нос.

– Пошли домой, старая развратница, – проворчал Сенсей. – Не здесь же!

Обалдевший дворник смотрел им вслед – Красной Шапочке и Серому Волку, идущим по туманной питерской улице. Феличе даже на миг захотелось рассказать ему правильную сказку: о той осени в Оверни, когда одна девушка спасла Жеводанского Зверя от охотников, лесорубов, инквизиции и просто озверевших крестьян. Совсем затравили беднягу, свалили на него все грехи – от пропавших овец до загулявших жен. Нельзя же было бросить его на растерзание!

Она могла бы рассказать дворнику сказку о том, как Красная Шапочка и Волк подружились и дружат вот уже... Да кто их считает,

эти годы! Все равно ничего по большому счету не меняется. Особенно привычка носить осенью красные шляпки.

Сенсей проснулся часа через три, отдохнувший и спокойный. Не одеваясь, пришел на кухню, где Феличе пила седьмую по счету чашку кофе – не то чтобы кофе ее бодрил, просто ей нравились простые человеческие радости. Хороший секс, чашечка кофе с «Бейлисом», омлет с ветчиной. Пожалуй, она бы не отказалась еще поспать и увидеть сон – но это уже было за пределами ее возможностей. В смысле, свой собственный сон. Сегодняшний сон Сенсея она уже видела. Хороший сон: он снова был молод, его конь несся вскачь по полям, его егеря трубили в рога, его борзые залиvisto лаяли, загоняя оленя, а селянки на полях кланялись господину и призывно улыбались – вдруг господину захочется по дороге с охоты испить воды или улучшить крестьянскую породу?

– С добрым утром, сир, – поздоровалась Феличе на старом французском, улыбнулась и повела плечом, как самая фигуристая селянка из его сна. – Не изволите ли кофе и омлет?

Сенсей потянулся и засмеялся.

Ему было хорошо – легко, свободно, весело. Самое лучшее настроение.

– Омлет и быка! Я голоден, как волк! Р-ры! – он снова рассмеялся. – Страшный волк! Боишься?

– О да, сир, я вся дрожу от страха! – голосом кокетливой селяночки отозвалась Феличе и тоже рассмеялась. – Не кушайте меня, я вам иначе пригожусь!

– Ладно, уговорила. Буду кушать ветчину. Много ветчины!

Пока Сенсей уничтожал омлет, запивая его кофе из самой большой кружки, Феличе рассказывала – уже без хаханек, по делу. Кому позвонила, что узнала.

– След совершенно явный. Лысая, синяя – наверняка Анаша, тусит в «Парадизе». Твой Серый обещал разнюхать, с кем, как, почему и все прочее.

– Мне не нравится эта легкость. Не суйся туда без меня.

– Я и не собиралась. Вся эта заварушка мне совершенно не нравится. Не люблю играть втемную. Еще кофе?

– Хватит. Во сколько собираемся?

Феличе хмыкнула и кивнула на его джинсы. Пока Сенсей спал, она достала одежду из сумки, погладила и повесила на плечики.

– Ты как раз успеешь одеться, Страшный Волк. Эльвира и все прочие ждут нас к одиннадцати.

* * *

Если бы Феличе умела ненавидеть, то она бы ненавидела педсоветы.

Особенно такие, как сегодня.

Все на нервах, все на взводе. И ни одной дельной мысли, словно здесь одна Феличе умеет думать логически, а все прочие – так, на лавочку за сплетнями пришли. В руках этих людей... ладно, не только людей. В их руках – благополучие одного из крупнейших городов Европы? Да им плюшевую игрушку доверить нельзя! Вместо того чтобы искать пути решения проблемы, наперебой кинулись выяснять, кто виноват.

Кто виноват, что мусорщики убили ученика? Кто виноват, что ученик забрел в ту подворотню? Кто виноват, что в городе уже середь бела дня нападают на людей и куда вообще смотрят боевики и лично Сенсей?!

На этой фразе Гремлин – рыжий не только по масти, но и по характеру информатик – оторвался от своего неизменного планшета и выразительно поглядел на грудь Феличе, мол, он-то знает, куда смотрит Сенсей.

А Сенсей тихо зарычал. У него плохо с чувством юмора, зато хорошо с зубами.

В пылу дебатов господа преподаватели рычания не слышали. Или уже привыкли – сегодня рычали, орали и кусались все. Даже пышечка-хохотушка Оксана Николаевна Коваль, учительница труда у девочек и потомственная колдунья вуду, и та требовала закрыть школу на карантин, обязать учеников посидеть дома, пока боевики призовут к порядку мусорщиков и прочую низшую нежить!..

Она тоже при этом смотрела на Феличе и на Сенсея. Как будто они – волшебники.

Против закрытия школы даже на день тут же высказались все поголовно, и то хорошо. Но Эльвире пришла в голову не менее гениальная идея: раз закрыть школу нельзя, можно удалить из нее наиболее опасных учеников.

– А то вот возьмем, к примеру, мсье Жана Морену. – Эльвира размахивала карандашом так, словно это была метла. – Если с его кровиночкой что случится, так он всю школу одним ударом хвоста сметет, а педсоставом закусит!

– Удалять учеников? Нет, это слишком. Они же потом не нагонят программу! – возразил Интригал, такой же рыжий и вредный, как его брат-близнец, математик. – Надо сообщить родителям, пусть сами решают! Под их ответственность! Мсье Жану в первую очередь!

Сенсей зарычал громче и треснул по столу ладонью.

– Цыц!

Базар от неожиданности замолк. Все уставились на Сенсея и на Феличе, которая воспользовалась паузой и поднялась со своего места: ор, прыжки и брызганье слюной она считала делом бесполезным и потому недостойным.

– Нашли время собачиться, – буркнула она и добавила громче: – Мсье Жану я позвоню сама и тогда, когда сочту нужным. До этого момента Виола Морена остается в школе под мою ответственность.

Сенсей рядом кивнул, мол, вы слышали.

А Феличе строго посмотрела на Эльвиру: поняла ли? Ведьма сердито махнула рукой. Отвела глаза. Но согласилась, хотя и нехотя.

– Под твою ответственность.

Рыжие гремлины и трудовичка тоже кивнули – волшебное слово «ответственность» сработало безотказно. Феличе села обратно и даже расслабилась на секунду. Но секунда быстро закончилась.

– Я против. Убирать надо эту вашу Морену^[39] из Школы, – неторопливо и размеренно, словно в своем родном лесу, заявил Твердохлебов.

Это были его первые слова на всем педсовете – в лаконичности он и Сенсей друг друга стоили.

Все дружно воззрились на Твердохлебова: если уж дуб заговорил, стоит послушать его резоны. Историк, господин Б. К. Дорф, даже свой монокль поправил в знак внимания и уважения. А Твердохлебов укоризненно поглядел на Феличе.

– Она мне Эрика инициировала! Прямо в первый день, как пришла! Вы вот не видели, а она его на обе лопатки, и в глаза смотрит, только что не рычит. А мальчишке много ли надо? Тьфу.

Сенсей вскинулся, привстав на месте и вмиг растеряв все свою хваленую сдержанность.

– Этого не может быть! У него ген спит, ему до инициации еще лет пять!..

– А я говорил вам, барышня, не надо брать в школу эту Морену! – Твердохлебов погрозил Феличе корявым пальцем. – Нарушение традиций никогда до добра не доводит!

Феличе едва удержалась, чтобы не сделать столь любимый ее учениками фейспалм. Твердохлебов и традиции – вечная тема. Сколько была в Петербурге школа, столько он и твердил о традициях. Каждый раз, когда что-то менялось. И каждый раз все было не к добру. Ворона кладбищенская, а не леший.

– И ты молчал? Надо было мне сказать, сразу, а ты!.. – возмутился Сенсей.

Леший возмутился в ответ, и оба принялись выяснять, мог ли спонтанно инициироваться и сразу запечатлеть себе хозяйку мальчишка с латентным геном оборотня, как именно мог, почему Сенсей это не рассмотрел и к чему это все приведет.

В препирательство между закадычными друзьями Феличе не встревала. И в том, что запечатление и инициация случились, не сомневалась. Это как раз отлично объясняло, почему Эрик так легко и быстро оставил своего лидера и перешел в компанию Дона. И почему в этой компании он все время держится рядом с дочерью мсье Жана. На самом деле хорошо, что Эрик инициирован. Девочке нужен хороший защитник, а в этом деле оборотни бесподобны.

Хотя против мусорщиков, если они решили добраться до Дона или Виолы, одного мальчишки-оборотня, еще толком не знающего своей сути и своей силы, слишком мало.

Она нахмурилась и тихонько постучала пальцем по столу.

Сенсей с Твердохлебовым оборвали дебаты и уставились на нее. Остальные – люди и нелюди в равных пропорциях – тоже. В конце концов, кто бы ни был директором школы, старшинства это не меняло.

– Время, господа, – ровно сказала она, на этот раз не поднимаясь с места. – Через полчаса явятся командиры боевиков, пора принимать

решение. Итак, первое. Инициация Эрика уже произошла, других не будет, я за этим прослежу. Обучением Эрика займется Сенсей, но это несколько позже.

Сенсей кивнул: в отличие от господ педагогов, он-то видел афишу Дунаева и знает, что это значит.

– Второе, господа, это безопасность детей, – продолжила она. – Посвящение мы проведем в ближайшую пятницу, как раз будет полнолуние...

– Нет! Это опасно!.. – прервал ее Твердохлебов. – Собрать всех меньше чем за неделю невозможно, в болотах сейчас...

– Хватит, – оборвала его Феличе. – Я уже поняла, что собрать всех будет трудно, что кикиморы в гоне, у русалок профсоюз, а одному старому пню пора на пенсию. Если ты не можешь построить своих подопечных, может, попросим мсье Жана взять Петербург под свою руку?

Все резко замолкли и побледнели – не приведи Господь, старый прохвост услышит и примет как руководство к действию.

Правильно, пусть начинают думать и бояться. Иногда страх полезнее ругани.

Однако леший не поддался. Что с него взять, деревяшка. Гневно заскрипел, готовый отстаивать свое право на владение исконными болотами, даром что на них уже три сотни лет как вырос город.

– Ты не понимаешь!..

– Это ты не понимаешь, монсеньор Мишель, – еще тише, чем Феличе, сказал Сенсей. Таким голосом он говорил очень редко, зато если говорил – все как-то сразу вспоминали, что Жеводанский Зверь держал в страхе целую провинцию не потому, что был милой и покладистой собачкой. – Детей нужно защитить. Мусорщики не нарушили писаного закона, до Посвящения дети – просто человеческие дети, что бы вы по этому поводу ни говорили. Посвящение будет в эту пятницу. Если монсеньор Мишель не способен организовать его, придется этим заняться мне.

Леший набычился и стал покрываться корой – признак злости. Шутка природы, однако. Дружит с Сенсеем, будто в одном лесу родились, но французов и французскую речь терпеть не может. Видимо, Наполеон ему на любимую мозоль наступил. Хотя вроде до Петербурга и не дошел... Не суть.

– С дрызгами и рычанием, господа, попрошу на задний двор после совещания, – оборвала новый виток скандала Феличе. – У нас есть более серьезные проблемы, чем забастовка мавок. Через две недели в Петербурге будет не продохнуть от высших.

Замерли все, даже упрямый леший.

– Вот только вас и не хватало, – пробурчал Б. К. Дорф.

Его привычная маска добродушного профессора треснула, обнажив сущность охотника. Еще одна жертва насмешливой судьбы: защищая отчизну от нежити, сам не заметил, как нежитью стал.

– Нас? – подняла бровь Феличе.

– Не смею сетовать на недостаток вашего присутствия, мадемуазель Феличе, – церемонно-насмешливо поклонился Дорф. – Не изволите ли посвятить в суть проблемы?

– Феличе, объясни, – попросила Эльвира.

– Через две недели в Мариинке дает концерт Даниил Дунаев. Вам надо объяснять, что на этот концерт соберутся все высшие?

– И всего-то, – разочарованно пожал плечами Интригал. – Подумаешь, очередное юное дарование концерт дает. Да этих концертов у нас без счета, с чего вдруг проблема?

Феличе очень захотелось настучать по шибко умной рыжей голове. Вот же... одно слово – греmlin! Но остальные, за исключением Сенсея, смотрели на нее с тем же недоумением.

– Даниил Дунаев потерял душу пятнадцать лет назад, – сухо бросила Феличе. – Вы, дорогие коллеги, наверняка видели его в городе. В образе Прогонини.

И с тайным злорадством полюбовалась на совершенно одинаково вытарашенные глаза присутствующих.

Первой, как и положено по должности, пришла в себя Эльвира.

– Но ведь вамп... то есть вы... – Эльвира запнулась, не решаясь при Феличе произнести идиотское название. – Тогда он не способен творить? Вообще ничего, разве не так?! Да и потом, помню я, как Прогонини... гм... играл. Это же не игра была, это же ужас!

Твердохлебов озадаченно поскреб затылок.

– Все верно. – Феличе кивнула и кинула насмешливый взгляд на историка. – Такие, как *мы* с господином Б. К. Дорфом, не способны творить. Если же Дунаев собирается дать концерт – значит, кто-то или что-то вернуло ему душу. И высшие... пожалуй, и мусорщики тоже,

постараются выяснить, как это произошло. И выяснять они будут – здесь.

– Ты тоже собираешься это выяснить? – Эльвира испытующе посмотрела ей в глаза.

– Разумеется. Возможно, я успею первой. А возможно, и нет. Понятия не имею, чем стал Дунаев.

Феличе дернула плечом и перевела взгляд за окно. Там, за окном, мерещился московский сентябрь, афиши с выразительным профилем, букет фиалок на библиотечной стойке...

Потом. Воспоминания – потом.

– Бойцы уже ждут, – закончил совещание Сенсей. – Господа педагоги могут быть свободны.

Раздавать инструкции бойцам, обсуждать подготовку к Посвящению и вправлять мозги Косте Десантуре остались Сенсей, Б. К. Дорф и Твердохлебов.

– Вечером у меня, – шепнула Феличе Сенсею, прежде чем покинуть директорский кабинет.

Глава 11, в которой юная девушка убеждается, что гулять по ночам в одиночестве – не самое романтичное занятие

Бал, бал, бал —
Штраус играет вальс!
Бал, бал, бал —
Ждут, королева,
Вас! Бал, бал, бал —
Морок, затмение...
О, королева, Вам —
Преображение![\[40\]](#)

Какой странный вальс, подумала Виола. С кем же я танцую и где? Словно в ответ на ее мысли вспыхнули свечи: осветили актовый зал школы, недавно покрашенные красные доски сцены, тяжелый занавес, глянцево поблескивающий рояль...

С кем я танцую?!

...и сумасшедше яркие глаза напротив, восторженные глаза герцога Орсино.

Эти глаза манили, притягивали и обещали самое прекрасное на свете безумство – вместе, и этот вальс, и все что угодно – вместе!..

Виола шагнула к нему, ближе, еще ближе...

И проснулась.

Разом, словно фильм оборвался.

Несколько мгновений она не открывала глаз, пытаясь вернуться обратно в сон, так там было тепло и хорошо. Но сон не возвращался, а рядом... рядом что-то мешало. Горячее, большое, оно привалилось сзади и сопело.

Наверняка опять Рауль влез на постель и притворяется плюшевой игрушкой. Бесстыдник!

– Рауль, фу на тебя, – не открывая глаз, буркнула она и пихнула теплое-большое-сопящее локтем.

Сзади заворочалось, вздохнуло и что-то пробормотало. По-русски. И голос был совсем не Рауля.

Виола распахнула глаза.

И замерла, прилипнув взглядом к тому, кто спал рядом.

Это был он. Орсино из сна.

Дон.

Закрытые глаза, полукружья темных ресниц. Едва заметная улыбка. Растрепанные пряди на подушке. Из-под пледа видно голое смуглое плечо.

И его рука у нее на животе. Обнял во сне? И прижал так...

Кровь прилила к щекам. Можно... можно его тоже потрогать? Пока спит?

Осторожно, чтоб не разбудить, Виола провела пальцем по щеке. Укололась о щетину – но больно не было. Даже неприятно не было, наоборот. Ему идет вот так, немного небритым. И зачем он вообще бреется?

А если поцеловать...

И тут позади нее опять завозились и забормотали.

Теплое и уютное наваждение схлынуло, сменившись рассветной зябкой ясностью.

Она села и медленно обернулась. Нарочно медленно, надеясь, что морок растает. Или за спиной все-таки окажется Рауль. Или вчерашний черный пес. Или...

Ариец. Ну да, Ариец. Льяные волосы, рот приоткрыт. Смешно посапывает, шевелит во сне носом, ну в точности как щенок.

И голый. Ну, насколько видно.

Мать их, они голые!

Неужели... неужели что-то... да нет, не может быть, если б что-то было – она бы запомнила? или нет? Может, они вчера просто напились?!

Господи, ужас какой, а стыдно! Как ей утром на них смотреть?!

Как она оказалась на улице – Виола не помнила. От шока, наверное.

От того же шока даже не сразу поняла, что стоит посреди проезжей части. Только когда ее матерно обибикала какая-то машина, а

потом и обдала фонтаном холодной питерской грязи... Точно, вечером был дождь!

А она тут, как дура, в одной пижаме и домашних тапках. Холодно как!

Она обняла себя за плечи, глянула на серое, едва засветлевшее небо.

Вот зачем она вообще выскочила из дома? Нет чтобы парней растолкать! Растолкать и выгнать, и... ну и что, что стыдно! Зато было бы не холодно.

Дура, как есть дура.

Надо домой. Обидно же – воскресенье, а она простудится.

Уши снова загорелись, несмотря на холод. Вспомнила, кого и в каком виде оставила дома. Ладно Ариец, пусть думает что хочет. Но Дон...

Очень захотелось зажмуриться, а потом открыть глаза и понять, что все это ей приснилось. Но не вышло. Еще одна машина сердито загудела клаксоном и обдала ее фонтаном брызг из той же лужи.

Виола отскочила на тротуар, поглядела вслед негодяю...

И чуть не села, где стояла.

По прямой, мощенной булыжником питерской улице удалялся антикварный «Роллс-Ройс», или что там еще было такое шикарное, все изогнутое и местами раззолоченное.

А фонари горели газовые. Вот только что были электрические, она точно помнила. Круглые, на чугунных столбах, но электрические. А эти...

Боже, где я?!

Она огляделась.

Вокруг был Петербург. Определенно Петербург. Только какой-то не такой. Дома вроде те же, четырех-пятиэтажные, старые... э... новые? И вывески вроде новые, но с ятями, и не поймешь... наверное, она попала на недавно отреставрированную улицу... понять бы еще какую! И как отсюда добраться до дома!

Кажется, надо пойти назад.

Виола обернулась. С сомнением посмотрела на узкий переулочек, из которого вышла. Наверное. Потому что больше ж неоткуда!

В переулочке было темно – фонари там не горели. И как-то совсем неуютно.

Она все же шагнула к переулку, но к горлу тут же подкатила горькая тошнота и ужасно захотелось побежать туда, где светло. Или хоть телефоном посветить. Только телефона в кармане пижамы нет... Нет? Точно?

Она на всякий случай проверила, проведя ладонью по бедру. Тьфу ты, что за дурь, откуда карманы в пижаме!

И задрожала.

Мокро, холодно. Страшно. То есть немного совсем страшно! Надо скорее домой! А то ангина гарантирована!

Она заставила себя сделать еще шаг к переулку. Там же не может быть ничего страшного. Никого. Маньяки по утрам не ходят, только дворники. А ей надо домой, скорее, тут же совсем недалеко!..

Там, в переулке, что-то пошевелилось.

Кошка, наверное?..

Виола даже не смогла додумать про кошку – тело само развернулось и побежало прочь, от страшного, опасного, от того, кто смотрит и догоняет, и хочет ее убить... нет, даже не убить, сделать что-то еще хуже!..

Она неслась вдоль странной улицы, освещенной газом, не глядя по сторонам. Ее преследователь не отставал – его шаги отдавались гулким эхом то сзади, то сбоку, то со всех сторон сразу...

Она остановилась резко, вмиг. До того, как успела понять – еще шаг, и она упадет. Вот в эту дыру в мостовой, рваную, глубокую, невесть откуда взявшуюся.

С опаленными и вывернутыми краями. С торчащими металлическими обломками. И, кажется, там внутри была человеческая рука.

Виола попятилась.

Заставила себя оторвать взгляд от дыры, поднять на дом рядом...

И чуть не заорала от ужаса.

Дом глядел на нее пустыми глазницами выбитых окон, щерился разломом в стене. И соседний. И следующий. И...

Господи, где я? Зачем? Почему?..

Словно ответом на этот вопрос прямо над головой высоко и страшно завывло, и кто-то закричал – жалобно, непонятно.

Виола все же зажмурилась. Она точно знала – этого не может быть на самом деле. Сейчас она проснется. Дома. В своей теплой

постели. И все будет хорошо.

– Вы потерялись, *mia bella*?^[41] – раздался вкрадчивый голос.

Мужской.

Знакомый.

Виола открыла глаза.

Ужасные разрушенные дома никуда не делись. Дыра в мостовой... нет, дыры – их было много – тоже. А к ней шел незнакомец в светлом костюме, идеально причесанный и выбритый... в совершенно неуместных здесь, в этой разрухе, роскошных замшевых туфлях без единой пылинки... Он смотрел на нее мягко и сочувственно и протягивал ей руку.

«Наконец-то! Хоть кто-то живой, хоть кто-то выведет меня отсюда!» – и даже шагнула навстречу.

И тут он улыбнулся.

Именно тогда Виола его и узнала – по улыбке как у голодной щуки.

– Нет, я не потерялась, – твердо сказала она. Ну, то есть почти твердо, а что голос задрожал и сел – так это же не от страха, а от холода. Конечно, от холода – в пижаме-то под дождь!

И почти тут же что-то толкнуло под руку. Что-то, пахнущее собакой, большое, шерстяное и такое теплое, что даже голос дрожать перестал. Ну, почти перестал.

– Не подходи ко мне.

– Не бойтесь, мадонна, я помогу вам...

Ага, как в прошлый раз? Нет уж, спасибо! Виола с трудом отвела взгляд от его мертвых глаз и этой жуткой рыбьей улыбки, сжала пальцы на мохнатом песьем загривке и одними губами скомандовала:

– Фас.

Пес словно только команды и ждал. Дернулся вперед, зарычал – и незнакомец отшатнулся, выругался и стал растворяться в тумане, пока не растворился совсем. Пес пролаял ему вслед что-то презрительное, повернул морду и лизнул Виолу в ладонь.

Заглянул в глаза, почудилось – вопросительно. Мол, что ты тут делаешь, совсем одна?

– Заблудилась я, – призналась Виола и почесала псу морду. – Может, ты знаешь, как отсюда выбраться?

Дурость, конечно, пса об этом спрашивать, а если больше некого?

Пес повернул морду набок, высунул язык и лукаво прищурил глаза. Встряхнулся, как после дождя. И потрусил вперед, поминутно оглядываясь. Мол, так уж и быть, провожу тебя, горе ты луковое.

Виола пошла следом. По той же улице, только мостовая была без дыр. Но и без асфальта. Снова под ногами были булыжники, а фонари не горели вовсе. И дома, кажется, были местами двухэтажные, и некоторых не хватало.

Впереди запахло рекой. Нева! Пес вывел ее к Неве, от реки-то она точно доберется до дому!

Она так обрадовалась, что совершенно забыла о мостовой и тапках.

Резкая боль прошла левую щиколотку, нога подломилась.

Все вокруг внезапно обрело невероятную ясность, а надежда на то, что ей снится сон, – истаяла, как рассветный туман. Петербургский холод, особняки, стук копыт по мостовой, полосатая будка жандарма – все это существовало на самом деле, здесь и сейчас. И она сама тоже. Здесь и сейчас.

Как? Неважно. Почему? Тоже. Главное – добраться до дома наконец.

Пес помог ей не упасть, укоризненно глянул и лизнул ногу – мокрым горячим языком. И подставил холку, чтобы можно было опираться. Хороший пес. Добрый. Вот дойдет Виола до дому и кольцо колбасы ему подарит.

Где-то рядом каркнула спросонья ворона. Хлопнуло окно. Вдали, над Невой, раздался гудок – то ли заводской, то ли пароходный.

Она сделала шаг, другой. Нога болела, но наступать было можно. И тапочек не потерялся. Хоть от холода и сырости не защищает, но все лучше, чем босиком по камням.

Пока шла до Невы, почти не смотрела по сторонам. Отмечала только, что пейзаж неуловимо меняется. словно сквозь старинную гравюру проступает современная фотография. Вот и вывеска с ятями уже не писанная маслом, а стеклянная с подсветкой. И в витрине ресторанчика не только пустой по рассветному времени столик со свежими цветами, но и забытый уборщицей пылесос. И свет фонарей – ярче, оранжевей. И откуда-то из домов слышится привычная мелодия будильника, и хлопает дверца автомобиля...

И по улице проезжает такая знакомая и родная оранжевая поливальная машина.

Поливальная машина обогнала их с псом и замедлила ход, включила щетки. Под ее бодрый шум Виола и вышла на набережную.

Нормальную, современную, совершенно пустую Университетскую набережную. Вон Адмиралтейство на другом берегу Невы, справа собор...

Словно в ответ ее мыслям ударил колокол, и звон поплыл над темной водой. А звону отозвался плеск.

Громкий, ритмичный. Неправильный. Река так не плещет. Только если весла...

Весла? Рыбак на рассветной Неве? Чушь какая, не может тут быть рыбака...

Виола покрепче сжала песий загривок и, почти забыв про больную ногу, подошла к самому парапету, перегнулась – взглянуть. И ахнула.

Совсем близко к парапету плыла гондола. Самая настоящая венецианская гондола, только не современная, а старинная, как на картинах. И гондольер был – как на картине, в старинной одежде, будто случайно заплыл с венецианского карнавала. На мысль о карнавале наводила не только одежда, но и маска: самая настоящая баута.

Захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы убедиться – это все сон. Ладно разрушенные дома. Мало ли что могло в темноте померещиться, даже этот... с рыбьими глазами... тоже наверняка просто показался.

Но гондольер-то явно был реальным! Таким же реальным, как асфальт под ногами, как звук шин за спиной и туристический лайнер у причала на той стороне Невы.

Мимо Виолы прошуршали шаги. Легкие, игривые и абсолютно тут неуместные.

Она обернулась.

Позади по-прежнему расстиралось пустое шоссе, если не считать первых машин, летящих куда-то по своим утренним надобностям. Четырехрядное. На километр в обе стороны.

Теперь шаги слышались от реки.

Виола обернулась снова. И увидела ее – Коломбину! Ослепительно-яркая Коломбина в украшенной хрусталем и синими

перьями полумаске шла вниз по лестнице, к самой воде. Вот чуть повернула голову, подмигнула Виоле, приложила палец к губам – к явно накрашенным губам.

Уф. Не галлюцинация. С чего бы галлюцинации красить губы? И не сон: во сне не бывает настолько холодно и не болит подвернутая щиколотка. И чихать не хочется.

Наверное, местные ролевики развлекаются с утра пораньше, пока некому их обсмеять.

И ладно. Просит Коломбина не приставать – не будем приставать. Домой надо. Срочно!..

Подумала – и осталась на месте. Любопытство, как известно, не порок. Холодно, конечно, до стука зубов, но простуда Виоле и так уже обеспечена, а когда еще такое увидишь?

Неудержимое воображение немедленно подсказало, что за серенаду будет петь этот гондольер: «А ты стоишь на берегу в синем платье...»

Неприменно голосом Трофима!

Коломбина тихонько, словно колокольчик прозвенел, рассмеялась. А гондольер в самом деле запел про синее платье голосом Трофима:

– И, распахнув свои шальные объяття, ласкает нас морской прибой-бой-бой... – И почему-то очень обиженно посмотрел на Виолу.

Черный пес рядом фыркнул и боднул ее головой: иди, не отвлекай людей.

Виола послушалась. В самом деле, нехорошо мешать. Да и холодно до ужаса, и в носу хлюпает, а в горле першит. Сейчас бы горячего молока с медом и корицей, как делает Франсуа! И булочек, мягких свежих булочек!

Она брела наперерез редким машинам, держась за холку черного пса, а перед глазами так и стояли эти булочки, и красный колпачок, и даже слышался сердито-укоризненный голос старого лютена:

– Как же так, мадемуазель Виола, в такую сырость – и в тапочках!..

Внезапно стало так зябко и жалко Франсуа, который за нее беспокоится, и булочки, без нее наверняка уже остывшие. Она хлюпнула носом... и едва не упала, натолкнувшись на что-то... на кого-то...

– О-ла-ла, мадемуазель, вы совсем замерзли! – сказали таким родным и знакомым голосом, а красный колпачок обиженно закачался прямо перед ее носом. – Что я скажу мессире Жану?!

«Франсуа! Я выбралась! Наконец-то!» – хотелось крикнуть ей, но от облегчения Виола разрыдалась, обняв старика и уткнувшись в его пахнущую ванилью и лавандой макушку.

А он поглаживал ее по спине, бормотал что-то утешительное, и пустая набережная вместе с далекой песней гондольера растворялась, таяла в теплом молочном тумане... и было так хорошо, тепло и спокойно, кто-то мохнатый и горячий сопел рядом, привалившись к ее боку...

Сначала сопел, а потом стал прыгать, и трясти ее за плечо, чего-то требовать и звать странным и неправильным именем...

– Киллер, да просыпайся ты! Киллер!..

Отступление внеочередное: соната для мизантропа с пирожными

Франческо ненавидел собак.

Первую собаку он убил, когда ему было семь: борзая сука цапнула его за руку, когда он взял посмотреть новорожденного щенка. Он приказал псарю забить ее палкой, а самого псаря – выпороть.

С тех пор он особенно берег руки – самое важное для музыканта! – и держался подальше от любых блохастых тварей – слишком тупы и зубасты. Те, что поумнее, отвечали взаимностью и заблаговременно прятались. А совсем тупые – рисковали подойти поближе и всегда за это платили.

Всегда.

Все, кроме этого проклятого пса!

Франческо бы с наслаждением утопил этого пса, если бы смог.

Но он не мог.

Бессилие Франческо ненавидел еще больше, чем собак, и особенно ненавидел его в последние полгода. С тех пор, как погибла его Виола, его судьба, его дыхание... с ней он был восхитительно живым, ее он любил, боготворил, ради нее готов был на все...

Но она умерла. Проклятый старый ящер, чья ложь погубила ее! Если бы Морена не врал, Виола не отдалась бы в чужие руки, и ему бы не пришлось разбить ее.

О, Виола...

Но ты обманула его, ты отомстила, ты вернешься ко мне, *mia bella!* Ты любишь меня, я знаю, я видел это в твоих глазах.

Сегодня. Только что. Я почти коснулся тебя!..

Франческо снова закрыл глаза, пытаюсь вернуться туда, где его жизнь и любовь бродила по закоулкам мертвого города, не в силах выбраться сама. Он должен ей помочь! Как он мог усомниться в ней? Ее любовь преодолела смерть, она воскресла, чтобы вернуться к нему, чтобы быть с ним, и им помешал какой-то грязный пес! Отшвырнул его, самого Франческо Канову, графа ди Милано, словно какого-то безродного попрошайку!

Проклятье!

Франческо вскочил с кресла, оттолкнул стеклянный столик – тот упал и рассыпался осколками – и с ненавистью оглядел всю эту жалкую, безвкусную халупу. Взгляд зацепился за собаку на картине – гнусная, бездарная мазня!

В пекло эту мерзость!

Подобрав один из осколков столика, он подошел к мазне и принялся ее вдумчиво резать: вдоль, поперек, снова вдоль...

На двенадцатом надрезе гнев ушел, оставив после себя привычную пустоту.

Прислушавшись к себе и не услышав ровным счетом ничего, Франческо растянул губы в улыбке. Надо чаще тренироваться, а то сегодня синьорита Виола, похоже, испугалась. Глупышка. Она пока просто не поняла, что он не сердится на нее. Что он счастлив ее возвращению. Ей он простит все что угодно, даже любовь к собакам. Даже сам ей подарит щенка, лишь бы она была рядом!

Будет. Совсем скоро. А Морена – старый, выживший из ума летучий пень, если надеялся ее спрятать.

Аккуратно сняв раму с лоскутьями мазни со стены, Франческо вышел в гостиную: там, в массивном бархатном кресле, восседал Луи, улыбался и дирижировал невидимым оркестром.

Ужасно дирижировал. С такими руками не то что оркестр, шарманка играть не будет.

Нарочито громко протопав по навощенному паркету, Франческо остановился прямо между Луи и панорамным окном с видом на Гудзонский залив и уронил раму на пол.

Руки Луи замерли. Он скользнул затуманенными глазами по Франческо, по искромсанной картине. Брюзгливо дернул нижней губой.

– Это была дорогая картина, друг мой. Бессмысленное варварство. Не отвлекай меня!

Он снова закрыл глаза и продолжил дирижировать.

Франческо даже стало интересно, что он там такое услышал – слишком уж был похож на обожравшегося сливок мопса, разве что не похрюкивал от удовольствия.

– Дорогая – не значит хорошая. Если у тебя нет вкуса, друг мой, советуйся с экспертами.

Вместо ответа Луи снова дернул губой, и не думая отвлекаться от одному ему слышной музыки. Франческо даже на миг задумался, а не позволить ли ему дослушать, но отогнал мысль, как недостойную. Он не собирался сдаваться дурацкой моде на панибратство с простолюдинами. Немыслимое унижение – считать их равными себе! Даже по Луи, лучшему из них, видно: из мещанина аристократа сделать нельзя. Ни деньгами, ни дрессировкой, ничем! За столько лет так и не научился хотя бы одеваться, хоть у него перед глазами пример безупречного вкуса и стиля.

Франческо с сожалением оглядел Луи, от домашних туфель с золотой вышивкой и китайского шелкового халата до спрятанных умелым куафером залысин на тяжелой, слишком крупной для тела голове.

Безнадежно.

Его обслуживает штат стилистов, визажистов и прочих лакеев, но он умудряется выглядеть так, словно полчаса назад его привели из ночлежки и едва успели отмыть и одеть.

И пентхаус выглядит так же. Здесь работали самые дорогие дизайнеры, но стоило Луи обжиться, и на стенах появились собачки, на диванах – подушечки и посреди гостиной это монструозное кресло.

Алое.

Бархатное.

Верх пошлости!

И это – лучший... гений... Господи, как прекрасна была его музыка и на что похож он сам?!

– Вставай, Луи. Мы отправляемся в Европу. Немедленно.

Луи с явной неохотой открыл глаза. Вздохнул.

– Лунная соната. Я так давно не слышал, чтобы ее играли так!..

Франческо пожал плечами:

– Ее все время играют. Наслаждайся.

Луи против ожидания не скривился, как всякий раз при упоминании о сбывшихся мечтах. Он хотел слышать? Он слышит. Он хотел, чтобы его музыка звучала в каждом доме? Она звучит. В каждом десятом телефоне звонок с его мелодиями. В каждом сотом рекламном клипе – его симфонии и сонаты. В каждой музыкальной школе – «К Элизе», «Сурок»... Ну и кто ему виноват, что он слышит их все? Сам хотел – сам получил.

– Я не поплыву в Европу. У меня дела здесь, – с тем же умиротворенным выражением отмахнулся Луи.

Франческо рассмеялся.

– Ты полетишь, друг мой. Со мной. Заказывай билеты.

Услышав про полет, Луи скривился. Сморщил лоб, пожевал губами, будто подбирал ответ на вкус. Но сказать ничего не успел: в дверь постучали, и тут же вошла горничная. Кукольные глазки, кукольные ножки, кукольное розово-золотое платье. Кукольное восхищение хозяином.

Увидела Франческо, замерла.

– Мистер Ван, вы велели... – пропищала кукольным голосочком.

– Ну-ка, ну-ка, что там велел наш великий продюсер Ван... почему не Оби Ван, кстати? – усмехнулся Франческо, подманивая горничную.

Луи фыркнул. Ему все еще не давало покоя, что Франческо не оценил его недавнюю шутку: свою карьеру великого американского продюсера Луи начинал под именем Людвиг ван Хельсинга. Лет сорок назад имя пришлось сменить, но от своего псевдодворянского «ван» Луи отказаться так и не смог.

Горничная подошла, робко хлопая ресницами. На ее подносе совершенно не кукольного размера исходила паром чашка горячего шоколада и красовались обязательные пирожные в розовой глазури. А рядом с блюдом лежали два конверта парадно-официального вида.

Шоколад и пирожные Франческо проигнорировал – в отличие от Луи, он не притворялся человеком и не тратил времени на низменные привычки вроде еды. А вот конверты взял.

Отправителем значился Даниил Дунаев, Санкт-Петербург, Россия.

Петербург и Дунаев? Крайне любопытно. Особенно после сегодняшней встречи с Виолой. Франческо мог бы и не узнать город, по которому она бродила, но не узнать его хозяина было совершенно невозможно, пусть он хоть сто раз прикидывается псом.

Он вскрыл оба конверта, пока Луи пил свой шоколад, щедро сдобренный талантом повара и обожанием горничной. Достал совершенно одинаковые картонные прямоугольники: билеты на концерт фортепианной музыки в Мариинском театре. Среди композиторов значился Людвиг ван Бетховен, исполнял – Даниил Дунаев.

– Как думаешь, чудо господне или мистификация? – спросил, бросив одну из картонок на стол перед Луи.

Тот отставил чашку. Вытер запачканные липкой глазурью пальцы, поднес билет к глазам... На секунду его лицо просияло – и незначительной мелочью показались и пошлые картины на стенах, и безвкусный халат, и чудовищное кресло.

– Дунаев, – протянул он, раскатал на языке, как глоток хорошего вина. Медленно кивнул. – Да. Несомненно чудо. Моя соната... Он репетирует, Франческо. Я слышу его.

– Билеты, Луи. На самый большой и самый полный людей лайнер. Нам придется лететь.

Луи склонил голову набок, прищурился.

– Ты никогда не интересовался пианистами. Есть что-то еще. Ты же не будешь утаивать это от своего старого друга?

Франческо щелкнул пальцами, приказывая горничной подвинуть кресло. Опустился в него, не выпуская приглашения из рук. Даже поднес его к носу – глупая привычка, но так ему было удобнее слушать. Или нюхать. Неважно, все равно это ощущение не было похоже ни на одно человеческое.

Приглашение не пахло ни человеком, ни вампиром, а пахло чем-то абсолютно незнакомым и непонятным. Что ж, если чудо господне и воскресшая Виола в одном городе и в одно время – совпадение, он готов съесть свою шляпу.

– Моя Виола, Луи. Где-то в этом городе моя Виола, и я лечу за ней.

– Твоя... гитара? Ты ведь разбил ее, – напомнил Луи, помедлив.

Франческо, поморщившись, кивнул.

– Разбил, но не уничтожил. Она стала прекрасной девушкой, я видел ее сегодня.

Луи снова пожевал губами. Уже не брезгливо, сосредоточенно. Что ж, думать он всегда умел, глупо этого не признавать, вот только о чем сейчас думать?

– Допустим, ты прав. Кто знает, что Бенвенуто мог вложить в эту гитару, – в конце концов, он был безумцем! Допустим, теперь она человек. Но зачем тебе человек, Франческо? Она не будет петь в твоих руках!

– Глупый вопрос, Луи. Она будет петь в моих руках! И не только петь, мы найдем чем заняться. Морена, старый ящер, держал ее в замке, а я подарю ей весь мир! Я сделаю ее своей королевой! Луи, ты не понимаешь – я снова буду живым, я буду творить...

Луи развел руками.

– Надеюсь, ты не ошибаешься.

И залпом допил остаток изрядно остывшего шоколада.

– Хватит каркать, Луи! – Франческо улыбнулся старому другу: надо чаще улыбаться, девушки это любят. – Все к лучшему в этом лучшем из миров!

– А кто не согласен, тот труп, – пробурчал Луи, но Франческо его уже не слушал: он представлял, как повезет свою Виолу в Милан и покажет их город... и она будет играть для него, только для него одного, и смеяться, и любить его, и его сердце снова будет биться.

Он почти забыл, как это – когда сердце бьется.

Пора вспоминать.

Глава 12, в которой нежелательные скелеты засовываются в шкаф

Мокрое, чумазое, чихающее во сне, замотанное в пледы недоразумение никак не желало просыпаться. Дон с Арийцем уже вдвоем его трясли и чуть не орали – а что вы хотели? Засыпал нормальный Киллер, чистый, только из бани, довольный, здоровый. И на постели, между прочим. А это? Ужас в кульке из трех пледов, волосы мокрые, морда грязная, чихает – и не просыпается. В кресле.

Вот как?!

Гениальная мысль, как разбудить недоразумение, осенила Дона через минуту, не раньше.

– Ариец, ты умеешь варить кофе?

Белобрысый сначала недоуменно кивнул, а потом просиял. До него тоже дошло. Способ, конечно, романтично-рекламный, но действенный. Почти как нашатырь.

На запах кофе проснулись Ришелье со своим верным гвардейцем. Зевая, вылезли сначала на кухню, а потом в спальню – смотреть на чудо в пледах. С кухни вылезали, разумеется, с уже надкусанными пирожками приготовления Франца Карловича. Их с вечера остался мешок, не меньше.

Ришелье даже интересу ради проверил, что там, под пледами, – и обнаружил грязные, словно Киллер босиком по лужам ходил, ноги и край голубой махровой пижамы, которой вчера стопроцентно не было! Кардинал многозначительно хмыкнул и тут же строго глянул на Витька:

– Не ржать.

Ариец как раз принес кофе с корицей и имбирем, черный, как деготь. Небось ложки три бухнул. Столовые. И меду полбочонка. И с кофе притащил целую тарелку пирожков.

Вот только когда этот кофе Дон поднес к самому Киллерову носу, тот и проснулся. Раскрыл сонные, опухшие и ничего не соображающие глаза, душераздирающе зевнул и попытался выпутаться из пледа.

Ничего у него не вышло, только запутался сильнее. Сердито дернул плечом и чихнул. И еще раз чихнул. И страшно удивленно воззрился на Дона:

– А почему?..

В его глазах была такая детская обида и недоумение, что Дон сам едва не заржал. Киллер в голубой пижамке, только плюшевого медведя не хватает.

Натуральная Виола, никакого грима не надо!

– Вот ты и расскажи почему, – подступил к нему Ришелье.

Судя по огоньку в глазах, монсеньор кардинал вознамерился устроить допрос и расследование. В общем, он был, конечно, прав: после вчерашнего убийства сегодняшнее ночное путешествие Киллера выглядело более чем странно.

Но только выглядело.

Дон был совершенно уверен: что бы этой ночью ни делал Киллер, к убийству Поца это не имело никакого отношения. Причин этой уверенности он не знал и задумываться о них не желал. По крайней мере сейчас.

– Что вы так на меня таращитесь? – спросил Киллер и снова чихнул.

Дон поморщился и знаком показал ребятам: исчезните. Киллер и обида настолько не стыковались между собой, что это выглядело даже опасным. И тем более интересным. Только тут надо аккуратно, не в лоб.

Ришелье пожал плечами, мол, раз справишься сам – не будем мешать. И подтолкнул Витьку обратно к кухне.

Ариец же знака не понял, а если понял – то проигнорировал. Присел возле Киллера, обеспокоенно заглянул в глаза, пощупал лоб.

Киллер фыркнул и отдернулся. Буркнул:

– Все со мной в порядке.

Немножко гнусаво буркнул. Насморк подхватил в своих ночных похождениях.

– Ариец, сделай еще горячего молока с медом, а? – попросил его Дон: и молока надо, и выпроводить. – Большую кружку.

Белобрысый недовольно вздохнул, но на кухню ушел. Молоко греть. Прямо вот передничек на него надеть – и выйдет настоящая мамаша-наседка.

– Ну что, помочь выбраться? – Дон протянул Киллеру руку.

Тот буркнул что-то согласное, не поднимая глаз, и с помощью Дона выпутался из пледов, уронив попутно плюшевого медведя. Нежно-лавандового цвета и размера кинг-сайз, то есть почти метр ростом.

Дон не рассмеялся лишь героическим усилием воли. Не столько медведю, сколько обалделому виду Киллера.

Тот поднял медведя с пола, сделав бровки домиком, и растерянно спросил:

– Откуда? Я ж его дома оставил... – отбросил медведя на кровать, перевел взгляд на собственную голубую махровую пижаму, потом на Дона, потом обратно на пижаму... и покраснел. Медленно, от подбородка до самых ушей. Сглотнул. Отчаянно глянул Дону в глаза. – И не смей надо мной ржать, понял?!

Вместо ответа Дон протянул ему пирожок. И отвлечь надо, и рот открывать необязательно. А то вот так попробуешь что-то сказать, и как заржешь на всю Ивановскую!

Нет-нет-нет. Только не смеяться. Обидится же насмерть.

Или в глаз даст. Точно даст. Вон, изготовился уже: набычился, кулаки сжал, смотрит исподлобья и сопит.

А с кухни, между прочим, уже горячим молоком потянуло на всю квартиру. Еще минута – и явится Ариец!

Пришлось подхватить с кресла один из пледов и набросить на Киллера.

– Иди-ка ты в горячий душ. И молока с медом я тебе принесу. Ну? Топай, Киллер!

Подтолкнул в спину и сам себя почувствовал натуральной насадкой. Еще б только на ручки взять и в ванну отнести.

Как Виолу. С медведем и бантиком. И с пирожком в зубах.

Киллер послушно побрел в ванную, что-то бурча с набитым ртом, а Дон подобрал с кровати сиреневого медведя и сунул в какой-то шкаф, уже почти готовый увидеть там платице с оборочками и корзинку с котятками. Но вместо котят из шкафа вывалился совершенно нормальный мотоциклетный шлем, раскрашенный под тыкву. Фосфоресцирующий.

А что, отличное развлечение на Хеллоуин! Спереть, что ли, идею...

Этот шлем увидел вошедший Ариец, одобрительно хмыкнул и тут же спросил:

– А где?..

– В ванне. Давай молоко, отнесу ему.

Вместо того чтобы отдать молоко и еще одну миску с пирожками, Ариец радостно кивнул и принялся озираться, где тут ванная. Нашел – подсказала пошлейшая кованая финтифлюшка на двери: прижавший уши и растопыривший глаза кот под душем.

Наблюдать, как наседка-Ариец пестует Киллера, Дон не стал. Взял так и не выпитый Киллером кофе и пошел на кухню, а то мешок пирожков рядом с тремя голодными парнями имеет свойство быстро заканчиваться. И вообще оказаться не мешком, а так, горсточкой на один зуб.

По счастью, мешок оказался большим, и кроме пирожков добрый дедушка припас голодным деткам еще и восхитительно пахнущие ватрушки с айвой. Дон никогда раньше таких не пробовал, а теперь влюбился сразу и на всю жизнь. Такие ватрушки!..

Не он один их распробовал. Ришелье со своим верным гвардейцем уже уплели штуки по три, и Ариец успел ухватить, и Дон съел парочку. Осталось всего две – болящему Киллеру.

Который уже жизнерадостно ржал в ванной на пару с Арийцем.

Дон даже взревновал малость. Что это, ржать – и без него? От ревности чуть не слопал предпоследнюю ватрушку, но вовремя отдернул руку. Друга обижать нельзя.

Мокрый, согревшийся и уже не чихающий Киллер, а вместе с ним такой же покрасневшийся от пара и смеха Ариец выбрались из ванной, когда кофе был выпит, пирожки съедены, а план на сегодня составлен. Элементарный план: Ришелье ведет своего гвардейца и Арийца на тренировку к Сенсею, Дон остается с Киллером. Лечить, рисовать, спрашивать. Все же это его ночное путешествие – ужасно странная штука.

Арийца тут же обрадовали, что он идет со старшим товарищем на тренировку. В самом деле обрадовали. Белобрысый так просиял, словно всю жизнь мечтал заниматься всякими нетрадиционными боевыми искусствами. Правда, когда ему сказали, что идут они втроем, без Дона и Киллера, несколько погас и порывался если не остаться, то хоть зайти вечером, проверить, как они тут.

На «зайти вечером» Дон милостиво согласился, но велел сначала позвонить. Ариец недоуменно на него глянул, мол, зачем? Но Кир пихнул его в бок.

– Шеф сказал «надо», значит, надо. А то завалимся посреди оргии, неловко выйдет, – и покосился с нескрываемой тоской на последнюю ватрушку, исчезающую во рту Киллера.

Дон, Ариец и Витек жизнерадостно заржали, явно представив себе одну и ту же картину: сидят тут такие на кровати, уплетают с обеих рук пирожки с ватрушками, от жадности обсыпаясь крошками, и вваливаются голодные приятели. Двое обжор быстро пихают оставшиеся пирожки под одеяло и делают невинные глазки: мол, ватрушки? Какие такие ватрушки?

А вот Киллер почему-то не засмеялся. Наоборот, сердито зыркнул на Кира, дернул плечом и отвернулся к мойке, вроде как убрать посуду. Хорошо хоть не засопел и не полез в драку.

Что-то у него сегодня с чувством юмора не того. Никак сиреневый медведь виноват.

Вспомнив про медведя, Дон заржал еще сильнее – и устыдился. Ну вот в самом деле, может, Киллеру важно, чтобы этого медведя никто не видел? У каждого есть свои маленькие тайны, а тут... а тут целый медведь!.. Ы-ы-ы!..

Дон с трудом заставил себя перестать ржать, только когда до него дошло, что еще немного – и Арман дю Плесси обольет его холодной водой. Вон уже за кувшин схватился.

– Это... Киллер... – позвал Дон в напряженную спину и вздохнул. – Не злись. У меня немножко отходняк после вчерашнего. Слышишь?

– Слышу, – буркнул Киллер, не оборачиваясь. Все еще обиженно. – Ладно, проехали. – И, подумав, добавил: – У меня тоже, наверное. Отходняк.

Дон мимолетно удивился: как так получилось, что пошутил Ришелье, а обижены на него? Прямо как девчонка. Виола с медведем, елки. Оставить его, что ли, с медведем наедине, пусть утешают друг друга? И тренировку не прогуливать...

– Господа, нам пора, – прервал натянутое молчание Ришелье. – Мне надо еще байк от школы забрать.

Господа Витек и Ариец согласно буркнули и быстро засобирались, Дон тоже потянулся к свитеру, со вчерашнего вечера валяющемуся на кухне. Почему на кухне, он не помнил – впрочем, почему его носки выудил из кармана своей куртки Ариец, тем более. Взял свитер, уже собрался его надеть и поймал косой взгляд Киллера. Тоскливый, обиженный взгляд.

Да елки же! Не угодишь на него, то отворачивается, то обижается, если уходишь.

– Киллер, а может?.. – начал было Ариец.

– Мы не идем, – оборвал его Дон, даже не успев понять, с чего это он разозлился.

Буркнул и только потом подумал: ну вот, теперь Киллер точно обидится навек, что за него все решили. От этой мысли стало пусто и неуютно.

Вот за каким лешим ляпнул? Вообще за каким лешим стал заморачиваться этим двинутым Киллером?! Вио-ола... вдохновение... кому оно все на фиг надо! Его вдохновение – его личное дело, и нечего сюда примешивать всякую шекспировскую чушь. А то еще немного, и он сам двинется мозгами, как герцог Орсино.

Нет уж. Никаких «двинулся». Он – дон Семьи, и не стоит об этом забывать. Быстренько собрал эмоции в кучку, сделал «ом» и улыбнулся! Так, чтобы все поняли – их король, надежда и опора, с ними. Все под контролем.

Ришелье украдкой показал ему большой палец, прежде чем свалить с парнями на тренировку. А Киллер, вместо того чтобы разозлиться, только кинул косой и какой-то неуверенно-беспомощный взгляд. Словно ждал – все же останется Дон или нет? И, похоже, обрадовался, что остался.

Дон облегченно выдохнул.

Иногда быть лидером – чертовски трудная задача. Но если не он, то кто? Букмекер Марат? Не смешите мои тапочки.

Глава 13, в которой выводится зависимость между глубиной проблемы и колючестью ежей

Проводив парней, Дон вернулся на кухню. Киллер сидел с ногами на диванчике, уткнувшись в свой кофе, наполовину разбавленный молоком, и выводил пальцем на столе загогулины. На Дона даже глаз не поднял, хотя ясно было по напрягшимся плечам: увидел.

Наверное, целую минуту Дон стоял в дверях, не зная что сказать. Все, что приходило на ум, было либо глупым, либо неуместным, либо то и другое сразу. Ну в самом деле, не рассказывать же Киллеру бородатый анекдот для разрядки атмосферы?!

После такой ночки, какая была у Киллера, с чувством юмора проблемы.

Вздыхнул, так ничего и не придумав, поставил чайник – весь кофе выпили, да и не хотелось больше кофе. Сел рядом с Киллером, обнял его за плечи.

Тот вздрогнул и едва заметно прижался, словно боялся, что его неправильно поймут.

– Не парься, Киллер. – Дон чуть сжал его плечо. – Ты же проснулся, значит, все в порядке.

Киллер буркнул что-то невнятно-согласное, не выражая желания поделиться впечатлениями о бурной ночи.

– Не хочешь рассказывать – не рассказывай. Но мне интересно... в смысле... ты мой друг, и мне важно все, что с тобой происходит. Ты это, прости, что я ржал. Мне тоже страшно, а когда страшно... ну, короче, помогает.

Киллер молча кивнул.

Даже не кивнул, а так, подбородком дернул, вверх-вниз. Согласие выразил. Вздыхнул, обхватил кружку ладонями.

– Это... ты тоже не обижайся, Дон, ладно? Я с этим сном... в общем... сам ничего не пойму. Снилось муть какая-то. – Отставил

кружку, потер лицо ладонями, словно пытался проснуться. – Что брожу по городу, вроде самый рассвет, но город какой-то не такой. Старинный. Вывески с ятями там были, это помню. И что лужи были, а над головой выли самолеты. Но я никуда не выходил, честно! Я что, совсем идиот – сейчас один ходить?

Под конец Киллер почти кричал, морщился и выглядел настолько несчастным, что Дон устыдился. Он бы, пожалуй, закрыл больную тему, но отлично помнил, как Филька расспрашивала его самого, заставляла вспоминать, говорить, ругаться и плакать – и все прошло. Ну, почти все. Иногда все же кошмары снились.

– Да ладно. Все мы иногда вроде и не идиоты... – Дон опять потянул Киллера к себе, обнял: тот дрожал, словно в мороз. – Я верю, что ты никуда не ходил. Ты бы сказал, если бы было очень нужно, я знаю.

Киллер благодарно вздохнул и немного расслабился. А Дон вытянул из-под Киллера свой свитер, так и забытый на диванчике, и сунул ему в руки.

– Надевай, сосулька.

Послушно надел. Натянул воротник по самый нос, спрятал руки в рукава. Привалился к Дону спиной.

– Спасибо. Дон, ты не думай, я бы правда сказал, если б... Но сон же! И пижаму эту я не ношу, она вообще непонятно как...

Судя по малиновому уху прямо перед Доновым носом, Киллер опять покраснел. И замолк, словно подавился.

– А у меня тоже медведь есть, – со вздохом признался Дон. – Зеленый. Я с ним сплю, чтобы дрянь всякая не снились, его Филька подарила. Только никому, ага?

Киллер аж обернулся, уставился во все глаза, моргнул и ужасно серьезно кивнул.

– Ага. – А потом фыркнул, спрятав нос в воротник свитера, и совсем тихо попросил: – Расскажи. Ты же знаешь, кто такая Филька? И почему – медведь?..

Первым желанием было отшутиться, но Дон его послал в сад. Доверие такое доверие... ну и ничего ж ужасного не случится, если Киллер узнает. Он же не пойдет трепаться направо и налево, как Марат. Вот Марату бы ни за что не рассказал. А Киллер – это ж совсем другое дело. Почти как Кир, его личный Ришелье...

– Вообще-то я не знаю, кто такая Филька. Она ничего не рассказывает, зато знает сорок три языка. И не меняется. Внешне не меняется, понимаешь?

Киллер оживился, заерзал:

– Интересно! А ты ее давно знаешь?

– Ага. Чуть не с рождения. А может, и с рождения. Она дружит с матерью, ну, насколько Филька может дружить. Раньше часто к нам заходила...

...пила с мамой чай, приносила маленькому Дону всякие интересные вещи: книги, старинные часы, заводного китайского болванчика, краски. Помнится, из-за красок они с мамой как-то поспорили. Мама ни за что не хотела, чтобы Дон рисовал или, боже упаси, играл – в театре, на рояле или в футбол, неважно. Мама хотела, чтобы Дон стал кем-то серьезным и солидным, а не «безмозглой и бестолковой богемой». Хотя Дону казалось, что его отец как раз был не серьезным и солидным, а самой что ни на есть богемой.

Фильке удалось убедить маму, что мальчик должен заниматься тем, чем ему хочется, только тогда из него выйдет что-то серьезное. Пусть даже не солидное.

Дону тогда хотелось только рисовать, читать, снова рисовать и снова читать. И немножко хотелось понять, почему мальчишки во дворе все время бегают вместе, орут, сшибают все на своем пути и совершенно не замечают его.

Почему не замечают, он начал догадываться, когда пошел в первый класс. Тогда они с мамой жили на Ваське, около кладбища, и Дон пошел в ближайшую школу. Почему-то в свою Филька не позвала, да Дон вообще не знал, что она там преподает. Ему тогда казалось, что Филька – продюсер, или режиссер, или редактор... в общем, кто-то очень важный и суровый.

С первого сентября перед Доном открылась совершенно иная жизнь. Его одноклассники не читали даже «Гарри Поттера», не говоря уж о Толкине или Дюма. Они вообще не умели читать! Зато им было весело вместе. Они дружили, играли в футбол и делали ужасно много всякого интересного. Вместе.

А Дон был один и дружить не умел.

Его научил Кот. Одноклассник, звали его Васей Полосатиковым, но он гордо представился первого же сентября:

– Кот. Держись меня – не пропадешь!

Дон держался. Целых два года. Почти два. На выданную мамой мелочь водил приятелей в кино – у Кота быстро образовалась своя команда, с которой точно не пропадешь. Лазил с ними через забор на кладбище, играл в войнушку, врал училке, тырил булочки в столовой...

На слабо тырил. Знал, что нельзя. Не хотел. Не видел смысла – булочку можно просто купить, а если украсть, буфетчица обидится, а она хорошая тетка, добрая. Но Кот фыркал и заявлял: слабо, маменькин сыночек! Остальные тоже фыркали и смеялись. А Дону очень хотелось доказать, что он не маменькин сыночек, что он может, что он храбрый и сильный.

Он и доказывал. Сначала булочки, потом драка с третьеклассниками из соседней школы. А под конец – это.

Дон замолчал, поймав себя на том, что теперь держит Киллера не потому, что тому холодно, а потому, что просто надо за кого-то держаться. Так проще вспоминать.

– Кот... – повторил за ним Киллер. – Он был похож на Поца?

– Нет. То есть да. То есть... ну... внешне не похож, он был рыжий и в веснушках, как Уизли. А замашки те же. Царь мусорной горы.

– Ты злишься.

– Злюсь. Но не на него, а на себя. Никто меня за язык не тянул...

Ну да. За язык не тянул, но Кот так обидно смеялся! Так обидно, что Дон готов был любым способом доказать, что он не боится. Что он не маменькин сынок!

Маленький был. Только маленький возраст – не помеха большой дури.

Про Кунсткамеру все знали, что это нехорошее место. Сложно не знать – туда только подойдешь, уже понимаешь: там живет ужас. Страшный, голодный, злой, беспощадный. Совсем не то, что на кладбище. Туда даже ночью можно ходить, если не полнолуние и на тебе крест. А в Кунсткамеру... Днем еще ладно. Хотя все равно – брр.

Но ночью – совсем другое дело. Полнолуние там, или новолуние, или вообще белая ночь, даже к самому зданию лучше не подходить. Если ты не самоубийца – нельзя.

Но он сказал Коту, что можно.

Он – не боится!

Он останется там на ночь. Один. Кот не может – а он может!

И остался. Очень хотелось сбежать, не заходить туда, но признаться Коту, что струсил, – это ж потом всю жизнь быть трусом, хомяком и маменькиным сыночком.

Нет, совершенно невозможно было отказаться!

У Кота там работала тетка. Уборщицей. И он стянул у нее ключ от кладовки, чтобы Дон мог спрятаться до ночи. Но только до ночи! Просидеть до утра в кладовке – не считается! А чтобы считалось, Кот оставил в одном из залов «секрет»: его надо было найти и принести Коту утром, как только откроется Кунсткамера.

– Что за секрет? – тихо спросил Киллер.

Дон поморщился, вспоминая тогдашнюю свою наивность.

– Мой дневник. Школьный.

– И ты нашел?

– Нашел. Только не помню как...

Сейчас, на Киллеровой кухне, это казалось не то сном, не то увиденным в кино ужасиком. Все эти уродливые головы, шипящие голоса, зубастые пасти.

Реальным был только единственный голос:

«Ты останешься со мной навсегда?»

«Да, малыш. Мы всегда будем вместе».

Когда Дон вспоминал этот голос, ему всегда становилось тепло и безопасно. Разумом он понимал, что где-то здесь непременно должен крыться подвох, но за все годы подвоха так и не нашел.

Хотя знал, что из Кунсткамеры вышел совсем другим человеком. Но это был все равно он, Дон. Не какой-то там Чужой. Просто... просто он повзрослел. Научился не бояться. И еще у него завелся ангел-хранитель. Он жил где-то в груди, грел, предупреждал об опасности и подсказывал – как ответить Коту, чтобы тот не смел больше насмехаться и вымогать деньги. Как объяснить маме, почему он вернулся домой только на следующий день.

Что ответить Феличе, когда она предложила маме перевести Дона в ее школу.

И еще иногда Дон стал ловить себя на мысли, что думает о сверстниках «эти глупые дети». А там, где вроде бы надо переживать, страдать и метаться, – совершенно спокоен, словно давным-давно все это прожил и теперь проходит по новой, как любимую компьютерную

игрушку. Но об этом Киллеру говорить не стал: еще примет на свой счет и обидится, к лешему такое счастье.

– Так что в Школе я с третьего класса. Год пришлось пропустить, мы с матерью ездили на Мальту с одним из ее художников. Все равно я пошел с шести, а Филька сказала, что лучше мне не быть в классе младшим.

– Я тоже был на Мальте. Красиво... – Киллер завозился, засопел, словно не решаясь что-то сказать. Или спросить.

– Не мнись уже, говори.

– Ты не похож, – буркнул Киллер и замолчал.

– На кого не похож?

– На лузера. Ты рассказывал про лузера, но ты не такой. Ты... ты сильный. А Кот этот – урод придурочный. Вот я бы не решился идти в Кунсткамеру. Заболел бы, наверное.

– Я тоже заболел, только потом. Дня через три. Мама говорила, скарлатина, а я не знаю что. Полтора месяца валялся с температурой и в бреду. Было все время холодно и страшно, и я не давал гасить свет, мне монстры мерещились. Как будто они за мной оттуда пришли. А этот, который ангел-хранитель, их отгонял шпагой, орал на них, они уходили – и приходили снова. Он потом садился рядом со мной, гладил по голове и обещал, что вместе мы справимся. А иногда мне казалось, что это я гоняю монстров от моего мальчика, и шпага ужасно тяжелая, а эти гады только и ждут, когда я усну... И знаешь, я думаю, если бы не Филька – монстры бы нас сожрали. Обоих. Они такие были...

Дон передернулся.

Он редко вспоминал о тех полутора месяцах. Почти никогда. Вот только раз, когда Фильке рассказывал, и теперь – во второй. И о том, как Филька явилась как-то ночью, нашипела на монстров, и они убрались, а потом дала этого медведя и велела класть рядом, потому что монстры почуют его и не придут, – тоже не вспоминал. До сегодняшнего дня.

Почему-то он был уверен, что Киллеру надо об этом знать. И о том, что Филька тогда сказала: «Прими себя, Дон. Все, что есть в тебе, – это ты, и никуда от себя не деться. Пока убегаешь и сопротивляешься, ты слаб. Примешь – станешь сильным».

У него получилось – и принять, и стать сильным. Даже почти забыть о Коте и уродах из Кунсткамеры. Получилось даже не

задумываться, с чего бы после этого случая он стал рисовать почти профессионально, но в какой-то старинной манере; и с чего бы любая острая железка в его руках тут же становилась смертельно опасной шпагой; и с чего бы звук гитары заставлял сердце биться в сумасшедшей надежде непонятно на что...

Главное, получилось.

– В общем, в третий класс я пошел уже к Фильке. А ты как к нам попал все-таки?

Киллер вздохнул. Уставился в пустую чашку.

– Правда, отец устроил. Я, когда мать вышла замуж, сразу к отцу рванул, сперва учился там, домашнее обучение – знаешь? Вот. А потом попал в больницу. Вроде с сотрясением, только... совсем не помню, как его заработал. Помню, что в музее. У отца в замке частный музей, всякие инструменты, ну и... Когда вышел из больницы, отец сказал, что поеду учиться в Питер. Вот.

– Не жалеешь, что приехал?

Киллер качнул головой и внезапно спросил:

– А у тебя серьезно с Маринкой? Ты про нее вообще не говоришь.

Дон на миг опешил, не сразу уловив логику.

Хмыкнул, размышляя: можно ли их с Маринкой отношения назвать серьезными? И честно ответил:

– Не знаю. У нас все нормально. Считай, с третьего же класса вместе. Она умная, красивая, не достает. Мы идеальная пара. Ну, пока в школе.

Киллер посмотрел на него как-то странно, вывернулся из рук и пошел к чайнику.

Тайм-аут.

Видимо, Дон сказал не то, что Киллер ожидал. Или просто не то. Зато самому стало любопытно – как у Киллера с этим делом.

– А ты? У тебя подружка есть? – спросил в напряженную спину.

Киллер покачал головой:

– Нет, – и замолчал.

Партизан.

– Ты редкостно красноречив, друг мой.

Киллер дернул плечом и буркнул что-то невнятное. Вроде «это неинтересно». Ага, как же, неинтересно! То-то такая бурная реакция.

– Почему нет? Рассказывай, Киллер. Я же рассказал.

– Нет, потому что я не влюблялся. Ни разу. А так просто мне неинтересно. – И уставился на Дона с вызовом.

– То есть ты считаешь, что как у нас с Маринкой – неправильно?

Внезапно Дону стало обидно. Вообще-то он и сам понимал, что они с Маринкой – очень странная пара. Как брак по расчету. Он совершенно точно ее не любил, как и она его. По старому молчаливому уговору они никогда об этом не говорили. Ухаживать-то он ухаживал, но скорее потому что так было положено. И потому что он точно знал, как это делать, – наверное, ангел-хранитель подсказывал. По крайней мере, Маринка была в полном восторге от ландышей под партой, своих портретов со стихами, ручной работы браслетов, эсэмэсок с розочками и прочих милых мелочей. Правда, иногда Дону казалось, что ей больше всего нравятся не сами знаки внимания, а эстетическая составляющая и зависть в глазах подружек... но это такая мелкая и неважная женская слабость!..

Нет, зря он. У них с Маринкой все отлично.

А любовь – чушь собачья. Есть потребности: в сексе, понимании, дружбе. Есть эстетическое удовольствие от общения с красивой девушкой. Но травиться, как Ромео, из-за девчонки? Ладно, не травиться, просто сходить с ума – глупо. И ни к чему.

– Ничего я насчет вас с Маринкой не считаю, – буркнул Киллер. – Просто я так не хочу.

– А как ты хочешь?

Целых полминуты Киллер молчал, буравя взглядом стену позади Дона. А потом...

– Я хочу настоящее чувство, чтобы небо качалось, понимаешь? – у него даже голос зазвенел и глаза разгорелись. – Чтобы страсть, сумасшествие, и весь прочий мир – к чертям. Хотеть до сноса крыши, чтобы все равно, где и когда... хоть в мороз и на еже, лишь бы с ней... понимаешь?

Дон хмыкнул и пожал плечами.

– Понимаю. Такое чувство... э... настоящее чувство ежа. В мороз. Очень понятно, да.

Он, конечно, смеялся. Но где-то внутри было обидно, словно Киллер мог испытывать вот это бешеное чувство ежа, а он – не мог. Трус, слабак и маменькин сынок.

– Ты зря смеешься, – Киллер покачал головой вроде как даже с сочувствием и отошел к окну, словно в проезжающих мимо машинах было что-то безумно интересное. – Только так и можно. А без этого не имеет смысла. Все равно что фальшивые новогодние игрушки.

– Ладно, ладно. Подарю тебе ежа, чтобы было на чем проверять.

Киллер не ответил, продолжал смотреть в окно.

Вот в нем определенно было что-то интересное. Тайна. Вызов. И эта мечтательная поза, напряженная, вся в ожидании подвоха – и желании тепла, доверия...

Красив, романтичен, одинок, прямо девичья мечта.

Или мечта художника.

– Ты же согрелся? – спросил Дон в напряженную спину.

– Ага... А что? – Киллер обернулся, уставился с недоверием.

– Хочу тебя нарисовать. А лучше слепить. У тебя есть пластилин?

Киллер завис, нахмурился – явно пытаюсь вспомнить, есть ли пластилин и что это вообще такое. И вдруг просиял:

– У меня пластик есть, специальный. В смысле, у папы. Я в шкафу его видел!

Унесся, не дожидаясь ответа, погрохотал в комнате и через полминуты вернулся с коробкой. Там в самом деле оказалась полимерная глина. Немного, на фигурку сантиметров в тридцать высотой. Но Дон и не собирался затевать монументальную композицию а-ля Церетели, только успокоить свою бешеную музу. Она внезапно вспомнила, что грозилась показать ему кузькину мать еще на репетиции Шекспира, и взялась за дело со всей активностью хорошо выпавшейся заразы.

Форма, фактура. Линии. Ощущение послушной глины под пальцами... Ладно, искусственной глины. Неважно! Вот оно, настоящее чувство! Сейчас Дону определенно было все равно – где, когда. Хоть на еже, только бы лепить!

– Раздевайся и ложись, – велел он Киллеру.

– Э... совсем раздеваться?

У Киллера порозовели кончики ушей и самую малость скулы. С какого перепугу, Дон откровенно не понял: чего он сегодня увидит такого, чего не видел вчера в бане?

– Трусы можешь оставить. Давай, на спину, левую руку за голову, правую вверх, словно потягиваешься.

Киллер стянул свитер и футболку, вытянулся на постели, все с тем же недоуменным выражением морды.

– Не в гробу потягиваешься! И тебя никто не ест живьем! Киллер, расслабься ты! И руку не так... да не так!.. Вот смотри!

Пришлось показать. Потом – поправить. И еще поправить. И накрыть ему ноги пледом, чтобы не замерз. А Киллер смотрел на него удивленными глазами и тихо ржал.

– Ну ты и маньяк! Только бензопилы не хватает!

– Не маньяк, а тиран и деспот. Лежи, натура!

Дон взялся наконец за глину. Первые минут несколько, пока придавал ей начальную форму, даже не смотрел на модель, зато когда глянул – увидел такой детский восторг в Киллеровых глазах, что почувствовал себя номинантом на «Оскар» минимум. Правда, к восторгу не прилагалось правильной позы, и ладно.

Все равно еще волосы распустить надо...

Когда запускал ему руку в волосы и поправлял запястье – ловил ощущения. Странные, электрические, словно кончики пальцев внезапно остались без кожи – так хорошо прощупывались все мышцы, все неровности, так остро ощущалась фактура и форма. Остро, до боли, до экстаза! Мелькнула даже мысль: что это я раньше не лепил Маринку? Какой после этого был бы секс!

После, не во время. Сейчас – только лепить, творить!

А когда коснулся материала, понял, что это – навсегда. Именно это чувство мертвой глины, оживающей под пальцами, послушной, принимающей любую форму, стоит только пожелать. Акт любви и творения сразу. Божественный экстаз, когда весь остальной мир перестает иметь значение...

Какая там любовь, какие ежи!..

Дон немножко вернулся в реальный мир, только когда Киллер о чем-то спросил. И, кажется, уже не в первый раз.

– Можно в туалет-то сходить?

– А? – наконец услышал его Дон. – Можно. Извини...

– Ты увлекся, я уже догадался.

– Пять минут перерыв, и продолжаем.

– Слушаюсь, о тиран и деспот!

После перерыва Дон уже не настолько уходил в кинестетические ощущения, старался хоть немного держаться на поверхности. Не очень

получалось, но помогли Киллеровы байки: Дон попросил его рассказать о Франции. Киллер и рассказал. Вьенна, заповедник, истории про туристов... Дон слушал вполуха, поддакивал и лепил. От скульптуры он бы сейчас не смог оторваться при всем желании, да и желания не было. Пока Киллер не начал рассказывать про замок. Тут Дон даже вынырнул в реальность и захотел чего-то еще, кроме как лепить. Сказать честно, он этим замком просто заболел, не хуже, чем два года назад Старой Равенной – пока мать позировала и развлекалась по пляжам и клубам, Дон облазил всю крепость и привез домой штук сто эскизов.

Киллер, заметив Доновы горящие глаза, небрежно так сказал:

– Поехали на Рождество вместе? Отец будет рад, он... – Тут Киллер немного замялся, и смущенно добавил: – Он всегда хотел, чтобы у меня был друг.

Захотелось съязвить: настоящий друг, чтобы все равно, где и когда. Захотелось – и тут же подумалось, что Киллеру удалось задеть его за живое. Заставить задуматься – о настоящем. О любви. О дружбе. Словно мальчишку.

Хотя...

Дон удивленно глянул на Киллера: неужели у тебя раньше не было друзей? Судя по тому, как Киллер отвел глаза, и в самом деле не было. Странно. Отличный же парень. Павлин и выпендрожник, конечно, но кто не выпендривается-то?

– Теперь есть, – сказал Дон серьезно.

Киллер просиял, а Дону внезапно стало и тепло, и приятно, и как-то неловко... словно это не Киллер валялся перед ним раздетый, а он сам – перед Киллером, и тот его рассматривал и ощупывал, чуть ли не в потроха заглядывал.

Странное ощущение.

Но с ним удивительно хорошо работается, все чувства обострены, и фигура под пальцами уже сама оживает...

Отложив мысли об ощущениях на потом, Дон вернулся к своему шедевру. Он получался правильный, живой. Вот-вот тряхнет головой и улыбнется этак шало и вызывающе...

– Дон, три часа уже! – вырвал его из творческого экстаза сердитый голос Киллера. – У тебя будет статуя с дыркой в животе!

– Дырккой? Какой еще дырккой, да не дрыгайся ты!.. – буркнул Дон, не желая отрываться: вот же оно, получается! Еще немножко, и будет совершенство, еще совсем чуть!

Подушка, пролетевшая в сантиметре от его головы, заставила все же оторвать руки от глины и взглянуть на живого и сердитого Киллера. Он сидел на кровати и во все глаза пялился на скульптуру. С недоумением пялился.

– Это – я?

– Это – ты.

Подушка полетела обратно в Киллера, а Дон, потянувшись, снова осмотрел свою работу. Не то чтобы свежий взгляд со стороны, но... И сам чуть не присвистнул. Вот оно, помешательство герцога Орсино! И как так получилось, что лепил юношу, а сейчас перед ним... Гитара?

Прекрасная, как мечта, волшебная, манящая. Наполовину гитара, наполовину девушка. Тонкая, гибкая, опасная как змея и такая же красивая, с едва заметными холмиками груди... Она улыбается, таинственно и дразняще. Ее левая рука тянется вверх, и по сторонам ладони – колки, и вся она натянута, как струна, и мышцы живота перетекают в струны – там, где девичьи бедра изгибаются в точности как гитара – и превращаются в гитару, старинную, украшенную резьбой...

Вот ты какая, Виола-наваждение!

Перехватив полный восторженного недоверия и любопытства взгляд Киллера, Дон уже собрался набросить на фигуру Киллерову же футболку – еще не поймет художественных заморочек, обидится... И не стал. Доверять так доверять. Киллер же его друг, а друг – это тот, кто принимает тебя целиком, вместе с дурью и заморочками.

– Можно мне... поближе посмотреть? – как-то глухо спросил Киллер и требовательно протянул руку.

Дону даже на секунду показалось, что Киллер сейчас схватит, сомнет пластик в кулаке, а если не отдадут, чего доброго бросится с кулаками.

Тьфу, надо же, какая пакость в голову лезет! Это же Киллер!

– Смотри. – Он отступил на полшага, но статуэтку в руки не дал, глина мягкая, помнется.

Киллер подался вперед. Только что носом не уткнулся.

– Почему девчонка, Дон?..

– Потому что Виола. Она такая... – попробовал объяснить Дон и понял, что ничего объяснить не сможет. Сам не понимает. – Короче, не знаю я почему. Она такая, и все тут.

Он пожал плечами, мол, ты музыкант, сам должен понимать: вдохновение не спрашивает, что ты хочешь сотворить. Оно просто берет и творит твоими руками.

Киллер как-то странно улыбнулся. Кивнул.

– Виола... как в спектакле, да? – И хмыкнул. – А я Себастьян.

– Типа того. – Дон облегченно выдохнул: драки не будет, Киллер все понял правильно. Наверное. – Красивая, правда? Будь у тебя сестра, я бы влюбился. И ежа не обязательно искать – ты есть.

– Была бы у меня сестра, она бы тоже влюбилась, – как-то подозрительно серьезно ответил Киллер, разглядывая статуэтку и пропустив мимо ушей подколку.

А потом глянул на Дона и покраснел, словно сказал что-то...

Да ладно, сказал и сказал. Может, в образ вжился, чего уж там. Вот только самому Дону краснеть не надо, да? Подумаешь, сказал что-то не то... и вообще Киллер – никакая не Виола. Все. Тема закрыта.

Так что Дон сделал вид, что не услышал.

– Это... пошли уже холодильник грабить. Я есть хочу, – перевел он разговор на безопасную тему. А свой шедевр отнес на подоконник, за занавеску. Чтобы не дразнить гусей.

Глава 14, повествующая о доверии, болотах и современных методах диагностики

Часов около шести позвонил Арман дю Плесси с докладом: тренировка прошла отлично, Арийца и Витька Сенсей взял под крыло, причем Арийца оставил после занятий «на поговорить» и обещал лично проводить домой. Насчет вчерашнего Сенсей оказался полностью в курсе, и еще рассказал одну новость... короче, монсеньор кардинал со своим гвардейцем сейчас придут к Киллеру и все расскажут. А Дон, случаем, не звонил ли Ромке?

Упс.

Не звонил.

Вообще забыл.

Но позвонит прямо сейчас, а то не дело.

– Будем через четверть часа, – сказал Арман дю Плесси и отключился.

А Дон растерянно воззрился на Киллера.

Все это было странно. Их общее спокойствие, даже веселье после убийства Поца. Ну да, соперник, да, враг. Но – свой же, семь лет отучились бок о бок. И его голова мозгами наружу...

Картинка всплыла перед глазами, но Дон с еще большим удивлением понял, что она не вызывает никаких эмоций. Ни тебе страха, ни отвращения, ни гнева – так, легкое омерзение и недоумение.

По-нормальному, они всей компанией должны бы биться в истерике, трястись от страха и по очереди бегать в туалет блевать. Вчера ж, пока не дождались Фильки, так оно и было...

Видимо, они с Киллером мыслили синхронно, потому что в его глазах поочередно отразилась та же гамма: растерянность, офигение и вспышка подозрительности.

– Филька?.. – одними губами прошептал он, словно испугавшись: услышит еще.

Дон передернул плечами.

Внезапно ему стало неприятно, что кто-то ее в чем-то подозревает. Он же всегда ей доверял даже больше, чем себе! Она же спасла его от монстров, учила и опекала... и почему-то с тех пор как Дон перешел в ее школу, почти перестала общаться с его матерью...

Киллер, видать, тоже припомнил, что Филька водит знакомство с его отцом.

Хмыкнул, нахмурился и прижал палец к губам. Мол, поживем – увидим, а пока молчим!

Дон невольно рассмеялся. Вот сейчас Киллеру определенно не хватало очочков и шапочки. И Растения в горшочке.

Ромке он позвонил, разумеется. Тот обрадовался, что-то такое начал рассказывать о своих идеях на тему спектакля, но его очень вовремя позвали, судя по звуку пылесоса и сердитому женскому голосу, помогать в уборке.

О Поце не было сказано ни слова. И в тоне Ромки не было ни следа страха. Его вообще ничего, кроме спектакля, не заботило. Станиславский!

На вопросительный взгляд Киллера Дон ответил фырканьем, мол, ничего неожиданного, и подумал: стоит ли обсудить странности с Арманом дю Плесси? Почти уже решил, что стоит: с кем обсуждать, как не с ним? Но не вышло.

Тот с порога огорошил:

– Посвящение перенесли.

От неожиданности Дон чуть не сел, где стоял.

Посвящение не переносили никогда. Ни разу за всю историю школы. Оно всегда, все три сотни лет, было на Самайн. А тут вдруг...

– Почему? Когда?

– Сенсей сказал, из-за убийства. На следующую пятницу.

Вот теперь в голосе Ришелье послышался страх. Витек смотрел из-за его плеча совершенно офигело и обреченно, словно на него с крыши кирпич летит, а он увернуться не может.

Один Киллер недоуменно переводил взгляд с одного на другого:

– Ну перенесли Посвящение, и что? Подумаешь, какое-то посвящение в студенты!

Все трое, включая Дона, воззрились на него с сочувствием.

– Не какое-то посвящение в студенты, а Посвящение! – так же сочувственно пояснил Ришелье. – Тебе не рассказали, что ли?

– Что мне должны были рассказать? Что у вас тут вообще творится, в этой вашей школе?!

– Отставить истерику! – скомандовал Дон. Не только Киллеру, себе тоже. – Все нормально у нас в школе. И Посвящение не опасно, если не пройдешь – просто вылетишь из школы, и все. Живым и здоровым.

Глаза у Киллера стали совсем круглыми, и он сам отступил на полшага.

– В смысле не опасно? Что это вообще за посвящение такое?

Ему в три голоса рассказали, что это – поход на болота всем первым курсом, с преподами и ночевкой.

– Девонширские болота, – буркнул Киллер. – С собачками Баскервилей.

– Может, и с собачками, – ровно подтвердил Ришелье. – Пока не пойдешь, не узнаешь. О том, что было на Посвящении, рассказывать младшим ученикам нельзя.

– Но наверняка ж рассказывали! – не поверил Киллер.

Дон покачал головой.

– Никто. Даже те, кто вылетел. Там подписка о неразглашении.

Глаза Киллера округлились еще больше.

– Подписка?.. Э... я не хочу в эти ваши болота!

Никто ему не ответил, но все отвели глаза. На полминуты, не меньше, повисло молчание: Дон думал, что жаль, если Киллер уйдет из школы. Ужасно жаль. Кажется, он мог бы стать настоящим другом, и Гитару лепить без него уже будет неинтересно.

– Эй, вы чего молчите?.. – совсем тихо спросил Киллер. – Дон?..

– Тебя никто не заставляет, Киллер. Посвящение – дело добровольное.

Киллер насупился. Дернул плечом.

– Понял я уже. И что точно никто ничего не знает, понял. Но хоть догадки есть? Какие-нибудь?

– Догадки есть, – отозвался Ришелье. – Догадка первая: проверка на стрессоустойчивость в экстремальных обстоятельствах. То есть страх пополам с бытовыми трудностями, ну там холод, сырость и прочая гадость. Ты наши болота осенью еще не видел, какой там Девоншир.

Дон с Витьком хмыкнули: да уж, питерские болота осенью – развлечение не для туристов. Замок Дракулы отдыхает.

– Догадка вторая, – продолжил Ришелье с таким же серьезным видом. – Наши преподаватели на самом деле страшные маньяки и кровопийцы, заманивают детей на болота и там едят. А возвращаются с болот мертвые призраки несчастных трупов. Особенно заметна мертвость трупов среди четвертого курса во время госэкзаменов.

Киллер, слушая эту чушь, свел брови – обиженно, но все еще недоуменно.

– Догадка третья, – Ришелье чуть понизил голос и повысил градус пафоса. – Посвящение и есть посвящение, только не в студенты, а в тоталитарную секту. Клятвы на крови, оргии и жертвоприношения. А если кто проболтается, того принесут в жертву в следующий раз.

– Тьфу, – только и сказал Киллер и с укоризной оглядел давящихся смехом Дона и Витька. Подумал, почесал нос и уточнил: – А что вы про вылет говорили?

– Если отказываешься от Посвящения, из школы отчисляют. Тут же. Можешь больше даже не приходить, на уроки не пустят. Это в правилах написано, но за последние восемь лет такого не было. Раньше – не знаю, – уже нормальным голосом ответил Ришелье. – А вот что Посвящение не проходят, было. В позапрошлом году одна девчонка так вылетела. Вроде отстала от группы, вернулась домой, и все. Пришла в школу, забрала документы и больше не появлялась.

Дон ту девчонку помнил довольно смутно. Из класса «В», ничего особенного на вид.

– Ага, – кивнул Киллер. – А если ничего страшного, то чего Витек такой пришибленный?

– Я не пришибленный, просто... – впервые подал голос гвардеец кардинала. – Мишаня нас в августе на болота водил, разведать местность, а теперь... Найду уродов, которые его убили, руки оторву.

Он сказал это так буднично и спокойно, что Дон поверил: в самом деле оторвет. И взглянул на него по-новому. С уважением, наверное. Витек всегда был в тени, незаметной серостью – то в тени Поца, теперь в тени великого Ришелье. Ведь если подумать, Ришелье не позволил приблизиться к себе ни Марату, ни Сашке... да никому из класса, хоть попытки и были. А Витька – взял в команду. Сразу и безоговорочно. Не без причин же.

– Уродов мы найдем, – так же спокойно сказал Дон. – Но трупы с оторванными руками разбрасывать не будем. Мы за чистоту в городе. – Глянул в совершенно обалдевшие глаза Киллера, хлопнул его по плечу. – Спокойствие. Все будет в порядке с Посвящением. Ты же не один туда пойдешь. Кстати, Ромке я позвонил, с ним все отлично. Пылесосит ковры и строит коварные режиссерские планы. А мне бы байк забрать, да и учебники на завтра... я уже трое суток дома не был. Киллер, поехали ко мне с ночевой?

Киллер потряс головой, видимо, чтобы утрясти все услышанное, и согласился. Так что через час они уже валялись на Доновом диване, хрустели чипсами и ржали над очередной серией «Дневников Вампира»: у Киллера особенно хорошо получалось передразнивать злодеев злодейским голосом. А все размышления о серьезном Дон оставил на потом – не убегут. Невозможно ж целыми днями делать морду кирпичом а-ля Корлеоне.

* * *

Понедельник, как и положено дню тяжелому, начался с биологии. Странной биологии.

Сегодня Эльвира Повелительница Тьмы полностью оправдывала свое прозвище. Вроде бы – ничего необычного. Деловой костюм, слегка затемненные очки, сдержанный макияж. А все равно, только метлы и черного кота не хватает. Говорящего.

И файерболов в руке. Кто мяукнет – того и поджарит.

Класс мгновенно замолк, посторонние предметы вроде отключившихся на входе в школу айфонов, недоеденных шоколадок и расчесок исчезли, словно их и не бывало. Господа студенты сидели ровно, смотрели строго на преподавателя и являли собой образчик прилежности и дисциплины.

– У меня для вас, господа, две новости, – сообщила Эльвира, окинув парад паинек взглядом-рентгеном и остановившись на Доне.

Если б Дон не знал точно, что ничего запрещенного не приносил, лабораторных не списывал и в тайных обществах не состоял, испугался бы. А так – только мурашки пробежали по спине и притаились где-то в пятках.

– Одна очень плохая, – продолжила Эльвира, глядя прямо на Дона.

Глаза он не опустил, продолжая смотреть на директрису. Он знал, что она сейчас скажет: Поца убили. И знал, что удивится вместе со всем классом, как и Ромка, и Киллер, и Ариец, и Ришелье с Витьком. Иногда актерское мастерство – самый жизненно необходимый предмет.

Вот прямо сейчас забыть весь субботний вечер и реагировать так, будто ничего не было. Ни подворотен, ни трупа, ни-че-го. Не факт, что Филька сказала хоть кому-то, кто на самом деле нашел труп. У них с Эльвирой все сложно.

– В субботу вечером был убит ваш одноклассник, Миша Шпильман, – не разочаровала его Эльвира.

В классе последовал предсказуемый взрыв паники, ужаса, возмущения, недоумения... одна девчонка-бешка даже всхлипнула.

Дон тоже удивился, возмутился и от всего класса задал повисший в воздухе вопрос:

– Кто?

– Мусорщики, – сказала Эльвира.

Внезапно – правду, Дон это понял совершенно ясно. А сама Эльвира захлопнула рот, словно чтобы не сказать что-то еще, не предназначенное для студенческих ушей.

Повелительница Тьмы сказала не то, что собиралась? Крайне странно.

Класс же затаил дыхание: непонятный ответ породил сотню новых вопросов, и все ждали, что Эльвира на них ответит. Прямо сейчас.

Наверное, все, кроме Дона. Он-то прекрасно понимал, что студентов никто и никогда ни во что важное не посвящает, и если Эльвира сейчас что-то и расскажет, это будет лишь капля в море. Самая незначительная капля из всех возможных.

А Эльвира нахмурилась и как-то враз постарела.

– Бомжи, – поправилась она. – При попытке ограбления.

Соврала? Или нет? Прозвучало очень убедительно, и камень в Дона бросил явно бомж, но... почему-то казалось, что если это и правда, то не вся. Если правда бомжи и при ограблении – то почему растоптали сигареты, а не забрали с собой? Бомжи же всегда курят... или нет?

И еще, при чем здесь какие-то мусорщики? Кто так бомжей называет? Никто.

Не-е-ет, что-то здесь не то.

– Не думайте об этом, сейчас у вас есть более насущные заботы. Через десять дней состоится Посвящение, вот о чем нужно думать в первую очередь.

Она обвела класс взглядом поверх очков, не пропустив никого. Снова на миг задержалась на Доне... нет, на Киллере. А его плечи напряглись, словно он не хотел ни верить, ни думать, а его заставляли...

Чушь какая. Почему второй день подряд лезет в голову всякая чушь? Мировой заговор, спецслужбы, психотропное оружие и Эльвира в роли Дамблдора.

Бред.

Еще мусорщики эти... кто такие мусорщики? Обязательно спросить Фильку, она точно знает и должна сказать.

Правда, даже для него самого это прозвучало не слишком убедительно.

Дону всегда казалось, что Филька с ним откровенна. Что она рассказывает ему нечто такое, о чем не знает никто, кроме них. Что она ему доверяет.

Казалось до вчерашнего вечера, пока он не попытался анализировать – и не понял, что за все годы он ровным счетом ничего не узнал о ней самой. Одни намеки, недоговоренности, тайны и секреты. И полная чертовщина с эмоциями, словно Филька их всех загипнотизировала.

Кашпировский, елки.

Погрузившись в размышления о странностях родной Школы, Дон пропустил всеобщее шушуканье о переносе Посвящения и прозевал начало урока. Опомнился, только когда Ромка принес на их парту глиняную пиалу с вонючей жидкостью и спиртовку.

– Что это за хрень? – спросил одними губами, у Эльвиры слух, как у летучей мыши.

– Еще не рассказала, – так же тихо ответил Ромка.

Эльвира внимательно на них посмотрела. Поправила очки.

– В связи с гибелью Миши мы сочли необходимым ввести в программу некоторые предметы, которые раньше вам не преподавали.

В частности основы нетрадиционной медицины.

За Доновой спиной зашушукались. Кто-то хихикнул.

Смешно же, нетрадиционная медицина! Да кому она нужна в век антибиотиков?

– Вы смеетесь от невежества, – сообщила Эльвира вроде и тихо, но так веско, что смешки как обрезало. – Чтобы вы знали, еще четыреста лет назад целители могли определить состояние больного всего лишь по капле его крови. Четыреста лет назад, молодые люди! Уже тогда целители могли лечить то, что считается безнадежным! Если бы их было чуть больше... – Она умолкла. Покачала головой. – Впрочем, это неважно. Важно, что базовые знания могут однажды спасти вам жизнь. Или вашим близким. Сейчас мы с вами проведем небольшую практическую работу. Вам потребуется открытый огонь, отвар травяного сбора номер пятнадцать и несколько капель вашей крови. Достоинство такого анализа состоит в том, что годится как свежая кровь, так и оставшаяся, предположим, на бинте после перевязок. Плошку с отваром вы нагреваете на огне. Как только жидкость начинает закипать, добавляете туда кровь и смотрите, в какие цвета начинает окрашиваться отвар. Смотрите внимательно, нужно записать все цвета и оттенки в той очередности, в которой они будут появляться. Таблицу соответствия цвета болезням я раздам вам позже. Приступайте.

Ага, так все и приступили. Два раза.

Класс замер, не понимая, как реагировать на речь Эльвиры и ее «практическое задание».

Какой-то сбор номер пятнадцать? Какой еще анализ крови в семнадцатом веке? Или это у Повелительницы Тьмы чувство юмора такое, ненавязчивое?

А с другой стороны, юмор там или нет – с Эльвирой не поспоришь. Придется заниматься ерундой. Лучше б лишнюю репетицию провели, честное слово!

Палец Дон, конечно, проколол. И каплю крови в побулькивающую жижу выдавил, не особенно веря в эффект.

И отпрянул.

Вопреки всем известным законам природы жижа забурлила и выпустила струйку пара. Потом стала совершенно прозрачной, а на

дно плошки осела какая-то сомнительная гуща. Видимо, тот самый травяной сбор...

Дон с чувством глубокого недоверия наблюдал, как жидкость начала менять цвет с бурого на красный, будто вся плошка наполнилась кровью. Потом она стала оранжевой...

– Ромка, пиши скорее! – шепнул он. – Красный, оранжевый... желтый...

Ромка писал, поглядывая то на Дона, то на плошку, то снова на Дона. А Дон не мог оторваться от игры цвета: желтый завертелся спиралью, превращаясь в сливочно-белый, густой и даже на вид вкусный. А под конец помутнел, выцвел и успокоился на серо-зеленом, однородно-непрозрачном.

Может, все-таки фокус?

Он так и смотрел бы на свою экспериментальную плошку, если бы перед ним не лег на стол лист с таблицей, а Эльвира не спросила:

– Записали?

Дон механически кивнул, уже прилипнув взглядом к графам. Где тут красный?..

– Сначала анализ определяет группу крови, – уже на весь класс рассказывала Эльвира. – Вы все знаете свою, так что убедиться в действительности будет крайне просто. Дима, скажи мне, какой цвет у вас появился первым?

Дальше Дон особенно не слушал, он искал в таблице свои результаты. На удивление, они совпали: ведьмовской экспресс-анализ показал третью положительную, то есть красный, переходящий в оранжевый. А желтый со спиралью утверждал, что Дон идеально здоров, не считая небольших проблем с пищеварением. Последний же, серо-зеленый, показывал длительный стресс и...

«В случае если жидкость остается непрозрачной, обратитесь за консультацией к специалисту по душевному здоровью».

О как. То есть если верить анализам, то он – псих.

Потрясающе.

А диагностика на суперсовременной глиняной плошке с травкой – это не психи, это продвинутые специалисты. Душевно здоровые.

Ромка тоже невесть с чего расфырчался, даже тетрадь отпихнул. Чего это он?

Дон скосил глаза: надо ж глянуть, чем он так недоволен?

Группа крови совпала и у Ромки – вторая. И легкая близорукость – салатный цвет – тоже присутствовала. У Ромки класса с пятого минус два, а очки не носит, стесняется. Недавняя травма? Откуда бы... а ведь точно! Разбитый нос первого сентября!

Вот чертовщина!

Но самая чертовщина у Ромки была опять же в последнем пункте. Стресс, эмоциональная нестабильность, требуется срочная консультация со специалистом.

Ромка смотрел как раз на этот пункт, сверял цвет и прозрачность со своей плошкой и злился. Сильно злился, даже листок с записями смял.

И Арийцу что-то в анализе не понравилось. Сначала сидел, как все, смотрел в таблицу, потом напрягся, подался к Киллеру и что-то ему зашептал. Эх, и чего у Дона слух не летучемышинный?!

А Киллер ответил. Тоже шепотом и коротко. И руку Арийцу на плечо положил.

Мда. Никак Арийца тоже в психи определили? Дурдом на выезде. Интересно, есть тут вообще хоть кто-то здоровый?

Оглядев класс, Дон пришел к выводу, что здоровых, счастливых и стабильных в их классе нет в принципе. На всех лицах до единого были написаны где злость, где недоумение, где страх. Даже Маринка, вот уж образчик здорового духа в здоровом теле, и та побледнела и смотрела на свою таблицу с ужасом. Смотрела-смотрела – и смяла, а плошку схватила и перевернула в плошку Лизки, своей соседки. А потом обернулась к Дону, словно хотела что-то сказать, но даже рта не открыла – и резко отвернулась, уставилась в окно...

И тут Дон сообразил, что вчера вечером так ей и не позвонил. Они ж собирались устроить романтический вечер, и Маринка отпросилась у родителей «ночевать у Лизки». А он – забыл! Теперь Маринка неделю дуться будет.

Вот же!..

К Маринке подошла Эльвира, склонилась к ее уху, что-то сказала. Маринка дернула головой, мол, нет и нет! Эльвира что-то снова сказала, погладив Маринку по плечу. А потом обернулась к классу, велела слить все из плошек в раковину, до конца урока оформить практическую работу и сдать ей на стол. И увела Маринку из класса.

Дон дернулся было за ними, но Эльвира обернулась в дверях и кинула на него короткий предупреждающий взгляд: не вздумай!

Тоже мне, Снейп в юбке, или кто там у Роулинг мысли читал? Вылетело из головы... Тьфу ты, да при чем тут Хогвартс? Плевать на Эльвиру, все равно надо пойти! Маринка не на пустом месте так перепугалась, может, у нее вообще рак? Или... да какая разница, он в любом случае должен быть рядом! Ей же страшно и плохо!..

А с практической разберется Ромка, он же понимает...

Дон вскочил, намереваясь бежать за Маринкой, но его поймал за рукав Киллер.

– Слушай, тут такое... Поговорить надо. Срочно.

Как некстати!

Дон обернулся, нахмурился, уже готовый буркнуть: «Потом!» – и осекся.

Киллер с Арийцем были еще зеленее Маринки. У обоих губы сжаты, глаза прищурены, вот-вот пойдут кого-то убивать.

Леший бы побрал эту Эльвиру! Мало было проблем, устроила тут филиал дурдома со своими анализами!

– Это терпит три минуты?

Ариец кивнул, не разжимая губ. Словно очень хотел что-то сказать, но себя останавливал.

– Терпит, – ответил Киллер. – И вообще не здесь.

Кивнув, Дон обернулся к Ришелье:

– Вы закончили?

Ришелье знаком показал, мол, еще минута – и готово.

– Ромка?

Великий режиссер оторвался от бумажки, на которой что-то строчил ровным и красивым почерком, посмотрел на Дона со странным выражением... то ли подозрительным, то ли просительным, то ли просто морду перекосило.

Сев рядом, Дон все же заполнил оставшиеся две строчки практической работы. Он псих? Плевать. Тут все психи, преподы в первую очередь. Вон у Ромки...

Кинув взгляд на Ромкину работу, он едва не рассмеялся. Нет, Ромка у нас нормальный. Никаких вам нестабильностей, так, легкий стресс правдоподобия ради.

Ромка встретил его взгляд, по его губам скользнула кривая улыбка. Неправильная, совершенно ему не свойственная.

Ладно, бог с ним, с Ромкой, если у него что-то не в порядке, сам расскажет. Он знает, что Дон рядом и всегда выслушает. Потом. А пока...

– Народ! – Он поднялся и хлопнул в ладоши. – До звонка – никуда! А если кому-то очень надо, то чтобы тише тараканов!

Дон оглянулся, лишь выйдя из здания школы через «садовую» дверь – рядом с физкультурными раздевалками и спортзалом. Отсюда отлично просматривался стадион, где Твердохлебов гонял девятый класс «Б», а значит, даже он не сможет подслушать.

– Выкладывай, – велел Киллеру.

Киллер помедлил. Переглянулся с Арийцем. Глубоко вдохнул.

– Короче... там в подворотне... это был не Поц.

Глава 15, в которой открываются неожиданные виды

Стадион резво ускакал куда-то влево, школьный угол, наоборот, радостно бросился навстречу Дону, подлая земля закачалась под ногами, а вместо спокойного вопроса раздался какой-то придушенный сип.

– Как это... не Поц? Мы же сами видели...

– Анализ показал, – глядя в землю, сказал Ариец. – Я это, платок туда сунул. Который Киллер на... – запнулся, сглотнул. – На тело уронил. Там кровь осталась, засохла уже, но Эльвира же сказала, можно. Я кровь брать, это... не люблю, вот. А получилось, что группа крови не та, у Мишани – вторая, я знаю. А тут – первая отрицательная. И наркомания еще, и печень насквозь негодная. Вот.

Дон очень спокойно кивнул.

– Ясно.

А потом попятился и прислонился спиной к двери.

Ну а что вы хотели? Сначала Поц пытался убить его, потом убили Поца, а теперь выясняется, что убили не Поца, а какого-то наркомана. Получается, Поц-то жив. Это, конечно, хорошо, что жив. Но с другой стороны...

И что с другой стороны?..

Мыслить логически у Дона не вышло. Мысли не связывались, а в голове тупо гудело: не Поц, не Поц...

Остальные тоже выглядели кирпичом пришибленными. У Витька прыгали губы, Ришелье растерял всю уверенность и посерел, к Ромке явно подступала истерика. Сам Ариец более-менее держался, и то – держался за Киллера. Или поддерживал.

А Киллер, хоть и бледный в зелень, щурился и пытался думать. Даже вслух.

– Если это не Поц, то где ж тогда он?.. И почему его документы?..

– Подмена, – так же тихо предположил Ришелье. – Кто-то хотел, чтобы все думали на него. Одежда, документы... эта кислота сразу

показалась подозрительной. Мистификация. Надо искать, кому выгодно.

– Надо искать самого Поца. – Дон с трудом собрал разбегающиеся мысли. Спасибо монсеньору кардиналу, помог начать думать в правильном направлении. – Эрик, Витек, вы с ним учились, – Дон проглотил «дружили», не дружба же там была, в самом деле. – Вспоминайте, где вместе бывали? Что он рассказывал? С кем еще общался? Мы его найдем.

Ариец и Витек переглянулись. Кивнули. А Ришелье удивленно переспросил:

– Мы найдем? В смысле, ты не собираешься ничего говорить Фильке и Сенсею?

Упс. И об этом Дон не подумал. А надо, надо! Обязательно! Это же важно, это же...

Дон уже почти сказал: собираюсь!

И промолчал.

Потому что если сказать – то господам студентам велят учиться, не высовывать носу из дома и держаться подальше от взрослых дел. И ведь не поспоришь. Получится как в субботу: Филька пришла, и все дружно перестали бояться. Вообще чуть не забыли об убийстве.

Неправильно это.

И не доверять Фильке – неправильно. И доверять... не получается. Доверие – штука такая, двусторонняя. И кто знает, может, Филька-то как раз в курсе, что там был не Поц. Она ж ни слова об этом не сказала, только «не волнуйтесь», и все.

– Нет. Сейчас – нет. Сначала сами узнаем все что возможно. Вдруг этот анализ ошибся? Будем выглядеть идиотами.

– Я знаю, откуда начать, – кивнул Ришелье.

Глаза у него разгорелись, от бледности с неуверенностью не осталось и следа. Остальные тоже оживились и уже рвались искать и расследовать, словно вот только новости о том, что убили вовсе не Поца, и ждали.

Впрочем, Дону тоже казалось, что в роли таинственного злодея Поц смотрится много лучше, чем в роли несчастной жертвы. По крайней мере, теперь не было так стыдно, что его выгнали из спектакля...

Поймав себя на мысли о стыде перед Поцем, Дон обозвал себя прекраснодушным идиотом. Еще немного, и начнет подставлять левую щеку.

Нет уж.

– Пойдем сразу после уроков, – кивнул он Ришелье. – А пока, господа, конспирация и только конспирация. Если Филька догадается...

– Не догадается, – хмыкнул повеселевший Киллер.

Остальные закивали, мол, нет на свете актеров лучше!

Они так увлеклись, что едва не опоздали на следующий урок к Интригалу. По счастью, математику было совершенно плевать на все, кроме математики – нормальной, традиционной и без всяких наворотов а-ля Эльвира. Класс даже несколько расслабился, получив задание на самостоятельную работу.

Класс расслабился, а Дон – напрягся. Потому что Маринки на первой парте не было. А Лизка пару раз очень странно на него покосилась, словно что-то такое знала, но говорить не собиралась.

Вот же елки! С этим расследованием он совсем забыл выяснить, что там такое случилось. Ну, может, на следующей перемене? Или Лизка скажет?

На следующей перемене Маринка не появилась, а Лизка ничего толкового не сказала. Сама не знала. Видела, как Маринка вылила свою плошку с анализами и испортила Лизкину лабораторку, а вот что плошка показала – нет. И не догадывается. И Маринка ничего не сказала. И не смотри на меня, как удав на кролика, не поможет! Все равно Маринку Эльвира отправила домой, так что ни тебе, ни мне она сейчас ничего не расскажет.

Дону очень хотелось выругаться: на невнимательную Лизку, на так некстати воскресшего Поца, на упрямую Эльвиру, даже на особенности старинной архитектуры, из-за которых на территории школы не работали мобильники и вай-фай!

Пришлось ждать до конца третьей пары, хорошо хоть четвертую, мировую историю, Филька отменила. Вместо нее раздала всем домашних заданий размером с докторскую диссертацию и велела сдать в следующий понедельник.

Дону досталась не тема, а конфетка! Он чуть челюсть не уронил, когда прочитал: «Музыкальные инструменты в судьбе и творчестве

Бенвенуто Челлини».

– Это – за неделю?.. – даже переспросил от избытка удивления.

Филька мило улыбнулась, кивнула и протянула ему завернутый в бумагу фолиант.

– Здесь ты найдешь все необходимое. И не забудь поделиться с Леоном, у него тоже реферат по Челлини.

Филька не успела отойти к следующим счастливым, как с парты перед Доном обернулся Киллер:

– Что она такое дала, покажи!

С ним вместе обернулся Ариец, и сидящий рядом с Доном Ромка тоже сунул нос.

Дону и самому было интересно. Ни на одну из библиотечных книг по Ренессансу фолиант не походил – Дон знал точно, потому что все их перечитал. Фолиант же был здоровенным, толстым, тяжелым и явно старым, это выдавал запах и какое-то особенное шуршание страниц.

Разумеется, Дон его тут же открыл.

Желтые, хрупкие от старости страницы были исписаны вручную на староитальянском, витиеватым почерком с помарками, рисунками, какими-то схемами, и все это выглядело страшно привлекательно...

– Ух, ничего себе, – шепнул Киллер, тут же заглянувший в старинный дневник.

Дневник?

Ученика Челлини?

Или самого маэстро?

Судя по датам, шестидесятым годам шестнадцатого века, мог быть и самого, надо прочитать! Это же... это же... а тут схема деки с обозначением материалов... или снадобий, похоже на алхимические знаки... понять бы!..

– Дон, мы идем? – Кир спугнул только появившееся ощущение чудесного понимания, словно в голове зазвучал такой знакомый голос...

– Идем, – вздохнул Дон, закрывая фолиант под разочарованные вздохи приятелей и убирая его в рюкзак. – Закинем учебники...

– Можно ко мне, и фонарь возьмем, – продолжил за него Ариец. – Ко мне ближе.

Уже за воротами школы Дон остановил байк, махнув ребятам, чтобы чуть подождали, и набрал Маринку.

Послушал несколько секунд про недоступного абонента, перезвонил ей на домашний.

Выслушал длинные гудки, ровно двенадцать.

Напомнил себе, что злиться на девчонку глупо, все равно что злиться на дождь или ветер – если им встряло, хоть ты пополам тресни, а капать или дуть не перестанут. Потому что это вне логики и здравого смысла. Стихия.

Пожал плечами, убрал телефон и кивнул Арийцу, мол, поехали.

У Арийца дома они все, кроме Витька, были впервые.

Обычный питерский дом старой застройки – гулкое парадное, высокие потолки, древний лифт в сетчатой шахте, обвитый крутой лестницей, и крашенные голубой краской стены.

Обычная трешка на пятом этаже, с деревянной дверью и бумажными обоями в цветочек в коридоре. Запах свежих щей и жарящихся котлет тоже был самым что ни на есть обычным.

Как и мать семейства с усталыми глазами, в фартуке и клубках кухонного пара. Она улыбнулась парням и предложила мыть руки и проходить в гостиную, сейчас она их всех накормит обедом.

А вместе с ней навстречу Арийцу выскочили два карапуза лет этак трех, белобрысые, как старший брат, шептуньи и хитрющие. Они волокли за собой трехколесный велосипед, разрисованный фломастерами. Теми же фломастерами были разрисованы мордахи – на зависть ирокезам на тропе войны.

Карапузы остановились ровно посреди коридора и уставились на гостей с выражением «ага, подопытные!».

Даже велосипед бросили.

– Зю, тараканы! – скомандовал им Ариец.

Тараканы тяжело вздохнули, развернулись и потащили свой велосипед обратно в комнату. Прямо такие послушные паиньки, что спиной не поворачивайся.

Киллер фыркнул в ладонь.

– Почему тараканы-то?

– Везде лезут и не выводятся, – вздохнул Ариец, открывая дверь в ту же комнату, куда ушли карапузы. – Рюкзаки сюда.

Он кивнул на дверь смежной комнаты – похоже, бывший зал на два окна перегородили и сделали дверь, чтобы у старшего сына было личное пространство. Заботливые родители, однако.

Комната Арийца была всего метров десять, так что помещались лишь кровать, компьютерный стол, книжные полки, шкафчик и турник на стене. Уютная такая берлога, чистая и светлая, с постерами баскетболистов, фотографиями больших собак и почему-то портретом Шона Коннери в роли Бонда.

Неожиданно.

Особенно книги и Шон Коннери.

Дон был уверен, что старых фильмов Ариец не смотрит, только мультики про Симпсонов. И читает в лучшем случае комиксы. Но на полке стояли Хайнлайн, Олди, Бушков, Пратчетт, Булгаков... Причем видно было, не для мебели стояли.

Ладно. Примем за данность, что у Арийца есть мозг и Ариец умеет им пользоваться.

Командовать, как оказалось, тоже. И управляться с двумя тараканами сразу. Нельзя же было сажать карапузов за стол прямо в ирокезовой раскраске! Так что Ариец подхватил братиков под мышки – один брыкался слева, пятками вперед, другой справа, пятками назад, и оба довольно верещали – и отнес в ванную. С умыванием тараканов ему взялся помогать Киллер, видимо опасался за сохранность подопечного.

Потом был чинный семейный обед, улыбки, разговоры о школе. Мать Арийца смотрела на поглощающих щи и котлеты парней с таким умилением, словно видела перед собой недельных котят в корзинке.

А вот об убийстве Поца никто не упомянул: ни к чему волновать милую женщину и давать карапузам вредную пищу для размышлений. Только новый класс, спектакль, учеба и новые друзья. Главное, новые друзья.

– Маме не особо нравился Мишаня, – уже после обеда, когда всей Семейей убрали со стола и помыли посуду, признался Ариец. – А Димона и Коляна вообще запретила домой приводить. Тараканы их боятся.

На это Дон только пожал плечами: сложно найти человека, которому нравятся Поц, Димон и Колян. Он сам был бы рад вообще их не видеть, но деваться некуда.

Особенно теперь.

– И правильно делают, что боятся, – сказал Дон. – Расскажи лучше о... Мише. Все что знаешь.

Хоть Дон и проучился с Поцем семь лет в параллельных классах, хоть они и соперничали с первой встречи, но по сути о Михаиле Шпильмане он знал крайне мало. Только что у него есть старший брат, Костя Десантура, предводитель народной дружины, обладатель скверного характера и тяжелых кулаков, и что младший старшего боится до судорог. Еще где-то на периферии маячили их родители, вроде бы две штуки. Ну и, разумеется, Дон был в курсе поведения Поца в школе и отношения к нему класса «Б» – поганого отношения. Любовь и уважение не уживаются со страхом.

А вот про то, что Поц регулярно брал своих ребят на обходы вместе с дружиной брата, не знал. И что водил команду на болота, чтобы сориентироваться на местности перед Посвящением, тоже... Хотя о том, что кроме одноклассников у Поца друзей не было – догадывался.

– Родителей спрашивать бесполезно, – авторитетно заявил Ариец. – Мать Мишани немножко того, двинулась на почве религии, ничего кроме догмы не видит и кроме «батюшка благословляет» не слышит. Чем Костя и Мишаня занимаются, ее вообще не интересует. Отец пьет, его кодируют, зашивают, по больницам лечат, а он все равно. Неделю назад опять развязался, сбежал из дома и в запое, теперь пока деньги не закончатся и все шмотье не пропьет, не вернется. Ему Мишаня ничего, кроме «здрасьте», уже два года не говорит.

Ариец вздохнул и опустил глаза, явно стыдился, что бросил своего Мишаню одного. А Дон поморщился: от рассказа Арийца несло такой безнадегой, что к ней даже подходить близко не хотелось. И Поца становилось жаль. Немножко. У него была тяжелая жизнь, но если бы все, у кого тяжелая жизнь, становились свиньями – человечество бы поголовно хрюкало.

– И Костя наверняка уверен, что там убили его брата, – задумчиво сказал Ришелье. – Иначе бы сам нашел и голову отвернул.

Витек с Арийцем синхронно кивнули. О воспитательных методах Кости Десантуры они рассказали не так много, но по тому, как отводили глаза и умалчивали, было понятно – о доверии старшему брату там речи быть не могло. Только страх, только хардкор.

Не повезло Поцу.

Из всей команды остались с ним только Димон и Колян, братцы-сантехники. А значит, если Поцу кто-то помогал или кто-то его прятал, то именно они, больше никому. Они же и убивать Дона ходили с ним, и, в отличие от Арийца, не колебались ни секунды.

Правильно сказал Ришелье, самая реальная ниточка.

Хотя, судя по их реакции на известие о смерти Поца, ничего они не знают. Слишком уж были оба приплющенные. Либо слишком уж хорошо притворяются. Нельзя недооценивать противника!

– Найдем для начала Димона с Коляном и расспросим, – озвучил решение Дон.

– Так они и сказали, – буркнул Ромка, машинально трогая переносицу: похоже, до сих пор болела после медвежьего удара.

– Скажут, никуда не денутся, – хмыкнул Ришелье. – Главное, правильно спросить.

Мгновение Ромка смотрел на него с такой явной надеждой на драку, что Дону стало неприятно. Семья – не банда, чтобы впятером на двоих. Да и Коляну еще первого сентября палец сломали, так что завет «око за око» уже исполнен.

– Скажут. Поехали, господа сыщики, – и посмотрел на Арийца: куда едем?

– Сейчас, – кивнул тот и набрал кого-то из близнецов.

На том конце ответили почти сразу, но крайне неласково: тон было слышно, но слов не разобрать.

Дону было крайне интересно, как Ариец договорится о встрече – после такого красивого перехода в другой лагерь это может быть весьма сложно.

– Дело есть. Говори куда – приду, – не стал юлить и пытаться показывать дружелюбие Ариец.

Послушал несколько секунд, бросил: «О`кей», – и обернулся к Семье.

– Таврический сад, около пруда.

Еще одна маленькая неожиданность. Дон думал, Димоно-Колян назначат встречу либо у себя во дворе, либо в одной из ближних забегаловок, либо на «их» чердаке – про него рассказал Витек. Но близнецы показали себя истинными учениками Твердохлебова, который между теплым сухим залом и мокрым, продуваемым всеми ветрами стадионом всегда выбирал стадион.

Димон с Коляном ждали их под старым дубом, расположившись на выступающих из земли корнях, пили минералку из одной бутылки и мрачно смотрели, как мамыши с детьми кормят уток.

На этот раз Дон даже не удивился отсутствию пива или сигарет – после книжной полки Арийца подсознательно ждал чего-то подобного.

Оба «заметили» бывших друзей и бывших врагов, лишь когда Дон остановился в двух шагах. Первым подал голос Димон:

– Чо хотим?

Выглядел он злым и потерянным, но хоть на рожон не полез, и то хорошо. Здраваться, правда, не стал. Ну и ладно.

– Надо информацию о Михаиле, – ровно ответил Дон. – Мы хотим выяснить, что случилось на самом деле.

Теперь поднял глаза Колян, дернул губами.

– На фига?

«Вы с Михой не кореша», – не прозвучало, но так и повисло в воздухе.

За спиной Дона напряглись Ариец с Витьком, им явно было что сказать Димоно-Коляну, но промолчали. Молодцы, ребята. Сейчас не время для разборок.

– Я не хочу, чтобы кто-то из нашего класса оказался следующим. И не верю полиции ни на грош. Поймали ближайших бомжей и успокоились.

Колян отвернулся и выругался сквозь зубы, помянув родню полиции и непарнокопытный рогатый скот. Димон просто сжал кулаки и зыркнул на Дона с нескрываемым сожалением – о том, что он не остался в переулке за гастрономом.

Дон мысленно обругал себя идиотом. Ну да, что Димоно-Коляну до остального класса? Не так с ними надо.

– Друзьями мы не были. Но Михаил все равно наш одноклассник. Тех гадов надо найти и отомстить.

А вот теперь проняло. Близнецы уставились на него очень внимательно. Синхронно нахмурились. Дон даже дыхание затаил: не спугнуть бы!

Наконец Димон медленно кивнул.

– Лады. Спрашивай.

– Когда вы его видели или разговаривали в последний раз? – спросил Дон, внимательно глядя на близнецов: не такие они великие актеры, чтобы правдоподобно соврать, так что если что-то знают о планах Поца, сейчас это станет понятно.

– В субботу виделись, – нехотя буркнул Димон. – Он как с Филькой перетер, так и свалил. За что базар был, не сказал.

Колян молча кивнул, мол, он тоже больше Поца не видел и не слышал. И по обоим было ясно: не врут. В самом деле расстались и больше не встречались.

Досадно. А такая была хорошая версия... Но, может быть, хоть что-то полезное они знают?

– Куда свалил? Что сказал?

– Говорю ж, ничего не сказал! – сплюнул Димон. – Поди знай куда. Домой, по ходу.

– В последние дни что-то необычное говорил? Делал? С кем общался? – не обращая внимания на злость братцев-акробатцев, продолжил допрос Дон, уже понимая, что наверняка ничего стоящего они тут не узнают.

Близнецы задумались, старательно не глядя на Арийца – таким неглядением запросто можно было дырку прожечь. Но обострять не стали.

– Не, – уверенно сказал Димон. – Все как обычно было.

На этом содержательный разговор закончился, а Дон подумал, что таким союзничкам, как Димоно-Колян, он сам бы точно ничего не сказал. Слишком себе на уме.

А с ниточками к Поцу все сложно. Друзей нет, увлечений, кроме своего бандформирования и волейбола, нет. Но не дурак же он появляться в соседней школе после своего «убийства».

Остается только чердак, он же склад и запасная база народной дружины.

Поначалу, когда Ариец назвал адрес, Дон ничего не заподозрил. И когда подъехали к старому дому неподалеку от Русского музея, тоже. Обычный дом, обычный чердак, если не считать хорошо смазанного замка и чистой, отполированной руками и ногами металлической лестницы.

– Здесь его нет, – сказал Ариец, едва поглядев на замок, и полез его отпирать.

Дон пожал плечами: он и не рассчитывал найти Поца так просто. Об этом чердаке знает слишком много народу, чтоб там прятаться.

Внутри тоже оказалось чисто и аккуратно. Совсем не похоже на заброшенное мужское логово, скорее – на помесь казармы и склада. Бетонный пол был выметен, под потолком светила лампочка ватт на сто пятьдесят. Вдоль одной из стен стояли три койки с металлическим изголовьем, застеленные серыми колючими одеялами: то ли больничными, то ли армейскими. По другой стене по ранжиру выстроились стеллажи с коробками сухпайка, канистрами с водой и какими-то коробками с номерной маркировкой. На видном месте красовалось несколько походных аптечек. Поближе к чердачному окошку, под самым скатом крыши, был стол с электрочайником и электрической же плиткой на две конфорки. На нем – разномастные чашки и тарелки. Полку рядом занимали кастрюли.

И никаких следов Поца. Даже завалящей записки типа «приходи в полночь на болота», какие всегда находят великие детективы.

Дон с ребятами все облазили, все обнюхали, и ровным счетом никаких намеков, куда делся Поц, не нашли. А нашел Дон нечто совершенно другое и уже почти ожидаемое...

Его внимание привлекло окно. Чистое, словно только что вымытое, чердачное окошко с видом на соседний дом. Необычно для мужского логова, даже для казармы. А тут к тому же вся стена рядом с окном была исцарапана чем-то похожим на повторяющуюся букву М. Ее уже изучал Ришелье, севший прямо на пол: рядом с окошком нельзя было стоять, только сидеть.

И там, где сидеть, лежало свернутое одеяло, на которое Ришелье и пристроился.

– Здесь был Вася, – буркнул он не то сердито, не то насмешливо. – Всю стену... упс. А это у нас что?

Он вытащил откуда-то из балок около окна армейский бинокль в чехле.

Вся Семья тут же столпилась вокруг, задевая головами скошенный потолок, – любопытно же, что там такое Поц разглядывал.

– Дай-ка, – Дон протянул руку за биноклем прежде, чем Ришелье успел в него посмотреть.

Тот отдал бинокль и уступил наблюдательный пост.

Напротив был серый дом в семь этажей. Какой-то знакомый дом, вот только Дон не помнил, откуда знакомый. И не мог понять, что же такое интересное тут разглядывал Поц, пока, скользя взглядом по окнам, не заметил в одном из них белый кабинетный рояль, а за роялем – девушку с каштановыми косами.

Маринка.

Прямо у окна, в своей собственной гостиной.

Казалось, она совсем рядом. Расстроенная непонятно чем, злая, она воевала с роялем так, что наверняка весь двор слышал даже через закрытое окно.

Если сейчас открыть раму, он тоже услышит, что она играет.

И ребята услышат.

Как слушал Поц.

Черт!

Дон резко опустил бинокль.

От мысли, что какой-то Поц подглядывал за его Маринкой, стало противно, и досадно, и очень захотелось этому Поцу свернуть шею.

Романтик хренов! Нет чтобы смотреть порнушку в Интернете, в окошки подглядывает! Дрочит на моцартовские концерты! Извращенец.

– Ну? – выдохнул нетерпеливый Киллер. – Что там?

Остальные ребята тоже смотрели на него с отчаянным любопытством. Словно на стене дома напротив должно было быть написано, в какое именно болото провалился Поц.

Первым побуждением было сказать: «Ничего», – но Дон его подавил. Нечего врать по мелочам. Да и незачем.

– Там окно Маринки. Шестой этаж, отличный обзор.

Ответом ему был разочарованный выдох. Да уж, вряд ли Поц прячется у Маринки под роялем. Ее родители такого кадра на порог не пустят. Они и на Дона-то в свое время смотрели с большим сомнением: вот если б он был внуком Ростроповича или, на худой конец, племянником Кончаловского, его бы встречали с распростертыми объятиями. А сын никому не известной натурщицы, хоть сто раз будущий великий художник, достоин только проводить их девочку до порога и донести ее портфель, но никак не может рассчитывать на что-то более серьезное, вроде приглашения на обед.

Собственно, после того как Маринка в третьем классе его представила родителям, он больше с ними не пересекался. Иногда провожал Маринку, иногда встречал у подъезда, заходил к ней, когда родители были в отъезде, но терпеть высокомерное пренебрежение не желал – по-настоящему великие никогда не задирают носы, им не нужно ничего себе доказывать за чужой счет. Это всяким Поцам, Котам и прочей мелочи, чтобы почувствовать себя персоной, надо хоть на кого-то посмотреть свысока.

Несчастливые люди.

И как удачно, что у Дона нет к Маринке никакого алогичного и вообще идиотского «чувства ежа»! Еще не хватало страдать, что Капулетти его на порог не пускают.

В болото их.

– Вряд ли мы тут что-то еще интересное найдем, – прекратил Дон понимающие переглядывания между парнями. – Давайте думать, какие еще есть ниточки.

Но ниточек больше не было. Ариец с Витьком снова перебрали все места, где они с Поцем бывали, – но мест этих было крайне мало. В основном они собирались на этом чердаке либо в парке, частенько ходили в патрули с дружиной Кости Десантуры, каждую неделю играли в волейбол с ребятами из соседней школы... и все.

– Может, какие-то кафе, бары? Хоть любимый «Макдоналдс» у вас был?

Витек покачал головой:

– На кафе и бары нужны деньги, а у Мишани их не было...

– Погоди, – радостно перебил его Ариец, словно что-то вспомнил. – Он говорил... Точно! Дня два назад, про какой-то «Париж» или «Парадиз»... и про девчонку там... – С последними словами он посмотрел на валяющийся на полу бинокль, пожал плечами. – Он иногда говорил про девчонок, что с кем-то познакомился, но это все было... туфта, короче. Только когда сильно злился или вот после прошлых майских...

Ариец вздохнул и отвернулся, а Дону на миг стало почти стыдно.

Почти.

И тут же он разозлился так, что если бы Поц оказался поблизости – точно бы шею ему свернул. Извращенцу.

Нечего было подсматривать!

Вот в это самое окно подсматривать.

Что он думал, Маринка – бревно, что ли? Когда родители умотали на гастроли, нормальное дело пригласить в гости своего парня. И ему понятно, что они там не в лото играли.

Так что Поц сам виноват.

– Плевать, все равно надо проверить. Что за «Парадиз», где?

Ариец пожал плечами:

– Вроде где-то за Елагинским дворцом, а там леший его знает.

– Ясно. Значит, сегодня ищем по Сети, завтра после уроков едем.

А сейчас по домам.

Никто не возражал – по домам так по домам. Неудачное расследование всех утомило, да и на завтра, как обычно, задали вагон и маленькую тележку.

И как-то так само собой получилось, что от Арийца они с Киллером отправились к Дону – шарить по Сети, делать уроки, ужинать... Дон даже подумал, что это становится привычкой. Впервые. Он ни с кем из Семьи не сблизился настолько, даже с Ришелье, хоть и всегда думал, что дружбы ближе не бывает.

И ладно.

Дружба – это хорошо и вообще здорово. И Поца они найдут. Но не сегодня.

Глава 16, в которой у мадонны Феличе случается видение, а к Дону стучится шиза

На следующий день поговорить с Маринкой опять не удалось. На первую пару – информатику – она пришла прямо со звонком, такая строгая и ужасно официальная, что кому жизнь дорога – не подходи, заморозит. Дон бы наплевал на строгость и официальность: Маринка всегда, если что-то не в порядке, отмораживается. Но подойти к ней и задать вопрос в лоб не успел, явился Гремлин и начал урок.

Четыре записки, переданные Киллером, Маринка проигнорировала, даже не обернулась. И едва прозвенел звонок, улизнула куда-то с Лизкой, опять же не обернувшись.

Вот тут Дон уже разозлился. Девичьи капризы – дело понятное, естественное, но должны же быть границы! Он и так ведет себя как парень-мечта, разве что «мерседесов» своей принцессе не дарит за неимением лишнего миллиона баксов в кармане. Но мечта – не значит тряпка. И если Марина свет Георгиевна изволят играть в Снежную Королеву, пусть играют без него. У него и без ее выпендра дел хватает. Реферат от Фильки, тренировки у Сенсея, расследование...

Надо бы в «Парадиз» этот сходить, что ли. Последняя ниточка осталась. Кто бы мог подумать, что Поц такой знатный конспиратор?

Стоило подумать о Поце, как его дернул за рукав Ромка – Дон только и успел, что мысленно плюнуть вслед Снежной Королеве и сложить тетради в рюкзак.

– У меня новости, Дон.

У Ромки бы такой гордый и радостный вид, словно он лично поймал Поца, пока все прочие тут прохлаждались.

– Выкладывай.

Ромка и выложил.

Оказалось, вчера вечером, вместо того чтобы мирно сидеть дома и делать уроки, Ромка нашел «Парадиз», расспросил барменшу и выяснил: если Поц там и был, то ни с кем из завсегдаев не знакомился, барменше на глаза не попадался.

– Не то место, где Поц мог бы тусить. Скучно-пафосный бар с бильярдом, из публики в основном офисный планктон. Искать его надо в другом месте.

Ромка так откровенно напрашивался на похвалу, что Дон даже не стал ему выговаривать за самодеятельность и напоминать об опасности.

Бесполезняк.

Если сам до сих пор не понял, то хоть ты ему плакат рисуй, не дойдет.

Так что Дон только похлопал его по плечу, сказал, что рад видеть живым и здоровым после посещения подозрительных значных мест, и предложил всем вместе подумать, как все же найти Поца?

– Остается только чердак. Рано или поздно он придет... – начал Ариец, но его оборвал Ришелье, не дав договорить о подглядывании за Маринкой.

– Ждать его там не имеет смысла, замок внешний, если открыт – видно. А запирасть кого-то на чердаке – это не лучшая идея.

Дон кивнул:

– Логично. Значит, или караулить неподалеку, или придумать что-то техническое.

– Чего придумывать, жучок поставить, всего и дел, – предложил Ромка.

– Дел-то всего, но сначала надо этот жучок добыть, – спустил его с небес на землю Дон. – У тебя есть?

Разумеется, у Ромки ничего подобного не было и быть не могло, как и у всех прочих. Да и толку от записи, если Поц придет и уйдет? Не будет же он сам себе вслух рассказывать, где живет и куда собирается. Но вопрос технической слежки решили прояснить сегодня же, благо в Интернете можно найти все. И в любом случае стоит найти место, откуда можно наблюдать за входом в нужное парадное.

– Чердак напротив? – предложил отмалчивавшийся до того Киллер. – Тоже взять бинокль и посмотреть. Дежурить можно и поочередно, вот только не круглые же сутки там сидеть?

– Чердак напротив – оптимально, – согласился Дон. – По времени тоже без вопросов: когда Маринка занимается, после уроков и часов до восьми. И звонить остальным, если что. В общем, надо туда пойти и все разведать.

Вот только заняться этим сегодня не вышло. Преподы точно сговорились: по примеру Фильки завалили работой по самые уши, а наплевать на домашние задания – это рисковать вылетом. Да и смысла учиться в школе, если не учиться, Дон не видел.

Маринке он все же позвонил. Уже от Киллера, после вкуснейшего лукового супа – наверняка Франц Карлович позаботился! – и ровно перед тем, как сесть за Филькин реферат. Но до реферата ли, если Маринка так дурит? Не на пустом же месте – она не из таких, вдруг там что серьезное?!

Трубку она не взяла. И на эсэмэску не ответила.

Вредничает? Обиделась? Хоть иди к Эльвире и выясняй, что с ней такое.

Дон даже Лизке позвонил, и та даже ответила, но совершенно не по существу. Только:

– Извини, Дон, я обещала никому не говорить.

Он бы сказал ей все, что думает о девчачьей дури, но не стал – никакой пользы, кроме вреда, не будет. Только разобидятся обе непонятно на что.

– Снова тайны мадридского двора? – сочувственно спросил Киллер.

– Девчонки! – Дон дернул плечом. – Может, это другая раса? Негуманоидная.

Киллер согласился, что запросто, и покосился на фолиантище, врученный Филькой. Явно намекал, что исключительно инопланетный разум мог подсунуть двум бедным студентам талмуд на староитальянском, который только переводить надо год.

Дон хмыкнул. Не понимает Киллер, что по сравнению с девчачьими заморочками староитальянский – тьфу! По крайней мере, пониманию поддается, да и добрая треть этого дневника – рисунки. И схемы всякие.

– Давай я переводить буду, вслух, а ты записывай? Так проще, а потом в реферат оформим?

– Давай, – охотно согласился не желающий ломать мозг Киллер.

Дон еле удержался от смеха. Дождался, пока Киллер запустит ноут, – правильно, не от руки же писать, а потом перепечатывать! – и открыл первую страницу дневника.

Прищурился: мелкие буквы так и скакали перед глазами, откашлялся.

– Ага, пиши. «Сего дня, тринадцатого мая месяца, года тысяча пятьсот пятидесятого от Рождества Христова, я начинаю этот дневник, чтобы описать величайшее из свершений, кое прославит имя мое в веках...»

Сначала он хотел написать, что ангел явился ему в сиянии небесном и аромате благовоний, но решил, что в этой истории художественное преувеличение будет неуместным.

Она пришла в третий дом по виа Уффици^[42] обыкновенным весенним вечером, и поначалу не было в ее визите ничего необычайного. Всего лишь незнакомая дама постучалась в его дверь, ей открыл Асканьо – он ревностно охранял покой своего мастера, пока Бенvenuto творил Ганимеда, последний заказ от герцога Козимо.

Работа в тот вечер не спорилась, чему виной было проклятое безденежье. За Персея их светлость так и не заплатил, аванс за Ганимеда лишь пообещал... А мясник, зеленик и угольщик, низкие люди, опять требовали денег, не говоря уже про счета от сапожника и портного – не может же сам Бенvenuto Челлини появиться при герцогском дворе в прохудившихся сапогах и выцветшем берете!

Потому Бенvenuto без сожаления оставил глиняного орла и вышел встречать незнакомку в гостиную, втайне надеясь на самый обыкновенный заказ: брошь или ожерелье, да хоть ангела на надгробие, лишь бы за него платили сразу и полновесным золотом! Пусть это не искусство, пусть его шедевр станет носить толстая супруга негодяя или какой-нибудь мастер гильдии сыроделов похвастается им в кругу таких же низких ремесленников, зато Бенvenuto сможет, наконец, отделаться от притязаний неблагодарного негодяя Антонио^[43]...

Первый взгляд на незнакомку, ожидавшую его у окна во внутренний двор, оправдал его надежды. Отчасти.

Молодость ее давно миновала – Бенvenuto дал бы ей лет двадцать пять, а то и все двадцать шесть. Черты были правильны, милы, но не более; наилучшим украшением незнакомки служили чудесные локоны цвета спелой пшеницы. Наряд выдавал даму состоятельную, с изысканным вкусом, но не высокородную и не желающую блистать. Платье из венецианского бархата отличалось

изысканным кроем, из-под подола выглядывал мысок туфельки, изготовленной лучшим флорентийским сапожником, однако фероньерка была из простого аметиста и серебра, а главное – слишком прямой спине и всей манере гостыи недоставало утонченной хрупкости истинно благородной дамы.

И, что самое странное, дама явилась совершенно одна, без сопровождения. Именно это заставило Бенвенуто усомниться в ее платежеспособности: одинокая дама с полным кошельком на улицах благословенной Флоренции подвергается нешуточной опасности.

– Чем могу служить, мадонна? – обратился к ней Бенвенуто.

Она обернулась от окна, словно бы растерянно, глянула на него – и вот тут Бенвенуто понял, что этот майский вечер он запомнит надолго.

– Маэстро! Только вы можете мне помочь! – проговорила незнакомка с такой надеждой в голосе, что сердце Бенвенуто дрогнуло. – Никто, кроме вас, не сумеет спасти меня...

Он со всей галантностью предложил незнакомке присесть в кресло и утолить жажду прекрасной сангрией, лишь на прошлой неделе поднесенной ему благодарным испанским виноторговцем. К сожалению, благодарность и восторг негоцианта, получившего воистину божественной красоты ожерелье, были не настолько велики, чтобы добавить к сумме заказа хоть десяток золотых, но и два бочонка сангрии тоже неплохо способствуют вдохновению.

– Расскажите о своей нужде, мадонна. Поверьте, я сделаю все, что только в человеческих силах, и да поможет мне Господь. Но сначала выпейте этот чудесный напиток, он поможет вам успокоиться.

– Моя сестра, маэстро... – Незнакомка прерывисто вздохнула и отпила сангрии; по губам ее скользнула мимолетная улыбка. Бенвенуто же обратил внимание, что руки дамы нежны и ухожены не менее, чем руки герцогини. – Воистину изумительный напиток, благодарю вас.

Бенвенуто сдержанно склонил голову, признавая ее правоту, и спросил:

– Позволено ли мне будет узнать ваше имя, мадонна?

– О, прошу прощения, маэстро... вы можете звать меня Феличе, но я оставляю в тайне имя семьи. Дело крайне деликатно... вы же

позволите говорить прямо, маэстро Челлини?

– Разумеется, мадонна Феличе! – воскликнул Бенвенуто. – Считайте, что ваша тайна в руках не менее надежных, нежели руки преподобного настоятеля Санта Мариа дель Фьоре.

– Вы столь благородны, маэстро... однако не передумаете ли вы, когда узнаете... – мадонна Феличе посмотрела на него с отчаянием. – Но я доверюсь вам всецело, потому что если и есть на свете человек, способный своим искусством приблизиться к чуду, то лишь вы.

С этими словами она сняла с пояса вышитый кошель, распустила завязки и высыпала на стол горсть золотых монет, несколько дорогих перстней и золотой медальон старой венецианской работы: раскрыв его, Бенвенуто нашел в нем прядь золотых волос.

– Я понимаю, что это слишком ничтожная сумма за то великое дело, о котором я попрошу, но я не решилась брать с собой больше, улицы Флоренции слишком опасны для одинокой женщины. А сопровождение... смею надеяться, никто не обратил на меня внимания. Ведь я, в отличие от моей сестры, не благородная дама. – Мадонна Феличе чуть грустно улыбнулась и пододвинула горсть монет ближе к Бенвенуто. – Как вы уже догадались, маэстро, моим отцом был весьма знатный дворянин, настолько знатный, что в связи с этой удивительной и печальной историей мне бы не хотелось называть его имени. Мой отец человек воистину благородный и щедрый, он дал мне прекрасное воспитание и позволил быть рядом с моей молочной сестрой. Лилианой. Мы росли вместе...

Мадонна Феличе рассказывала, а Бенвенуто смотрел на нее и думал, насколько же обманчиво бывает первое впечатление. О да, мадонна Феличе не была юной красавицей, ее взгляд не зажег бы пламени страсти в мужском сердце. Но в ее речи, во всей ее позе было столько надежды и смирения, столько любви к неведомой Лилиане, сколько может быть лишь у святой.

– Моя сестра полюбила, как ей казалось, достойного человека. Так казалось и мне; я помогала им тайно встречаться. Лилиана расцветала от этих встреч, ее возлюбленный твердил, что солнце восходит ради нее. Счастье их, однако, длилось недолго. Лилиана открыла свое сердце отцу, умоляла его согласиться на ее замужество. Он отказал. Девица из благороднейшего рода – и безземельный менестрель, младший сын в роду... Лилиана была в

отчаянии. Накануне его отъезда она отправилась к астрологу, и тот изготовил для нее зелье. «Ты заснешь, – сказал этот негодяй моей сестре, – и сон твой будет подобен смерти. Тебя разбудит поцелуй возлюбленного, и тогда твой отец согласится на вашу свадьбу». Так и случилось, синьор, моя сестра заснула. Но ее возлюбленный не пожелал разбудить свою даму! Он уехал, а спустя два дня после его отъезда Лилиана проснулась сама. Однако с тех пор она не сказала ни слова, не выпила ни глотка воды, не съела ни крошки хлеба. Кажется, что с нами осталось лишь ее тело, а где душа, мы можем лишь гадать... Отец наш возил Лилиану в Компостеллу, к мощам святого Иакова, и в Венецию, к святому Марку, и к святой Урсуле. Во здравие моей сестры служат молебны и во Флоренции, и в Риме, но она так и не вернулась к нам. Маэстро! – Мадонна Феличе упала на колени и протянула к нему руки. – Умоляю вас, помогите моей сестре!

– Разумеется! – воскликнул Бенвенуто, не в силах видеть горе прекрасной дамы. Она пришла к нему, одна-одинешенька, рискуя жизнью, так разве может он отказать? – Но что я могу сделать, мадонна? Я ведь не целитель...

– Мне было видение, маэстро. Вот уже пять лет я ежедневно молюсь о моей сестре. И вчера во время мессы я увидела... увидела даму в синем одеянии. Она улыбнулась мне, и сердце мое запело. «Не тревожься более о сестре, – сказала мне эта дама. – Разыщи здесь, во Флоренции, маэстро Бенвенуто, сына маэстро Джованни, и умоли его создать музыкальный инструмент. Песня его струн разбудит твою сестру». И та дама коснулась моей головы, благословляя; и вот я здесь. В ваших руках две души, маэстро, спасите же мою сестру, спасите меня от отчаяния!

– ...я согласился помочь ей, и ни секунды не сожалею об этом. Вернуть заблудшую душу – вот самое угодное Господу деяние! Господь дал мне великий талант, и я не смею зарывать его в землю. Моя лютия превзойдет творения самого прославленного Леонардо...

– ...Моя скромность прямо-таки зашкаливает, мое ЧСВ выше облаков, мои сапоги попирают Вселенную, – заглушил скрип пера мальчишеский голос.

Бенвенуто оторвался от дневника, уже готовый высказать ученику все, что думает о его умственных способностях и наглости, и замер в растерянности.

Бенвенуто?
Почему Бенвенуто?
Вот же черт...

Дон потер виски, зажмурился, распахнул глаза – но Филька на коленях, одетая во что-то немыслимо-средневековое и протягивающая к нему руки в мольбе, так и стояла перед внутренним взором. Как и вся эта сумасшедшая беседа.

– Без обид, Дон, – продолжил Киллер, отодвигаясь от стола и разминая пальцы. – Неужели он правда поверил в эту сказочку? Или это он будущим читателям вырастил развесистую клюкву?

Ага, клюква. Сейчас, три раза! Этот наивный идиот Бенвенуто...

Волна обиды и возмущения захлестнула Дона, словно это его кто-то назвал наивным идиотом.

Он потряс головой, оглядел Киллерову комнату – чисто чтобы убедиться, что он здесь и сейчас, что его зовут Даниилом Горским, а за окном осенний Питер, а не Флоренция шестнадцатого века.

– Дон, ты чего? – забеспокоился Киллер.

– Чертовщина мерещится, – честно признался Дон. – А Бенвенуто в самом деле был редким индюком.

Прислушался к себе, уже без удивления поймав волну обиды: неблагодарный мальчишка! Я отдал тебе все свои знания, весь свой талант, я сделал из тебя достойного человека, а ты... Индюк! Я, великий мастер Бенвенуто Челлини, – индюк!.. Зря я с тобой связался, надо было дожидаться кого-то поумнее.

Дону даже стало стыдно.

В самом деле, для своего века Бенвенуто был очень даже ничего. Ну, не Цезаре Борджиа. Не Макиавелли. Ну так художник же, а не политик. Гениальный художник, да-да. Самый гениальный, только не обижайся, о моя шизофрения.

Бенвенуто обиженно фыркнул, мол, я тебя насквозь вижу. Все вы такие, когда нужна помощь – великий мастер и учитель, а как не нужен – так сразу индюк. Не подлизывайся, все равно не верю!

Ага. Не подлизываюсь.

Просто схожу с ума.

Вон и Киллер смотрит как на больного. Срочная консультация со специалистом по душевному здоровью. Здрасьте, дядя доктор, у меня в

голове живет Бенвенуто Челлини, и я не хочу об этом поговорить! И вас, синьор Бенвенуто, попрошу временно заткнуться!

«Мальчишка! Я не буду с тобой разговаривать, даже если попросишь!»

Не попрошу, еще чего, шизу себе просить!..

– Эй, Дон! Говори по-русски, а? – оборвал безумный диалог Киллер.

– А?.. – Дон захлопнул дневник, знакомый до последней буквы, и для надежности прикрыл его тетрадью. – А я по-каковски?

Киллер хмыкнул и передразнил длинно-ругательной фразой на староитальянском.

– Увлекся, – пожал плечами Дон. – Слушай, но сказочка-то хороша! Хоть сейчас роман пиши.

– Дюма, ага. Мадонна Феличе в исполнении Анжелины Джоли... э... – Киллер резко посерьезнел. – Дон, скажи мне, что это совпадение.

– Совпадение. Мало ли Феличе на свете, друг Горацио, – кивнул Дон, сам себе не веря.

Хотя если это шиза – а это шиза! – то ничего удивительного, что подсознание выдало образ мадонны Феличе в виде мадонны Феличе. И вообще, наверняка в этом дневнике дальше все разъясняется. Бенвенуто был тем еще кобелем, можно зуб давать, он эту загадочную даму оприходовал и все о ней разузнал.

Вот и надо убедиться.

Он даже протянул руку к дневнику, но тут же отдернул. Снова показалось, что он помнит, как писал его.

Помнит ночь, цикад за окном, шелест прибоя и запах водорослей, и шаги где-то наверху, и свой страх...

Чертовщина!

Сжав зубы, Дон снова открыл дневник. Где-то ближе к концу.

И сразу на глаза попались строчки:

«Тринадцатого августа, года тысяча пятьсот шестьдесят девятого.

Мадонна Феличе справлялась, готов ли наконец ее заказ. Да простит меня она и ее несчастная сестра, если только таковая существует под небесами! Но я не могу расстаться с моей гитарой, даже если бы давали золота по ее весу.

Я назвал ее Виолой, ибо форма испанской гитары напоминает многожды увеличенную скрипку, а поет она слаще иной девы. Нимало

не сомневаюсь я, что она излечит загадочный недуг дамы Лилианы, и все же не могу отдать ее.

Даме Лилиане теперь не менее сорока лет, не лучше ли ей дожить, сколь отпущено, в ее счастливом беспамятстве?»

– Виола, – буркнул Дон, листая дневник назад. – Никакой фантазии у мужика...

– Виола? – переспросил Киллер заинтересованно.

Виола. Заколдованное имя. Виола-Цезарио на сцене, Виола-наваждение, девушка-гитара. Виола, сестра Киллера, в которую Дон наверняка бы влюбился и которой на самом деле не существует.

И снова Виола. Везде Виола! Окружает, заманивает...

Нет, стоп. Только истерики на пустом месте не хватало, хуже Маринки, честное слово. Сосредоточиться, надо сосредоточиться...

– Угу, она самая. Вот, слушай:

«Сегодня, около пяти часов пополудни, на меня нашло затмение. Ученик мой, Юлио из Андалусии, будучи в некотором веселии после андалузского же вина, возжелал усладить слух мой напевами своей родной страны, и не придумал ничего умнее, чем взять мою Виолу.

Он даже не подумал спросить позволения!

Он посмел коснуться моего шедевра своими грязными руками! Он посмел предположить, что Виола будет петь для него!..

Глупый, распущенный юнец!

Прости, Господи, но даже сейчас, стоит только вспомнить, как небрежно он нес мое сокровище, мною овладевает страшный гнев.

Тогда же перед глазами моими потемнело, я отнял мою Виолу и велел мерзавцу пойти на конюшню и получить дюжину розог, ибо если юноша не способен думать головой, приходится вразумлять его через иное место.

Отослав же наглеца, принялся осматривать Виолу и, о ужас, обнаружил несовершенство резьбы на грифе! Великий стыд обуял меня, ведь я самонадеянно решил, что труд мой близок к завершению! Какое счастье, что я не успел написать мадонне Феличе, что ее заказ готов. Мой долг – сотворить совершенство...»

– Да он ревнует! – хмыкнул Киллер. Почесал нос. – Так он ее и не отдал, получается? Двадцать лет делал и не отдал?

– Похоже на то, – кивнул Дон, старательно не слушая сердитое бухтение в собственной голове. – Здесь в конце должно быть...

Последние записи были датированы семьдесят первым годом, последним годом жизни Челлини, и сделаны той же рукой, но почерк разительно изменился. Если первые страницы были заполнены ровными строками и украшены завитушками, то на последних крупные буквы прыгали, строки находили друг на друга, там и тут красовались брызги чернил и было явно видно, что писавший их плохо видит и едва удерживает в пальцах перо. Почему-то читать эти прыгающие строчки не хотелось просто до отвращения, до головной боли и тошноты, но не признаваться же Киллеру, что ему страшно?

Страшно.

Именно.

Там, на этих последних страницах...

Бенвенуто преследовал злой рок. С тех самых пор, как он впервые взялся за перо, чтобы написать мадонне Феличе и сообщить, что ее заказ готов, и до того ужасного дня, когда его Виола, его великий шедевр и сумасшедшая страсть, пропала.

Он знал, кто унес ее. Мерзавец Юлио. Алчный, бездарный юнец, не способный сотворить ничего сам, украл Виолу и продал. Что ему посулили? Какие сокровища стоили столь гнусного предательства?

Без Виолы жизнь Бенвенуто утратила смысл и вкус. Даже незавершенный труд, «Искусство ваяния», больше не влек к себе. Ни к чему делиться мудростью с юнцами, если им не нужно ни мастерство, ни искусство, а лишь легкие деньги, вино и женщины.

Все тлен и суета.

Больше не слышно легких девичьих шагов в запертой мастерской, где хранилась Виола.

Не чудится по ночам нежный напев.

Нечего прятать. Нечего бояться.

Безумие прошло, но с ним прошла и жизнь.

А на столе так и лежит недописанное письмо. Не хватает лишь трех слов: «гитара готова, приезжайте».

Бенвенуто в последний раз провел рукой по стене, где совсем недавно висела его Виола, и пошел к столу. Вернее было бы сказать, побрел – в последнее время его особенно сильно мучила подагра, и трость из щегольства превратилась в печальную необходимость.

Сощурившись, чтобы буквы не расплывались, Бенвенуто обмакнул перо в чернильницу и тщательно, крупно вывел:

«Сим извещаю вас, мадонна Феличе, о безмерной печали моей. Змей, пригретый на моей груди, уязвил меня своим безбожным жалом; прознав о завершении великого труда моего, похитил Виолу и покинул пределы Флоренции...»

Рука дрогнула, и с кончика пера сорвалась капля, забрызгав лист уродливыми пятнами.

Бенвенуто хотел было позвать Асканьо, чтобы тот выскоблил кляксу, но вспомнил, что послал его разузнать о судьбе Виолы и найти мерзавца Юлио. Он выгнал из дома всех – учеников, детей, слуг, велел не возвращаться, пока не узнают хоть что-то о Виоле.

Придется брать новый лист, а бумага нынче дорога, и писать становится все труднее. Да и к чему писать? Признаться, что дело всей его жизни пошло прахом и что сотворить вторую Виолу он не сможет, ибо стар и немощен?

Нет. Великий Бенвенуто Челлини закончит свой путь творцом, а не жалким неудачником.

Скомкав лист, Бенвенуто швырнул его в дверь, за которой его не ждало больше ничего.

Именно в этот миг дверь открылась, впустив ту, кого он меньше всего хотел видеть.

– Зачем вы явились, мадонна? Ваш заказ не готов.

Нежданная гостья скинула капюшон и грустно улыбнулась; Бенвенуто уже безо всякого удивления отметил, что за двадцать лет их знакомства она ничуть не изменилась. Она же тем временем подошла, сняла с пояса набитый кошель и уронила его на стол.

– Довольно лжи, маэстро. Вы сделали гитару, я знаю, так сыграйте же мне, наконец!..

Что было дальше, Дон не видел. Его внезапно выбросило в реальность, словно рыбу на сушу – хватать ртом воздух в полном обалдении и спрашивать себя: что это только что было? Не кто, здесь он бы рад усомниться, да не выходило. Но что? Что Феличе сказала? И не она ли послужила причиной смерти маэстро?

Дон с силой потер виски: перед глазами все плыло, во рту стоял отвратительный привкус старости и немощи, даже суставы ломило, словно ему было семь десятков лет.

Надо было снова заглянуть в дневник и прочитать последние страницы, их оставалось три, не более...

Но заставить себя Дон не смог.

Отложил дневник, поднял голову, встретился взглядом с каким-то ужасно сосредоточенным Киллером.

– Дон, – тихо спросил тот. – Ты веришь, что Филька дала нам этот дневник просто так?

Глава 17, в которой грибники пьют, а волки поют

В рваных облаках тонуло, цепляясь за верхушки сосен, косматое оранжевое солнце. Над лесом замерла тишина.

Не та хрупкая осенняя тишина-предвкушение, которую любила Феличе. И не та живая лесная тишь, в которую вплетается то птичий посвист, то шорох лапок в сухой траве. Эта неестественная тишина давила, колола ознобом и требовала орать во все горло, срывать голос – лишь бы услышать хоть что-нибудь.

Но орать было некому. За все полтора часа, что Феличе с Сенсеем шли к болотам, им не встретилось не то что человека – ни синицы, ни ежа, ни даже запоздалого сентябрьского комара.

Умные лесные твари ушли-улетели от греха подальше, а кто не мог убежать или уползти, зарылся поглубже и старался дышать как можно тише.

Чтобы не услышали. Не унюхали.

Хозяева леса отлично подготовились к сегодняшней ночи. Будь Феличе живой и умей бояться, бежала бы сейчас от этого леса к ближайшей церкви. Но единственный, кто был рядом и в теории умел бояться, только настороженно принохивался и тихо фыркал на туман, белесыми капельками оседающий на бурой шерсти.

Внезапно распоровшие мертвую тишину вопль далеких динамиков и всплеск разудалого веселья были настолько неуместны, что Феличе не сразу поверила в их реальность.

Сенсей замер под рукой, настороженно повел ушами.

– Гр-рибники, – проворчал с нескрываемым сожалением. – Пьют.

Это были первые сказанные им слова «не по делу» за всю неделю.

Отвратительную неделю.

Феличе искала Дунаева, подняла на уши всех продюсеров, администраторов, чуть ли не сторожей – и ничего не нашла. Дунаев был, но его не было. Никто не видел, никто ничего не знает. Но афишут она видела! И приглашения, написанные его рукой, тоже. А сам Дунаев спрятался.

Феличе погладила Сенсея по вздыбленному загривку.

Он не одобрял ее поисков, но помогал. Не потому, что не мог отказать, – по большому счету она не была его хозяйкой, лишь исполняла обязанности.

Временно.

Пока они оба этого хотят.

Так получилось, а почему – они оба предпочитали не задумываться.

Зато Сенсей был единственным ее настоящим другом. Живым другом. Он тоже заставлял ее сердце биться, но совсем не так, как Дунаев и сотня других мальчиков и девочек до него.

– Плохое время для грибов, – тихо сказала Феличе и едва заметно подтолкнула Сенсея вперед: у людей еще есть шанс уйти из леса до захода солнца. Всем будет лучше, если они успеют.

Волк выскользнул из-под ее руки и растворился в редких кустах, Феличе пошла за ним: туман угодливо стелился под ноги, почти нес ее на себе – быстро, много быстрее, чем шел бы любой человек. Несколько мгновений – и отвратительный матерный шансон заполнил пустоту леса, а перед Феличе открылась поляна, залитая обманчивым вечерним солнцем сквозь лысоватые кроны сосен.

Здесь, на лавочках рядом с мангалом, расположились обыкновенные питерские грибники: четверо мужчин лет по сорок и две девицы. Глупые и глухие люди.

Впрочем, самая капля ума или везения у грибников была. Они включили свою дикую мертвую музыку – плеер с диском или какую-то еще техническую подделку. Музыка, сыгранная машиной, записанная машиной и звучащая из машины, – пустой набор бессмысленных звуков. Даже тот «голос певца», что доносился из динамиков, содержал жизни меньше, чем скрип сухостоя. Зато мат из динамиков вполне мог отпугнуть тех, кто сегодня хозяйничал в лесу и на болотах^[44]. До захода солнца.

Но никакой больше защиты у грибников не было, даже нательных крестиков. И ума, чтобы прочитать предостерегающие знаки и не соваться нечисти в пасть, тоже. Наверняка знаки были – по конвенции, не меньше трех каждому человеку. Жаль только, что современные люди не верят в «суеверия» и не слышат собственных инстинктов, заглушая их алкоголем и все той же недомузойкой.

Странные люди. Слушают мертвую музыку, едят мертвую еду. От одного запаха могло бы стошнить, если бы для Феличе имели значение запахи: спирт, уксус, какие-то химикалии и почему-то арбуз. Летний солнечный аромат совершенно не вязался с промозглой хмарью, поднимающейся с земли, и оплетающими добычу щупальцами тумана.

Да и вся эта картина своей изысканной нелепостью могла бы вдохновить художника-неореалиста.

Грибники пили.

Что-то тягуче-розово-спиртовое, отчаянно пахнущее арбузом, из прозрачных пластиковых стаканчиков.

Грибники смеялись своим глупым шуткам и лапали девиц за обтянутые джинсовыми юбочками попы. И грибники, и девицы закусывали колбасой, солеными огурцами и маринованными грибами из банок, а одна из девиц увлеченно хрустела чипсами.

И все это – в абсолютно пустом на многие километры лесу, из которого ушли даже ежи и белки.

Пожалуй, если бы это были идиоты-сатанисты или какие-нибудь наркозависимые поклонники Ктулху, Феличе оставила бы их в покое и уговорила Сенсея не вмешиваться. В конце концов, если в лес пришли те, кто очаровался романтикой греха, польстился на смутные обещания непонятно чего и добровольно отдал себя «той стороне», это их выбор. Не надо было соглашаться и лишаться защиты конвенции. Но эти? Просто люди. Пусть не светочи интеллекта и не образчики добродетели, но они никому не обещали отдать свои души.

Нет уж. Тут кое-кто обошел конвенцию и наплевал на требование трезвости и сдержанности. Значит, и Феличе может слегка подтолкнуть людей в нужную сторону. Даже не сама. Сенсей все сделает и без ее просьбы, насчет дальнейшей судьбы этих людей их желания совпадают. Да и перед сегодняшней ночью ему не помешает немного повеселиться – в Посвящении нет ничего приятного не только для студентов.

Волчья морда как раз показалась из кустов напротив беседки, сморщилась...

Вот ему на запахи было не плевать. Он даже не всякое вино мог пить, а алкоголь из питерских магазинов считал неудачной попыткой создать средство от клопов. Что уж говорить про чипсы или насквозь химическую колбасу?

Волк оглушительно чихнул. И еще раз, с крайне недовольным видом.

Но грибники не слышали за грохотом басов и собственными увлеченными речами.

– ...настоящая ростовская арбузовка! – словно не слыша шансона, сообщил приятелям самый здоровенный из грибников, одетый в камуфляжную куртку и синие спортивные штаны. Поднял бутыль, открутил крышку, пошевелил носом. Довольно крякнул. – Арбузовка, значит, должна быть прозрачная, как слеза. Берешь лопнутый арбуз, серединку вынимаешь и в бочку ее! Потом...

Собутыльники внимали с благоговением, даже девицы перестали хрустеть чипсами.

Сенсей вышел из кустов. Подгрёб лапой вторую бутыль – уже полупустую, оставленную непонятно почему в сторонке.

Его снова не заметили: рассказчик сидел к кустам спиной, а остальные смотрели исключительно на арбузовку.

– Минздр-рав предупр-реждал, – проворчал Сенсей и наступил на бутыль лапой.

Пластик затрещал, перебивая «музыку».

И тут же по лесу разнесся басовитый рык: еще в Оверни Сенсей в совершенстве освоил искусство рычать громче бенгальского тигра и отовсюду сразу.

Грибник оборвал речь и обернулся, все так же держа перед собой стаканчик, налитый вслянь розовой дрянью. Держал – и уронил, потому что Сенсей улыбнулся.

– Собачка... – пролепетала девица, смяла с отчаянным хрустом пакет из-под чипсов, и сама же подпрыгнула от звука: плеер все так же вопил, но уже не заглушал ждущую тишину леса. Наоборот, внезапно грибники осознали, что никого вокруг нет и родная полиция их не сбережет. А девица упрямо повторила, совсем тихо и срываясь на писк: – Хорошая собачка...

Сенсей улыбнулся шире, пнул лапой бутыль, так что она покатилась к замершим на месте грибникам, и выразительно сказал:

– Гав.

С тем же успехом он мог сказать «мяу» или процитировать Омара Хайяма на языке оригинала, все равно грибники ничего не поняли. От них шла такая волна животного страха, что Феличе поморщилась:

юмор Жеводанского оборотня ни на грош не изменился за три сотни лет. Все так же обожает пугать крестьян.

Ладно, напугал, и хватит пока. Страх – слишком лакомая добыча для местных.

Феличе вышла из-за сосны, аккуратно нажала кнопку «стоп» на плеере и с вежливой улыбкой пояснила подпрыгнувшим на месте грибникам:

– Ужасная музыка, от такой и озвереть недолго.

– Дрянь, – подтвердил Сенсей вполне членораздельно даже для человеческого уха и рявкнул, как сержант на плацу: – Мусор собрать! Быстро!

Совершенно потерявшим соображение грибникам потребовалось меньше минуты, чтобы запихать в пакеты все, что они набросали, подхватить свои сумки и замереть – все это не отрывая замороженных взглядов от Сенсея.

Феличе тоже было приятно на него посмотреть. Красавец! Шерсть бурая, шелковистая, с выразительной черной полосой вдоль хребта. Зубы белые, здоровые и острые, чистит два раза в сутки и регулярно посещает дантиста. Глаза желтые, в лесном полумраке светятся. И улыбка – воплощенное очарование. Когда-то, в лесах Оверни, именно эта улыбка убедила Феличе, что ей просто необходим ручной волк, который умеет одной улыбкой убедить кого угодно в чем угодно.

Вот и теперь грибники, прижав к себе свое нехитрое имущество, смотрели на Сенсея с почтением, благоговением и трепетом, как и положено крестьянам смотреть на сеньора.

– Трезвость и чистота суть залог долгой жизни, – изрек Сенсей и внимательно оглядел людей. Во всей его царственной позе, в свете желтых глаз читалось: «А кто не согласен, тот – обед».

Грибники были согласны. Они даже повторили хором, три раза для лучшего усвоения. И строем, с песней, пошли домой. Пели они матерные частушки – фальшиво, зато громко и с чувством.

Пока грибники не скрылись среди редких сосен, Сенсей им подпевал во всю мощь волчьей глотки. Очень проникновенно. А потом замолк и склонил голову набок, глядя на Феличе. Мол, разве я не молодец? Конечно, был бы совсем молодец – проводил бы людей до опушки, куда лесная и болотная нечисть уже не суется, но время,

время! Студенты под водительством Эльвиры уже в лесу и через час будут на месте.

– Твои педагогические методы достойны Нобелевки! – Феличе улыбнулась, протянув к нему руки: она тоже понимала, что шанс людей покинуть лес до заката есть, но без нее и Сенсей – пятьдесят на пятьдесят. Либо смогут, либо нет.

Сенсей тут же положил лапы ей на плечи и облизал лицо.

– Фу, перестань! – попробовала отмахнуться она. – Мокрый! Псиной пахнешь!

– Правильно пахну, местным нравится, – согласился Сенсей, задрал морду и принюхался. – Хозяева вышли, слышишь?

Феличе тоже прислушалась и пожала плечами:

– Рано, солнце еще не село. – Подразумевалось: «Мы сделали все, что могли».

– Надеюсь, все помнят о конвенции, – проворчал Сенсей достаточно громко, чтобы его слышали.

И словно в насмешку, частушки оборвались на полуслове, визгливо вскрикнула девица, пахнуло страхом и болью... Сенсей рванулся вслед за людьми, готовый растерзать наглую нечисть, но Феличе удержала его, вцепившись в шерсть на загривке.

– Поздно. Стой, да стой же! Поздно...

Вместо ответа Сенсей зарычал – без слов, но так, что искривившиеся сосны поспешно выпрямились, а туман втянулся в землю и затаился. На месте лесной нежити Феличе бы, пожалуй, сбежала. Вдруг не запомнил и не найдет? Хотя толку-то... уже запомнил.

Видимо, кое-кто тоже считал, что прятаться бесполезно.

– Не стоит так уж яриться, сударь, – прошелестел мягко-укоризненный голос.

От одной из сосен – справа, совсем не в той стороне, где исчезли люди, – отделился мужчина лет тридцати.

Длинное узкое лицо, светлая кожа, широкие светлые брови. Длинные ресницы. Яркие полные губы. Завораживающая полуулыбка. Стянутые в небрежный хвост рыжеватые волосы. Зеленый свитер нарочито грубой вязки. И «Никон» на груди.

Богема. Классический фотохудожник.

Вот только глаза... Миндалевидные, зеленые, как молодая трава, еле заметно мерцающие в тени. Странные глаза.

Но кто обратит внимание на такую мелочь? Кто заметит, что он и пахнет не как человек – ни примеси запаха тела. Легкий цитрусовый аромат, почти скрывающий запах тины, мокрой земли и начинающего преть камыша.

Впрочем, наблюдательные заметят. А остальные...

А остальные только что не дошли до опушки.

Что ж, если сегодня кое-кто предпочел сытный обед хорошему отношению Сенсея – это его выбор и его проблемы. Большие проблемы. Тонны на полторы зубов, когтей и злости.

Как удачно, однако, что Сенсей не человек и его эмоции Феличе не задевают, если она сама этого не хочет. Как и эмоции болотника и прочей нежити. А людей – живых людей – рядом уже нет.

Болотник словно услышал ее мысли. Улыбнулся, показывая зубы.

Наверняка болотники не едят стоматологов, подумала Феличе. Любой стоматолог заметит, что у собеседника нет коренных зубов. Только передние резцы, а начиная с четвертого – клыки. И неважно, что размер вполне обычный, человеческий. Редкая жуть, особенно когда в крови после обеда.

– Мы конвенцию не нарушаем. Люди сами пришли, знаки проигнорировали, уходить не собирались. Все было по закону, господа.

Сенсей зарычал, подался к болотнику и начал расти. Сначала его тень – словно ее отбрасывал не волк, а косматое чудище размером с носорога, причем эта тень тоже рычала, скалила зубы и светила алыми глазами. И с запозданием на секунду появился сам Жеводанский Зверь: полторы тонны ярости и жути.

Болотник все же попятился. Закон или нет, если Зверь бросится, от него мокрого места не останется.

А Феличе, поморщившись, ухватила Зверя за холку и, пока он не успел опомниться, выпила все полторы тонны ярости. Хоть болотник и навалился, но не сейчас же!

– Стоять, – велела она Сенсею. – Потом разберетесь между собой. Сегодня мы в одной лодке.

Сенсей замер, не закончив шага, опустил морду и покосился на нее обиженно и виновато. А болотник раскрыл рот, собираясь что-то еще сказать.

Наглая тварь!

Чужая ярость в крови вспыхнула огнем, обожгла Феличе и выплеснулась на болотника – сам виноват! Надо уметь вовремя заткнуться!..

Прикрывая обожженное лицо позеленевшими руками с перепончатыми пальцами, болотник отскочил за куст и оттуда что-то тихо пробормотал насчет закона.

– Еще слово, и ты получишь все, – пообещала ему Феличе. – Мало не покажется.

Ей и самой мало не показалось. Теперь изжога на пару часов, а то и на всю ночь. Как же некстати!

Проворчав под нос что-то еще недовольное, Болотник махнул рукой, мол, следуйте за мной, Хозяин ждет.

Оставшийся путь они прошли быстро – тропой для особо важных гостей, а может, и для особо скандальных. Сенсей даже не успел высказать Феличе недовольства ее методами разрешения конфликтов. И хорошо, что не успел. Она и так знала, что ему не нравится, когда она забирает его злость. Ей и самой не нравилось, и он тоже прекрасно об этом знал. Как и о том, что нежить перед Посвящением должна быть сыта.

Но болотник все равно наглец и сам нарвался. Мог бы дать людям отойти подальше, чтобы они с Сенсеем ничего не слышали, а потом только спускать своих с поводка.

Зато Сенсей успел в пятый, наверное, раз напомнить, что он был против того, чтобы давать мальчикам дневник Бенвенуто меньше чем за неделю до Посвящения. Феличе и сама не была до конца уверена, что Дон справится, но и оставлять его по-прежнему в неведении не могла. Она же не виновата, что мусорщики потеряли берега, и что Дунаев ожил, и что Посвящение пришлось перенести! Дон должен был прочитать дневники в начале октября, чтобы у него был месяц на осмысление... Ладно, он и так справится. Дон – взрослый и разумный человек, куда разумнее и взрослее того Бенвенуто, с которым Феличе познакомилась в Италии семнадцатого века. Парочка столетий между жизнью и смертью заставила его поумнеть.

– Хватит. Сейчас не время и не место, – оборвала она Сенсея аккуратно за мгновение до того, как сосны расступились и тропа лешего выпустила их на болота.

Совещание нечисти до боли походило на шабаш грибников, разве что вместо полянки в лесу они расположились на пологом холме посреди болота, а музыку играл не плеер, а юноша на дудочке. Ну и девок никто не тискал, хотя девки присутствовали. Целых три, как на подбор красотки. Полуголые, несмотря на погоду. Все три отчаянно строили глазки товарищу Твердохлебову, стараясь не поворачиваться к нему спинами – ввиду отсутствия таковых. А товарищ Твердохлебов восседал на коряге как на троне. Правда, вместо мантии лесной Хозяин был облачен в джинсы, пуловер швами наружу и кожаную куртку, тоже швами наружу. А символом власти служил неизменный тренерский свисток – не обычный пластиковый или металлический, а резной деревянный, старорусского образца детская свиристелка. Этой свиристелке лет было поболее, чем Санкт-Петербургу, и звук ее имел некоторые особенности... но, слава богу, ученики Твердохлебова об этом не задумывались. Именно на этот свисток очень внимательно смотрел мокрый, изящного сложения господин с жабрами на шее, что-то убежденно втолковывающий лешему. Господин пах морской солью и рыбой, а его гавайские шорты и золотые часы упоительно дисгармонировали с прохладным осенним вечером и подсохшим от отсутствия дождей болотом.

Едва выйдя из леса, Феличе обернулась: ей всегда было любопытно, увидит ли она, как отступают деревья или исчезает тропа? И как всегда, лес ничего ей не показал. Как стояли сосны в полукилометре от холма, так и стояли, даже не шелохнулись. Лес не считал ее добычей. Но и не любил. Скорее, просто не замечал.

А вот Твердохлебов наконец заметил. Отстранил водяного и помахал рукой в приветствии. Мавки, кикиморы и прочие участники производственного совещания притихли, даже Лель отложил дудочку.

– Все в сборе, все готовы? – Голос Твердохлебова здесь, на месте древнего капища, звучал совершенно иначе, чем в городе. Словно ветер в кронах, или эхо среди сосен, или скрип древнего дуба. Он и выглядел иначе, несмотря на человеческие одежды. Хозяин и есть хозяин, хоть корягой прикинься. – Эльвира почти на месте.

– Можно начинать, – отозвалась Феличе и обернулась, почувствовав на себе злой взгляд болотника. Что ж, придется сказать ему пару слов на ушко, чтобы не вздумал отыгрываться на детях. Даже одного слова будет довольно: «Морена».

Его она и шепнула, одними губами, только для болотника. Тот услышал, понял и недовольно отвернулся – связываться с драконом ему хотелось куда меньше, чем с оборотнем и высшей.

Твердохлебов едва заметно улыбнулся их молчаливому диалогу и поднес к губам свою свиристелку. Над болотами пронесся неслышный вздох, где-то далеко взлетела с граем стая ворон, туман пополз вверх по холму. А сам леший обвел тяжелым взглядом подданных – одного за другим. Первым он глянул на болотника, и человеческий образ истаял: растворился «Никон», зеленый свитер пророс чешуей и тиной, рот растянулся, показывая загнутые внутрь рыбы зубы, в глазах загорелся зеленый гнилостный огонек. Щелкнув зубами, болотник присел – и гигантским лягушачьим прыжком исчез в белесой мгле.

Следом Хозяин глянул на мавок – их платьица потекли тиной, волосы заколыхались, кожа побелела, и они растаяли, оставив после себя лишь тихий призывный смех... Почти тут же водяной шагнул в сторону, в единственную на островке лужицу – небольшую, по размеру ноги – и опал водяным столбом. Лужица взбурлила и тут же без остатка впиталась в землю.

Феличе поежилась.

Через этот обряд она проходила каждый год уже пятнадцать лет, но находить в нем хоть что-то приятное так и не научилась.

Страх, холод, пустота.

И ни одного воспоминания о происходившем – после.

Твердохлебов посмотрел на нее.

«Ты готова?»

«Да».

И стало темно.

Глава 18, в которой некто выходит из тумана

Сырой мох противно хлопнул под кроссовкой.

Дон поморщился.

О Посвящении ходило столько баек, что реальность казалась оскорбительно пресной: три часа бодрым шагом по пустому лесу, сначала по цивилизованным дорожкам, а теперь вот по грязюке, едва прикрытой вечерним туманом. Ни тебе собачки с девонширских болот, ни жутких лесных хищников – топай себе, дыши воздухом! Еще и громко не говори, Эльвира сразу шикает.

Ну хоть шептаться не запретила, и на том спасибо.

Пошептаться с ребятами было о чем.

Последние два дня, с совместного чтения дневника и до Посвящения, Дон постыднейшим образом прятался. Написал Фильке записку, мол, заболел, температура, хотелось бы подлечиться до Посвящения, попросил Киллера ее передать и осел дома. Даже не интересовался у дежуривших Кира и Арийца, не объявлялся ли Поц на чердаке. До Поца ли, в самом деле, когда собственный чердак не в порядке?!

Одни сны о жизни Бенвенуто чего стоили! Дон просыпался, не понимая, кто он и где он, в первое утро назвал Киллера Асканьо и спросонок велел принести умыться и ночной горшок... хорошо хоть по-итальянски, а то со стыда бы сгорел. Это ли не бред и лихорадка?

И встречаться с Филькой не хотелось.

Тут уж или включай идиота и верь в случайные галлюцинации, или делай выводы – а выводы стремные! Судя по дневнику, ей как минимум пять сотен лет...

Нет, думать об этом всерьез совершенно невозможно. Это же еще невероятнее, чем допустить, что Эльвира в самом деле ведьма и летает на помеле.

Кстати, эта ведьма как-то подозрительно перестала шикавать на студентов и вообще обращать на них внимание. И тропа куда-то делась, а туман сгустился. Надо зажечь фонарики, странно, что Эльвира не скомандовала, темно же совсем!

– Киллер, держись ближе! Ромка, Кир, не отры... – обернувшись к ребятам, шедшим позади, Дон замолк на полуслове. Позади никого не было, только туман, редкие сосны и болотные коряги. – Кир? Эрик?

Ответа не было.

Хуже того, ощущение плеча рядом тоже пропало.

Дон резко развернулся обратно, протянул руку – и наткнулся на колючий куст.

– Киллер? – позвал он, уже понимая, что остался один.

Все четыре десятка человек, которые шли по лесу, пропали. Потому что там, где столько народу, не может быть такой тишины. Ватной. Настороженной. Без единого хруста или отголоска шагов. Без единого электрического луча, а ведь фонари есть у всех.

Вашу же мать!

Очень захотелось побежать, заорать во все горло – не может же такого быть, чтобы все разом провалились! Тут и проваливаться-то некуда, до трясины пара десятков километров, а то и больше. Не растут сосны на трясины!..

Или растут?

Или дело вовсе не в трясины?

Надо позвать ребят.

Сейчас же.

Ну?

Дон открыл рот, набрал воздуха – и вместо голоса из горла вырвался задушенный сип, и кашель, и почему-то туман резко запах формалином и какой-то еще музейной гадостью.

Сорвав с плеча рюкзак, Дон нащупал фонарик. И нож рядом с ним. Старый охотничий нож, подаренный Филькой на прошлый день рождения.

Жаль, не серебряный... вот бы сейчас пригодилась коллекция из Киллеровой квартиры! А то выйдет из леса Жеводанский оборотень, а у Дона даже синей ленточки нет, не говоря уже про серебряные пули...

Ну же, почему ты не горишь? Давай, фонарик, зажигайся!..

Кнопка сработала только с третьего раза. Хотелось бы верить, что это потому, что руки дрожат, а не потому, что батарейка сдохла.

Узкий луч прорезал туман и уперся в дерево. Вильнул вправо – и снова дерево. Еще – куст. Куст? Странной формы куст, и туман вокруг него так клубится, словно обтекает чью-то голову...

Успокойся, Дон. Это всего лишь лес, а не Кунсткамера. Здесь с тобой ничего не случится. Опасности нет.

Вдохни. Выдохни. Держи фонарь ровно и достань компас. Туман или не туман, нужно дойти до места сбора. Обязательно дойти. И привести ребят – они где-то рядом.

Мысль о том, что без него ребята могут и потеряться в тумане, слегка отрезвила. Даже руки перестали дрожать, а луч фонаря – метаться между кустами. Даже сердце чуть успокоилось и не так грохотало в ушах.

Достаточно успокоилось, чтобы Дон смог расслышать шаги.

– Кто тут? – он резко развернулся в ту сторону, откуда послышался звук, и выставил перед собой фонарик.

Луч выхватил из тумана корзинку. Обычную такую плетеную корзинку, пластиковую. Разноцветно-полосатую, накрытую платком.

Точь-в-точь в такой когда-то бабушка-соседка носила с рынка грибы. А ведь и сейчас грибами пахнет!

– Сынок, – проскрипело над корзинкой, и Дон машинально поднял фонарик повыше. Размытый в тумане луч осветил старуху. Лет восьмидесяти, не меньше! В платке с розами. И пальто розовое. Совсем не для леса пальто! И не для грибов.

– Помоги бабушке, бабушка старенькая, вон, грибочков набрала... – Старуха вперевалку шагнула к нему, явно прихрамывая на левую ногу. – Тяжелые они, грибочки-то! А тут вон какой туман, заплутала совсем! Ты уж помоги, мне б только на дорожку выйти...

И говорит как-то карикатурно. Как ведьма в страшной сказке. Как... да, точно! Как у Гауфа, в «Карлик-Носе»! Ты ей поможешь, а она тебе в награду нос на три метра.

Тут же стало стыдно. Ну какой Карлик-Нос? Обычная старуха, и идти ей тяжело, и страшно здесь – темно, туман, под ногами хлюпает. Вот только как же ребята? Если выводить бабусю, надо идти на север, а если к месту сбора на болотах, то на юг. Но не бросишь же ее тут, и с собой не поведешь...

Елки зеленые! Куда же все подевались, а? Какой леший их увел?

Подумал про лешего и чуть не стукнул себя по лбу фонариком. Дурак, вот же дурак! Вперся в лес, а лешего не уважил. Нелогично? Суеверия и бабкины сказки? Плевать. Когда целых два класса

галдящих ребят сгинули в тумане, не до логики. Даеть суеверия... Эх, зря бутербродов с собой не захватил, но кто ж знал...

– Сейчас, бабушка, помогу вам. Минуточку, погодите, – сказал он, беря фонарик в зубы и стягивая сначала рюкзак, а следом куртку.

– Что это ты делаешь, сынок? – Удивилась старуха и тут же всполошилась: – Холодно же, простудишься!

– Вы бы хоть перчатки вывернули, бабушка, – буркнул изнутри свитера: тот был с узким горлом и никак не хотел стягиваться, пока Дон не убрал фонарик изо рта. – Хозяина уважать надо.

Наконец Дон победил свитер, вывернул и натянул обратно: хоть и подмерз немного, а все лучше, чем переобувать кроссовки с левой ноги на правую и наоборот.

Глянул на старуху – странное дело, несмотря на ночь, туман и выключенный фонарик, он отлично ее видел. Не в цвете, правда, и размыто, и сам туман слегка светился голубым неоновым светом... нет-нет, не думать о странностях. Спишем на ответ лешего. Мол, кто уважает – тому подсветка за счет принимающей стороны. Лишь бы только без стрип-шоу от Бабы-яги и приватного танца кикимор, это было бы слишком...

А старуха недоуменно свела кустистые брови.

– Да ты что, сынок, какой такой хозяин? Лесник, что ль? Да откуда ему тут взяться? Ох, молодежь, молодежь...

Дон пожал плечами. Не хочет – и фиг с ней.

– Давайте, помогу. Только до дорожки далеко, километра два.

Может, и правильнее было бы отвести ее прямо до станции, но время, время! К точке сбора опоздаешь – полбеда, а вот то, что Семья за это время разбредется леший знает куда, в таком-то туманище... Нет, никаких станций!

До дорожки, и все тут. Тем более там и беседка есть, с лавками, хоть ночуй. Он ей даже спальник оставит и бегом обратно.

Два километра обратно дались почему-то страшно тяжело. Может, от беспокойства за потерявшихся в тумане друзей, а может, из-за корзинки. Кирпичей туда, что ли, напихали? Да еще то и дело приходилось оборачиваться и проверять, не потерялась ли старуха: хоть она и переваливалась, как утка, и пыхтела, как паровоз, но туман чудесным образом съедал все звуки. То есть когда Дон видел бабку, то

и слышал ее шаги, а как только она оказывалась за спиной – все, тишина. Как проваливалась.

К тому времени как из тумана показалась беседка, Дону казалось, что проклятая корзина весит килограммов пятьдесят. А может, и сто! И раз сто он пообещал себе, что больше никогда, ни за что не будет таскать корзинки всяким бабкам! А вообще им крупно повезло, что вышли прямо к беседке. Легко могли промахнуться на полкилометра, даже с компасом.

– Вот она, дорожка. – Он поставил корзинку, обернулся, оглядел упрямо ковыляющую старуху и махнул рукой на беседку: – Вы бы здесь до утра остались, что ли. До города километров пятнадцать, и последняя электричка ушла. А я вам спальник дам, не замерзнете.

Старуха так и расплылась в улыбке.

– Вот спасибо, сынок! Позаботился о бабушке, а что ж, спальник-то оно и хорошо. Ты б только, сынок, корзинку-то занес под крышу, сама-то я никак... тяжело мне, старенькая я...

Ага, старенькая. Дыхание даже не сбилось! Одышки совсем нет! Всем бы так, в ее-то возрасте... но отказывать как-то неудобно.

– Пойдемте, занесу вам корзинку и спальник достану, – согласился он.

Пока он про себя ругался на грибников-энтузиастов и пытался поднять ненавистную корзину, старуха бодро протопала мимо него и зашла в беседку, полную все того же голубовато светящегося тумана. Зашла, потопталась там и поманила Дона.

– Иди, сынок, иди сюда, не бойся.

Дон сжал зубы. Еще смеется! Вот же... бабка! Да кого тут бояться!

Он подтащил корзину к беседке – уже просто волоком, толкнул ее через порог, шагнул сам, намереваясь отдать бабке спальник, раз уж обещал, и бежать обратно...

И замер – голова закружилась, в глазах на миг потемнело... а когда просветлело, бабки не было.

Бабки? Какой еще бабки?

Сюда, в миланскую галерею «Дель Арте», бабок не пускают, если только их фамилия не украшает список Форбс или очередную номинацию на «Оскар» или «Букер». И почему он подумал о какой-то бабке, странно...

По краю сознания скользнуло еще одно воспоминание: лес, туман, заблудившиеся в тумане друзья...

Чушь какая.

Он здесь, а не в лесу. Это от нервов мерещится всякое. Шутка ли, его сольная выставка в «Дель Арте», полный зал бомонда и журналистов, и к нему уже бегут штук десять. Надо бы им что-то сказать, но что?..

Из-за спины раздалось мелодичное контральто:

– Не торопитесь, сеньор Горский ответит на все вопросы на пресс-конференции.

Уф, слава богу, продюсер не дремлет. Что бы он без нее делал?

– Спасибо, синьорина... – он обернулся к ней, чтобы предложить руку и вместе войти в зал, и застыл.

Она была красива. Очень молода, наверняка и тридцати нет, в густо-розовом платье... Точно того оттенка, что и пальто старухи из лесного воспоминания. А звали ее... Фиона? Летиция? Фелиса?

Как странно, разве так бывает – забыть имя собственного продюсера...

Она одарила журналистов ослепительной улыбкой, еще ослепительнее улыбнулась Дону и приняла его руку.

– Сегодня твой день, сеньор Горский. Идем же!

Она едва заметно потянула его вперед, но Дон остался на месте.

Что-то мешало сделать следующий шаг.

Но что? Ведь все отлично!

Его сольная выставка... ярко освещенная «Гитара» в центре зала, доносятся из толпы обрывки разговоров:

– Юный гений... стоит ожидать новых шедевров?.. Всего семнадцать лет, подумать только!..

От группы журналистов помахал рукой учитель, маэстро Бенвенуто. Из-за его плеча выглянула Маринка, что-то сказала – Дон не расслышал в гуле голосов, что именно, – и показала глазами в сторону, в людской водоворот вокруг «Гитары». Только тогда Дон заметил ее родителей: они пробивались к нему через толпу, сияя гордыми улыбками, словно это они вовремя разглядели и выпестовали талант.

Пф. Еще чего! Если кто и пестовал, то мама – вон она, со своим последним гением, отмахивается от предпоследнего гения и смотрит

на Дона. С гордостью.

А предпоследний гений подмигивает Дону, мол, я же говорил – этот зал будет твой!

Не то чтобы он говорил, нет. Дон сам так захотел. Три года назад, после того как этот мамин гений затащил их в галерею «Дель Арте» на пафосное мероприятие в честь новой звезды примитивизма, Дон и решил: когда-нибудь он сотворит такой шедевр, что в его честь закатят мероприятие еще более блестящее.

И вот – он здесь, все правильно. Он гений, и он получил что хотел...

– Здесь все, что ты хочешь, Дон. Иди же, возьми свою славу! – отзвуком его же мыслей шепнула продюсер...

...старуха из «Карлика-Носа»...

...залитый светом хрустальных люстр зал манит звоном бокалов, гулом восхищенных голосов, блеском бриллиантов и завистливых глаз...

...в темном, утонувшем в тумане лесу бродят его друзья, забытые и ненужные...

Почему это ненужные? Без Киллера не было бы и «Гитары»! Киллер – гениальная модель, надо бы его снова лепить... Киллер?..

Но почему его нет в зале? Ни его, ни Кира, ни Ромки, ни Арийца... Никого из Семьи!

– Почему они не пришли?

– У них своя дорога, – шепнула Фелиса или Летиция. – Им здесь не место. Они порадуются за тебя потом.

Дон обернулся к ней, нахмурился.

– Я же хотел, чтобы они были со мной!.. – потребовал он, и почему-то почувствовал себя капризным малышом, топающим ножкой посреди песочницы.

Слава в голову ударила?

– Все будет как ты хочешь, Дон, – улыбнулась Фиона или Фелиса. – Главное, не упустить свой шанс и получить самое важное. Ты гениален, и твой путь – вот он. Слава! Все прочее подождет.

Дона передернуло.

Слава? Пафос? Блеск? Какой-то он пластмассовый, этот блеск. То есть оно, конечно, здорово и хочется, но разве это самое важное? Нет, она не права.

Самое важное – это творение. Сам процесс. Когда глина под пальцами, когда весь мир исчезает, и есть только Дон и его Гитара...

А почему, кстати, он помнит только глину? И Гитара была маленькая, а не в полный рост. Почему он не помнит, как лепил... нет, она же бронзовая! Значит, он ее отливал?! Когда? Как? Не было такого!

– Ты просто не помнишь, но это не имеет значения. Это твоя «Гитара», это твоя заслуженная слава.

Забыв про полный публики зал, Дон развернулся к Летиции-Фелиции и упер ей палец в грудь. Хамство, да, а плевать!

– Как ты это сделала? Зачем? И кто ты?

Она пожала плечами и немножко грустно улыбнулась.

– Мое имя неважно, Дон. Важно – чего ты хочешь на самом деле. Я всего лишь даю тебе шанс, но взять ты можешь только сам. То, что тебе нужно.

Обтекаемые, скользкие слова... а что ему нужно? На самом деле?

– Ты гениален, но гениальность без возможности работать ничего не стоит, ты это знаешь.

Она смотрела ему в глаза, но Дон не видел ее: перед мысленным взором кружились картины детства. Художники, скульпторы – с их пьянством и бедностью, с необходимостью рисовать китчи на заказ и никому не нужными шедеврами. Выставки бездарностей, в которых вложили деньги ради отмывания капитала или потому что те вовремя легли в постель с кем надо. Он видел все это изнутри и никогда не питал иллюзий о легком хлебе художника, он знал, что ему придется работать до упаду, пробиваться, снова работать – и так пока он не получит свою заслуженную славу.

Заслуженную.

А не просто так.

– ...тебе нужно творить, а для этого нужны заказы, гранты и премии, – продолжала Феличе; теперь он вспомнил ее имя, а с именем и все остальное. – Твоим творениям нужна публика, а для этого о тебе должны знать. Слава, Дон. Твоя заслуженная слава. Сейчас, а не когда тебе будет семьдесят. Ты же не хочешь умереть в нищете, забытым и никому не нужным, как Челлини?

– Мы поговорим о Челлини в понедельник, в школе, Фелициата Казимировна. И обо всем остальном тоже. А теперь мне пора – ребята ждут.

Филька покачала головой.

– Не ждут, Дон. У каждого своя дорога, и отказываться от единственного шанса занять свое место ради друзей – глупо. Никто из них не сделает этого ради тебя.

Дон покачал головой.

Не сделают? Плевать. Он – дон Семьи не потому, что ждет от ребят чего-то эдакого, а потому, что так правильно. Для него самого. И если он гений, если он достоин – он сам получит все, чего достоин. Сам отольет свою «Гитару». И сам позовет друзей на свою выставку, когда она будет.

И они придут. Обязательно придут!

– Если ты уйдешь сейчас, то можешь никогда больше не оказаться здесь, – вздохнула Филька.

Дон стиснул зубы. И это ему Филька говорит? После всех ее «верь в себя»?

Но даже если и так...

Леший тогда с ней, с этой чужой славой.

Дон еще раз взглянул на «Гитару», на сияющую маму – и шагнул назад.

...он упал, изрядно ушибив бедро и машинально выставленный локоть о поваленное дерево. Вокруг по-прежнему был лес, темный и сырой, перед ним совершенно пустая полянка и никакого тумана. А где-то неподалеку слышались голоса.

* * *

– Киллер? Эй, Киллер!! Витек? Дон? Эй!

Нет ответа. Как будто друзья растворились в сыто хлюпающем кисельно-густом тумане.

Ладно, если туман мешает смотреть и слушать – можно нюхать. Обоняние Эрика еще никогда не подводило...

Он втянул сырой, пахнувший прелью воздух. Ну? Хоть что-нибудь? Запах духов Лизы? Или репеллента – от Ромки? Или корицы – от Леона? Или хоть что-нибудь!

Нет. Ничего знакомого.

Но...

Сквозь прель и сырость пробился чужой и дикий запах.

Хищник. Кровь. Сила.

Запах приказывал: беги, малыш. Беги, прячься! Я найду твоих друзей сам. А ты еще можешь спастись. Ну же, беги!

Эрик вздрогнул и попятился. И тут же устыдился – как это? Он, что ли, сбежит?! А эта непонятная хищная скотина будет искать его одноклассников, и явно не для того, чтобы в палочку с ними поиграть? И что, съест Лизку? С которой Эрик только вчера впервые поцеловался? Или даже эту дуру Маринку?

Или... Киллера?!

И что, больше никаких шуточек на уроках, иайвовых ватрушек Франца Карловича, и посиделок за столом-аквариумом?

То есть это глупое животное там, в тумане, думает, что Эрик позволит кому-то сожрать его единственного друга?!

Хрен тебе! Во всю мор-р-рду!

Эрик потянулся было за десантным ножом, чтобы встретить врага не голыми руками, но перед глазами вдруг потемнело, земля покачнулась, подпрыгнула – и он упал на четвереньки.

Правильно упал, устойчиво. И запахи тут же стали яснее. Много, ужасно много запахов, зато сразу понятно, где кто. Репеллент – очень далеко, на другом краю леса, и духи тоже, зато корица... корица где-то совсем рядом! А рядом с корицей – кто-то чужой!

Шерсть встала дыбом, а в горле заклокотало.

– Пор-р-р-р-р-р-р-р-рву, твар-р-р-р-р-р-рь!

Пусть только покажется, живым не уйдет!

В голову настойчиво лезло почему-то «полетят клочки по закоулочкам», и Эрик сердито тряхнул головой. Не сейчас. Сейчас – разобраться с врагом!

Он со всех ног... лап... неважно чего, бросился на запах корицы. Никто не смеет нападать на Киллера, это его Киллер...

Бросился – и едва не врезался в вынырнувшего из тумана Зверя.

Огромного, остро пахнувшего силой и агрессией.

Заступившего дорогу.

Очень хорошо знакомого.

– Пр-р-редатель!

От страха голос срывался, давал петуха, но Эрику было все равно. И что этот Зверь его проглотит и не заметит – тоже. Он просто не

думал об этом. Только – о друзьях. О том, что он должен защитить Киллера и остальных от этого мерзавца, притворщика... Как он мог? В учителя набивался, о доверии говорил, сенсей хренов!

– Пр-р-р-редатель!

Эрик прыгнул на него, вцепился в лапу – и внезапно Зверь попятился, угроза сменилась недоумением... а во рту стало гадко и шершаво от шерсти, так гадко, что Эрик чихнул, разжав зубы.

Зверь отдернул лапу, попятился еще – и, проворчав что-то недовольное, сбежал.

Сбежал!

– Тр-р-р-рус! – крикнул ему вслед Эрик и поспешил к Киллеру. Скорее, надо успеть, ведь Зверь не один, здесь на каждом шагу голодные хищники! Поджидают, окружают, сейчас нападут на друга... на хозяина... – Пр-р-р-рочь! Пор-р-р-рву! – зарычал он, вылетая из-за спины Киллера навстречу болотным тварям.

Глава 19, в которой принцесса отказывается целовать жабу

Когда противоестественно резко, словно одеяло набросили, сгустился туман, Виола чуть не взвыла.

Вот же денек! Нет, погулять по лесу – это прекрасно, особенно если рядом с Доном, но делать это в промозглую сырость, да еще на ночь глядя, а главное – не по доброй воле, а потому что учителя так решили?

Да еще и туман этот. Сырой, промозглый, забирается под куртку, бр-р-р-р!

Хотя... отличный повод взять Дона за руку. А если он удивится – сказать, что боится заблудиться в незнакомом лесу. В конце концов, быть своим парнем – дело хорошее, и нравится ей куда больше, чем «этой странной девчонкой», как было в прежних школах. Но хочется же, чтобы он наконец посмотрел на нее не только как на друга...

– Киллер, держись ближе!.. – послышалось ровно в тот момент, когда Виола потянулась к нему через туман.

Послышалось – и словно утонуло.

– Дон? – позвала она, так и не найдя его рядом; стало не на шутку страшно. – Эрик?!

В этот момент рука что-то нащупала, что-то шершавое, грубое, твердое и совершенно точно неживое. Виола обмерла от ужаса, и только через секунду сообразила, что это просто кора дерева.

Вот ведь дурища! Деревя испугалась! Еще бы плакать начала: папа, забери меня отсюда, вот бы было позорище. Тьфу!

Дерево отчетливо издевательски заскрипело. Тоже, наверное, над ней смеется. Ну и правильно, пусть смеется, а мы сейчас фонарик... со светом и Дон найдется, и Эрик, и все остальные тоже.

С фонариком стало еще хуже. Размытый, желтоватый, какой-то болезненный свет выхватывал из тумана жуткие корявые силуэты, похожие то ли на карликовые деревья, то ли на уродливых животных, и

казалось, что они приближаются! Окружают, подкрадываются, сжимают кольцо...

Да нет, уже не кажется! Вот это, корявое и разлапистое, определенно было дальше!

«Allume le feu, Viola», – шепнула память отцовским голосом.

Огонь? Ну да, конечно, огонь! Все хищники боятся живого огня, и если верить легендам – вся нечисть тоже!

Зажигалка, где-то должна была быть зажигалка...

Виола зашарила по карманам, под руку попадалась совершенно ненужная ерунда: ключи, мобилка, монетка, смятая бумажка, перочинный ножик, потерянные пару дней назад запасные перчатки... Да где же эта проклятая зажигалка!!

– Де-евочка, – мерзко растягивая «е», протянул один из этих, корявых и скрипучих, подобранных совсем близко. – Тебе мама не говорила по ночам в лес не ходить?

И залился дебильным хохотом, разевая лягушачью пасть и хлопая себя лапами с перепонками по животу.

Пальцы наконец наткнулись на гладкое и прохладное. Нашлась! Ну, держитесь, сейчас я вам устрою экстремальное файершоу!..

Виола выхватила зажигалку – но какое-то склизкое щупальце метнулось к ее руке – и она тут же пропала в лягушачьей пасти. Хлюпнуло, чавкнуло, скрежетнуло на зубах... и корявый выплюнул остаток зажигалки, не пришедшийся ему по вкусу.

– Ай-ай-ай, девочка, не играй с огнем!

Новый взрыв хохота – показалось, хохочет весь лес. Кусты, деревья, туман – все смеялись над ней!

Что-то скользнуло по ноге. Захлестнуло щиколотку петлей, сжало – словно попробовало на вкус. Что-то, ветка – а может, и лапа, – дернуло за волосы. Поташило ближе к нечисти. Еще минута – и ее просто сожрут вслед за зажигалкой!

Нет-нет, не паниковать, только не паниковать! Надо попробовать отступить... разумное отступление не есть бегство! Вот сейчас топнуть ботинком по щупальцу-петле, вырвать ногу и отступить!

Она попятилась, не отводя глаз от светящихся гляделок-гнилушек того, кто выбил ее зажигалку. Он, наверное, был здесь главным. И еще попятилась. И еще...

А потом прямо из-под ног что-то метнулось, едва не сбив на землю.

И – сердито затывало. Тоненько, но очень грозно.

Виола замерла, опустила взгляд и едва не засмеялась в голос.

Истерически.

Страшную корявую нечисть упоенно облаивал щенок. Белый, пушистый, с торчащими ушками и хвостиком-колечком. А нечисть, странное дело, тоже замерла. В недоумении? Или отчего-то еще?

В лае вдруг отчетливо прозвучало: «Пр-р-р-р-рочь! Сожр-р-р-р-ру!» – жутко знакомым голосом. Голосом Эрика! Эрик-щенок? Как так может быть?

Да это болотный газ! Я им надышалась, и у меня галлюцинации. Поэтому чудовища. И щенок. А раз так – нечего их бояться, корявых! У вас тут газ, а у нас – Дракон, вот! Моего папу зовут Драконом, а еще у меня есть ручной волк Рауль! И сама я – дочь Дракона, настоящая принцесса! Еще не хватало, чтобы принцесса бегала от каких-то коряг и лягушек-переростков!

Не дождетесь!

И щенка не получите, это мой щенок, нечего его тут пугать!..

Виола сжала кулаки и шагнула вперед. Прямо на корявого.

– Пошел вон! – уверенно, как папа учил разговаривать с собаками, приказала болотной твари и, быстро наклонившись, подхватила щенка под теплое меховое пузико. Тот тихонько вякнул и смешно задергал лапами. – Не бойся, маленький. Эти твари нас не тронут. – Она перевела взгляд на так и замершего в паре шагов от нее корявого; остальные попятнулись и растворились в тумане. – Вон, я сказала. И убери туман.

Корявый чуть отступил и как-то неуловимо изменил позу, так что больше не казался угрожающим. Наоборот, стал похож на нищего попрошайку с картин в папином музее.

– Щенка отдайте, зачем вам щенок? – проскрипел он жалобно и потянулся лапой-веткой с растопыренными пальцами. – Зверь грязный, шумный... хоть его, а? Ку-ушать хочется, добрая госпожа!..

Вот наглая тварь! Щенок меня защищал, не испугался, даром что маленький и смешной, а ты его сожрать хочешь?! Не дождешься, Морена своих не предают! Даже если вас целое болото, а я тут одна! Но грубить мы не будем. Поймут, что боюсь, – бросятся, папа так

говорил, когда учил дрессировать собак. В конце концов, вряд ли зубастая коряга так уж сильно отличается от бультерьера. Значит, спокойно и уверенно:

– Это моя собака. Убери лапы. Проведешь меня к лагерю и будешь вежлив, дам бутерброд с колбасой.

Болотная тварь сверкнула глазами-гнилушками, быстро облизала рот зеленоватым языком и склонила голову набок.

– Хорошая госпожа... кусочек бы?.. – увидев, что Виола хмурится сильнее, тварь уточнила: – Колба-аски! Хлебушка!

– Дойдем – получишь. И туман убери, мокро.

Не то что ей было жаль бутерброда прямо сейчас, но если зверюге хоть раз позволить сесть себе на шею, потом не сгонишь. Не поймет. Если хозяин разрешил грызть один тапок, значит, всю обувь можно!

– Да, хорошая госпожа, сейчас-сейчас... – забормотал болотник, делая какие-то странные пассы лапами.

У Виолы появилось подозрение, что ее дурят, но здесь уже собачьи методы воспитания не годились, а другие она еще не освоила. Потому просто ждала спокойно, пока закончится веткомашество – и с удивлением поняла, что туман рассеялся. То есть, наверное, опал. Он снова стелился по земле, а сквозь редкие сосны светила круглая желтая луна. Кажется, эта луна загнипнотизировала щенка, потому что он совсем затих у Виолы на руках и только сонно моргал на эту самую луну.

– Извольте следовать по тропе, хорошая госпожа, – почти нормальным человеческим голосом сказал болотник и стал уменьшаться, уменьшаться... через секунду крупная жаба квакнула и совсем утонула в тумане, а сам туман между деревьями рассеялся окончательно, оставив лишь слабо светящуюся полоску-дорожку.

Что ж, лучше дорожка, чем общество страсти-зубасти. Щенка ему! Вместо колбаски! Ну и гадость же примерещилась.

Виола передернула плечами, покрепче прижала к себе щенка и пошла по дорожке к болоту – за деревьями уже виднелся просвет и, кажется, даже мигал отблеск костра.

Идти было легко, костер приближался совсем быстро, словно под ногами было не болото, а самодвижущаяся дорожка аэропорта. И Виола позволила себе расслабиться. Тут же почувствовалась усталость, захотелось есть, и пить, и присесть, и уткнуться в чье-

нибудь крепкое плечо – желательно Дона. Хорошо бы он уже был в лагере... наверняка уже в лагере! Он же говорил, что на Посвящении никогда не случается ничего страшного. Ни с кем. Только почему-то, когда поднялся туман, она об этом забыла.

Она так задумалась о Доне и Посвящении, что совершенно забыла про щенка на руках. А он вдруг проснулся, извернулся и свалился на землю.

– Малыш, ты куда?.. – Виола попробовала его догнать, но куда там! Пушистый белый комок мигом укатился в кусты и пропал, даже не тьякнул.

Оставалось только надеяться, что щенок прибьется к людям, а не потеряется в лесу.

Зато без щенка на руках она пошла быстрее и уже могла различить знакомые голоса: Маринка о чем-то спорила с Лизкой, Кир мурлыкал под гитару из «Арии», командовал установкой палаток Твердохлебов... а голоса Дона не было, и от этого как-то даже взгрустнулось.

– Киллер! Ну, наконец! – тут же послышалось из темноты. Дон сгрел ее в охапку и потащил к лагерю. – Я тебя обыскался! Думал, последним буду, уже шашлык готов, чуешь?.. Давай, пошли скорее, пока все не слопали!

Виола радостно прижалась к Дону и позволила тащить себя дальше. Вот теперь, когда его можно было потрогать и убедиться, что он настоящий, а не еще один глюк этого проклятого болота, все стало совсем хорошо... ну, почти.

– Я есть хочу ужасно! А ты щенка не видел? Представляешь, выскочил щенок, прямо на меня, а потом сбежал...

Дон как-то странно на нее покосился и покачал головой:

– Щенка не видел. Зато здесь до фига какого-то левого народу, Твердохлебов говорит, его коллеги. Вон, смотри, у костра!

У костра в самом деле толпились незнакомые люди – мужчины, женщины и нечто волосатое неопределенного пола – и радостно галдели наперебой со студентами. Кто-то из «ведьм» уже обнимался с чужой девицей, одетой в короткое платье, совершенно не подходящее к месту и погоде. А за этой парочкой Виола углядела белобрысую макушку.

– Эрик! – Виола помахала ему рукой, так и не отлепляясь от Дона: рядом с ним было теплее, безопаснее и вообще хорошо.

Эрик тоже их увидел, просиял и пошел навстречу, стреб в охапку сразу обоих.

– Ура, Киллер нашелся!

Виола пихнула его в бок, мельком подумав: здорово все же с ребятами! Легко и просто! И никаких тебе косых взглядов на странную девчонку, гонящую на байке, и никаких «девчонка не поймет, при девчонке неловко». Киллер поймет, Киллер – свой парень.

Тут же откуда-то появились Витек и Ромка, наперебой стали рассказывать о новых учителях. Оказывается, все эти незнакомые люди – сотрудники местного заповедника, давние знакомые Твердохлебова и ведут практические занятия.

– То есть он обещал все рассказать подробно, когда все соберутся, – уточнил Эрик и тоже как-то странно на нее посмотрел: удивленно и смущенно.

Чего это он? Нос, что ли, в тине?

Виола вспомнила о жабокоряге и передернулась. После этой мерзости легко можно на себе пиявку найти, не то что тину! Пожиратель щенков!

Но все равно опустила взгляд на свою куртку – и увидела на ней оставленную щенком белую шерсть. Но почему Эрик на эту белую шерсть так смотрит?

– Шашлык! – быстренько перевела она тему. – Я чую запах шашлыка! Надеюсь, он не из лягушек?

Ребята рассмеялись с явным облегчением. Похоже, разговаривать о шашлыке всем было проще, чем вспоминать дорогу сюда.

Не смеялся только Витек. Он вообще был какой-то подавленный, как будто только что получил страшную новость. А он ведь и про учителей не рассказывал! Ромка с Эриком – захлеб и наперебой, а Витек ни слова... и ни на кого не смотрит, только на перебирающего струны Кира, тоскливо и виновато.

Да что это с ним?

А Кир, наоборот, выглядел довольным и умиротворенным, словно светился изнутри. Вот ему сейчас совершенно было начхать на чье-то внимание, на странности – ему просто было хорошо. В отличие от

Ромки: тот все суетился, работал на публику, нарочито веселился. На контрасте с Киrom выглядело особенно жалко.

И только когда Кир закончил песню и поднял взгляд на Виолу и Дона, она заметила еще одну странность.

Шрамы.

Четыре параллельных полосы на щеке, выпуклые и розовые. Пару часов назад их не было в помине!

Она не удержалась, спросила:

– Кто тебя так?

Кир тронул щеку, потом удивленно посмотрел на свои пальцы, словно ожидал увидеть на них кровь. И в самом деле, кровь-то была – на воротнике свитера, на куртке. Немного, и казалось, ее стерли еще свежую.

– Один хороший человек. – И улыбнулся. – А вы долго. Будете чай? У меня тут в термосе горячий.

Положив гитару, он отвернулся копаться в рюкзаке, а Виола внимательно взгляделась в Витька. Тот молча придержал гитару, чтобы не свалилась с бревна, и помрачнел еще больше. Может быть, это он оставил Киру шрамы? Но как? И почему шрамы? Ничего не понятно.

Как раз когда Кир протянул Виоле кружку с чаем, послышался зычный голос Твердохлебова:

– Господа студенты! Прошу тишины и внимания!

Виола обернулась – вместе с Доном и ребятами, успев подумать только, что Твердохлебов зря носит свой тренерский свисток. Все равно ж никогда им не пользуется.

К физруку тем временем подошли все незнакомцы, а с ними и свои же учителя: Филька, Эльвира, Гремлин с Интригалом, Дорф... чуть не вся школа!

– А теперь, господа студенты, я представлю вам ваших будущих педагогов, чтобы вы могли пообщаться в теплой дружеской атмосфере и выбрать себе на следующий семестр специальные дисциплины. Начнем с прекрасных дам. Прошу вас... – Твердохлебов подал руку белобрысой девице в коротеньком платье и помог вспрыгнуть на бревно. – Мавка Василиса Петровна, будет вести практические занятия по природоведению, обязательные для всех, и факультативные курсы прикладной ксенопсихологии.

Девушка со странной фамилией одалила студентов томной улыбкой и повела плечами так, что Виоле захотелось в нее чем-нибудь бросить. Потяжелее. Чтоб не путала студентов с клиентами!

Следующей была почти такая же девушка, только брюнетка и покрашена еще ярче.

– Навка Алеся Петровна, спецкурс травоведения для биологов и спецкурс защиты...

– ...от темных искусств, профессор Локонс, – буркнула Виола под нос: Навка понравилась ей еще меньше Мавки.

А Твердохлебов прервался, глянул на нее, а вслед за ним обернулись и все остальные:

– Морена, вы все правильно поняли, я рад. Алеся Петровна ведет именно спецкурс защиты от ночных хозяев в природных условиях. Для класса «А» занятия обязательны.

Щеки запылали. А Навка подлила масла в огонь, помахав ей рукой и одарив ослепительной улыбкой:

– Надеюсь, мы подружимся!

– Непременно! – ответила Виола такой же ослепительной улыбкой. Не проваливаться же сквозь землю от неловкости.

От еще нескольких фамилий и названий спецкурсов у Виолы волосы встали дыбом. Водянов, который преподает плавание, спасение на водах и язык речных обитателей? Вольф – учит дрессировке собак, медитации и дает тренинг по стайной психологии? Лель ведет этику и психологию межвидовых отношений и семейной жизни, а для особо одаренных – класс духовых музыкальных инструментов?

А вот когда на бревно шагнул Сенсей, Виоле стало жуть как любопытно. Неужели она наконец узнает его фамилию? Или хотя бы имя?

Не тут-то было.

Сенсея так и представили как Сенсея. И спецкурс он вел по криминалистике – вдобавок к единоборствам, фехтованию и городской географии.

У Виолы совсем голова пошла кругом. Не столько от Мавок, Навок и Кикимор, сколько от совершенно спокойной на это реакции студентов. Розыгрыш? Хеллоуин на месяц раньше? Но слишком все серьезно для розыгрыша, да и что-то никто не смеется.

– Дон, – тихо спросила она. – Это нормально, да?

Дон обернулся, посмотрел задумчиво.

– Теперь понятно, почему никто не рассказывает. В собачку Баскервилей поверить проще. Интересно...

Что интересно, Дон не договорил, потому что Твердохлебов повысил голос, глядя строго на них.

– А теперь наш уважаемый мэтр Валерий Сергеевич Болотников!

На бревно вспрыгнул богемного вида мужчина – светловолосый, высокий, с фотокамерой на груди. Улыбнулся Виоле и даже помахал ей рукой.

Понравилась она ему, что ли? И когда разглядеть успел!

Судя по недовольным взглядам одноклассниц, они тоже решили, что понравилась. И оценили по достоинству стильные драные джинсы и дорогие часы, выглядывающие из рукава нарочито небрежного свитера.

– ...ведущий спецкурсов по выживанию в дикой природе, ориентированию на местности и северному фольклору, – продолжал Твердохлебов. – Также господин Болотников ведет факультативные занятия по фотографии истинной сути, но подробнее об этом вы узнаете на третьем курсе.

Девчонки разочарованно выдохнули. Похоже, на спецкурс по фотографии собирались записаться все скопом и прямо сейчас.

Все, кроме Виолы. Пусть девчонки охмуряют господина Болотникова, а ей хватит Дона. Особенно пусть Маринка займется преподам, тем более она на Дона обижена, ей не до него, и вообще. Без нее неплохо. А пока самое время съесть, наконец, бутерброды, а то в животе уже бурчит. То ли у нее, то ли у Дона, то ли у обоих сразу. Вот почему шашлыком пахнет, а есть его до сих пор не дают?

Пока Твердохлебов еще что-то говорил об очередном предмете, Виола достала из рюкзака бутерброды, один протянула Дону, а второй уже собралась откусить сама, но тут над ухом раздалось вкрадчивое:

– Надеюсь увидеть вас на моем спецкурсе.

Виола вздрогнула и обернулась.

Ей улыбался господин Болотников. Милейшим образом улыбался, только глаза у него светились. Как гнилушки.

– Э... непременно... – ответила она, отступая и упираясь спиной в Дона.

– И смею напомнить о вашем обещании...

Виола застыла, судорожно пытаясь сообразить, когда это она успела ему что-то обещать, если в первый раз видит?

А господин Болотников улыбнулся еще шире, так, как человек улыбаться не может, и показал глазами на бутерброд.

– Я же был вежлив. Ведь вы не в обиде на ту маленькую шутку и передадите вашему многоуважаемому батюшке мое глубочайшее почтение?

На миг Виоле показалось, что зеленый свитер превращается в кору, между пальцев ухоженных рук прорастают перепонки... и тут, наконец, до нее дошло.

Все было по-настоящему.

Болотная нечисть, мавки и водяной – здесь.

Русалки и оборотни – дома.

Сказка, в которой она жила, приезжая в отцовский замок в Лиможе, – такая же реальность, как школа в Петербурге, как это болото. Как руки Дона, обнимающие ее сейчас. Как болотный дух, которому она обещала бутерброд.

– К... конечно, я передам отцу. И вот ваш бутерброд, господин Болотников. Благодарю вас.

Болотник принял из ее рук бутерброд как величайшую драгоценность и поклонился.

– Это большая честь для меня. Ваш покорный слуга.

Прозвучало так, что Виола поверила – да, покорный. Да, слуга. И да, ее отца называют Драконом не просто так.

О боже...

– Ну ты настоящий сеньор Морена, – хмыкнул Дон, когда болотный дух развеялся туманом. Вместе с бутербродом.

Виола чуть не спросила, почему вдруг сеньор? Дон что, настолько привык, что она – свой парень, что уже и девушку в ней не видит? Обидно же. Когда ребята зовут Киллером – хорошо и правильно, а вот Дон... с Доном все иначе...

Но обидеться не успела: перед ее носом оказалась половинка бутерброда, отданного Дону.

– Держи. И пошли добывать шашлык. И сбитня выпьем. Слышишь, эта, как ее, Мавка орет про сбитень?

В груди потеплело, и Виола невольно улыбнулась. Подумаешь, подразнил немного, он же... ну... по-дружески! Не на что обижаться.

Болотников ляпнул про слугу, вот Дон и того! Сеньор такой, ага, ловит вассалов в болоте.

– Слышу, – кивнула она, и прижалась к Дону плечом, и довольно выдохнула, когда он ее обнял. По-дружески, да. – Идем к костру!

Там, у костра, Мавка наливала всем желающим горячий сбитень, Лель играл на рожке лихую плясовую, Болотников чуть в стороне изо всех сил очаровывал двух девчонок-биологов...

Чудное все-таки место – болота в лунную ночь!

Глава 20, в которой кое-кому для полноценного пира не хватает только чумы

За те без малого пятьдесят лет, что Франческо не был в Санкт-Петербурге, город не слишком изменился. Такой же холодный, мокрый и неуютный. Франческо никогда не понимал, как в таком ужасном городе могли родиться вполне пристойные художники и артисты, зато прекрасно понимал тех, кто отсюда бежит со всех ног. Единственным подходящим местом для искусства он всегда считал Италию, на худой конец Испанию, Грецию и южную Францию, но не это псевдоевропейское недоразумение.

Недоразумением в этом городе было все. Климат, архитектура, музыка и даже вино. И, конечно же, люди. Сердитые, серые, вечно недовольные и совершенно не умеющие восхищаться! Да куда там восхищаться, даже улыбаться – и то разучились!

То ли дело в родном Милане!

– Отвратительный город, – сообщил он Луи, когда хмурый носильщик взялся за их чемоданы в аэропорту. – А ты улыбаешься, как американский имбецил.

Луи вместо ответа пожал плечами и принялся насвистывать «Сурка».

Его розовенькая секретарша тут же развила бурную деятельность: принялась звонить в отель, куда-то еще – Франческо, разумеется, не вникал, но исходящий от нее восторг и энтузиазм приятно контрастировал со всеобщей серой озабоченностью. Он даже раз, наверное, в сотый подумал, что стоит и себе завести кого-то восторженно-влюбленного и радующего глаз... и в сотый же раз мгновенно забыл о такой несущественной мелочи.

Существенной не мелочью в этом ужасном городе была одна лишь Виола. Он почти слышал ее запах, почти видел ее, почти чувствовал! Виола, его Виола! Луи может довольствоваться этой влюбленной дурочкой, большего и не заслуживает, Франческо же

всегда считал, что прав великий Омар Хайям Нишапури – лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Надо скорее найти Виолу и увезти отсюда. Со стороны мсье Жана было крайне глупо отправить ее в столь сырой и холодный климат. Она никогда не любила влажность. Помнится, как-то в Лионе они попали под ливень, и хоть он укутал ее собственным плащом, все равно потом она сипела, жаловалась и не желала держать строй целую неделю. А тут? Дожди, ветер, гарь! Бедная девочка, как же ей тут плохо и одиноко!

– Друг мой, ты собираешься бежать до отеля или мы все же воспользуемся автомобилем? – послышалось из-за спины.

В голосе Луи была откровенная насмешка, но Франческо не обратил на это внимания. Пусть его. Хоть Луи и лучший из всех, даже ему не понять истинной любви. Глупый Луи мнит себя человеком, но не верит в любовь.

Он ее только ест.

Но в чем-то он прав. Автомобилем будет гораздо удобнее и быстрее, особенно в этом ужасном Петербурге. Откуда Франческо знать, где расположен этот их отель, как его там? Или ресторан, где назначила встречу Анна?

Франческо остановился – подождать своего медлительного друга. Хоть он и ленив, зануден и напрочь лишен вкуса, но от него бывает польза. По крайней мере, он знает, как называется отель.

Ждать пришлось едва ли не целую минуту: Луи и не думал торопиться, переговаривался о какой-то ерунде со своей секретаршей, разглядывал аэропорт.

Господи, да на что тут смотреть? Все аэропорты одинаково безвкусны и скучны! Все эти «новшества архитектуры» гроша ломаного не стоят. Дешевка.

Но даже Луи не мог медлить бесконечно, и они, наконец, сели в «Бентли». Поехали сразу на встречу с Анной, хоть Луи и убеждал, что после самолета нужно отдохнуть, привести себя в порядок и прочая, и прочая.

Чушь.

Франческо всегда выглядит безупречно, а отдых после отдыха нужен только людям. Тринадцать часов в самолете, неужели кто-то мог не наотдыхаться?

Луи немного побрюзжал, но жалеть его Франческо не стал. В конце концов, хватит уже играть в человека! Это надоедает.

Названия ресторана на Невском он так и не вспомнил, хоть и бывал здесь еще до русского переворота. Анфилады, колонны, позолоченная бронза, пруд со стерлядью... все в точности как век тому назад: блестит и лоснится от самодовольства. Никакого чувства меры!

Впрочем, есть ли хоть у кого-то в этой стране чувство меры?

Остались ли хоть у кого-то здесь искренние чувства?

Во втором зале праздновали юбилей. Возглашались здравицы, кто-то признавался кому-то в любви и восхищался талантом. Франческо даже задержался на мгновение. Может быть, все же хоть кто-то... хоть у кого-то?

Нет. Зависть, злость, алчность и снова зависть.

Мерзость.

А впрочем, будь иначе, Анна не назначила бы здесь встречу. Что для Франческо мерзость, для нее – изысканное лакомство.

Что ж, ради Виолы можно пренебречь неудобствами.

Он позволил себе улыбку. Виола, если ты здесь, то Анна тебя найдет. Очень быстро найдет.

– Извольте сюда, сударь. – Метрдотель открыл перед ним дверь отдельного кабинета. – Дама уже сделала заказ. Вас не побеспокоят.

Франческо уронил в подставленную ладонь какую-то купюру, мимолетно подумав, что монеты были несравненно удобнее в быту, и тут же забыл и о монетах, и о метрдотеле.

Анна сидела за столом, потягивала через соломинку ярко-красный коктейль. При виде Франческо и Луи она поднялась, прищурила глаза и растянула такие же кроваво-красные губы в улыбке. Лицо ее, и без того похожее на морду умной злой обезьяны, от этой улыбки собралось складками, зашевелились дутые золотые колечки там, где когда-то были брови, – и все это выглядело настолько отвратительно, что Франческо почти залюбовался. Симфония безобразия!

Анна, словно в ответ его мыслям, еще раз улыбнулась.

– Рада видеть вас, господин Канова. И вас, господин Ван.

– Синьорина Ша, – Франческо сдержанно кивнул и уселся за стол.

К аперитиву и к меню он не прикоснулся: еще не хватало есть за одним столом с мусорщицей! А вот Луи немедленно потянулся к

меню, раскрыл его на десертах и принялся изучать, словно на свете не было ничего важнее пирожных.

Анна кинула на Луи внимательный взгляд, едва заметно улыбнулась.

– Я взяла на себя смелость заказать ассорти для вас, господин Ван. – Она кивнула на блюдо под серебряной крышкой. – Здесь весьма неплохой кондитер.

И вернулась к своему коктейлю.

Луи тут же захлопнул меню и потянулся к блюду, не обращая внимания на недовольство Франческо. Словно мальчишка, право слово! Никакого терпения, никакого понятия о том, что должно.

Следовать его примеру и затягивать сомнительное удовольствие общения с мусорщицей Франческо не собирался. Тем более что в этом ресторане в любом случае не подавали то, что он мог бы счесть достойным внимания.

– Перейдем к делу, сеньорита. – Он положил перед Анной рисунок. Виолу он рисовал сам, по памяти. Получилось более чем узнаваемо. – Эту девушку зовут Виола Морена. Она где-то здесь, в вашем городе. Найдите ее для меня.

Анна перестала улыбаться, всмотрелась в рисунок. Потом – в глаза Франческо.

– Только найти, господин Канова?

Глупый вопрос. Чего непонятного в слове «найдите»? Или Анна так стара, что впадает в маразм? Или это маразм Луи заразителен? Совершенно невозможный человек – обедается пирожными, словно только ради этого сюда и пришел! Еще и выдавливает крем из эклера... боже, что за манеры!

Франческо отвернулся от Луи, а Анну смерил холодным взглядом.

– Выяснить, где она живет, куда ходит, есть ли у нее охрана, – объяснил совершенно очевидные вещи. – Обо всем сообщить мне. Ее саму не трогать. Надеюсь, вы поняли задачу, сеньорита Ша, и мне не придется искать кого-то, кто соображает быстрее.

Мусорщица склонила голову, коснулась острым алым ногтем рисунка.

– Поняла, господин Канова. Насколько я вижу, девушка не просто однофамилица господина Морена.

– Хорошо, что вы это видите...

Закончить фразу он не успел, потому что замученное Луи пирожное выскользнуло из-под ножа и катапультировалось прямо в нетронутый бокал аперитива.

– Луи.

«У тебя манеры свиньи», – сказал бы ему Франческо наедине, но при мусорщице промолчал. Какими бы ни были манеры Луи, он – высший. Недостижимое совершенство для любого мусорщика. И все, что Франческо имеет ему сказать, не касается никого больше.

Луи же вздохнул, проводив погибшее пирожное печальным взглядом, и пробормотал:

– Прошу прощения, друг мой. Мысли о вечности вгоняют меня в тоску и пробуждают аппетит. Пожалуй, я закажу еще эклеров.

И, не дожидаясь позволения, позвонил в колокольчик.

Старый дурак.

– У вас неделя, синьорина, – еще холоднее сказал Франческо, подумав, что если Анна и сейчас сгруппит, то больше шанса он ей не даст. Найдет кого-нибудь еще, попонятливее. Мусорщиков в любом городе – как мусора.

Однако на сей раз Анна все поняла сразу и правильно. Встала из-за стола, одернула юбку – короткую, едва прикрывающую срам.

– Весьма щедро с вашей стороны, господин Канова. С вашего позволения, не буду терять времени.

И, прихватив со стола еще один кровавый коктейль, пошла прочь.

Франческо поморщился и отвернулся: вихляющая походка старой шлюхи удавалась ей просто отлично. Да еще эти жуткие чулки в сеточку. Кто бы мог подумать, что нелюди тоже подвержены старческому маразму?

И сразу, как Анна покинула кабинет, заглянул официант.

– Луи...

– Подайте счет, – со вздохом велел Луи и, когда официант закрыл дверь, повернулся к Франческо. – Друг мой, Жан Морена не простит нам, если мусорщики обидят его дочь.

О боже. Ужасный город, ужасный день! День, когда Луи окончательно впал в маразм. Даже свои пирожные все изломал. Бедняжка Луи, наверное, ему слишком тяжело дался перелет. Надо было сразу убить ту крашеную ведьму, что вздумала в полете слушать Пятую симфонию. Выбрать исполнение каким-то русским оркестром с

дирижером – бездарной старухой? Человек с таким музыкальным вкусом не имеет права дышать одним воздухом с Луи! И, пожалуй, от той криворукой старухи тоже надо было его избавить. До того, как она успела испоганить Пятую.

– Успокойся. Никто не посмеет обидеть мою Виолу. И совершенно не стоит волноваться насчет Морены, он любит свою дочь и поймет, что ей лучше всего будет со мной. Он уважает судьбу.

Луи вздохнул. Прижал ладонь ко лбу. Прямо-таки воплощенное отчаяние.

– Друг мой... Помнится, ты обещал Морене, что и пальцем не коснешься его дочери! Думаешь, он позабыл?

Боже мой, какой трус...

– Я обещал не причинять ей вреда. Луи, подумай сам! Разве я могу причинить вред моей Виоле?! Она – моя жизнь, моя душа... какой вред? Да я своими руками убью всякого, кто посмеет покушаться на нее!

Луи вскочил. Хватил кулаком по столу – полетело на пол блюдо с изломанными пирожными. Спрыгнули бокалы, зазвенели, разлетаясь на брызги...

– Да ведь ты спустил на нее мусорщиков! Даже если потом убьешь виноватых – что с того? Мусорщики могут сделать что угодно...

Франческо поморщился от диссонанса: трясущиеся в истерике брыли Луи и хрустальный звон малого минорного секстаккорда ля – ужасное сочетание. Чтобы не видеть учиненного им разгрома, отошел к окну.

– Прекрати, Луи.

Не слушая дальнейшей истерике, отдернул занавеску, выглянул на улицу и в первый момент даже не понял, почему дама в длинном черном плаще кажется знакомой. Только когда она, открывая дверцу синего «Форда», повернулась в профиль, Франческо ее узнал.

Анна.

Совсем другая походка – жесткая, собранная. Куда-то делась вульгарная красная помада и египетская подводка. Даже черты лица изменились: да, не красавица, но и не обезьяна.

Любопытно, в какую игру она играет и зачем? Но наверняка не решится связываться с Жаном Морена. Всем известно, что с

мусорщиками он не разговаривает – сначала убивает, а потом только интересуется, какого дьявола им понадобилось поблизости. Так что предательства Анны можно не опасаться, как и невежливого поведения по отношению к Виоле. Жить-то ей хочется.

Глава 21, в которой говорится о тех, чье имя – вероломство

Веселье на болотах длилось до самого рассвета. Танцы и треп, шашлыки и сидр, лешие и мавки, глюки и непонятки – сказочная ночь! Дон даже не помнил толком, как и где уснул. Вот только что ему Ришелье что-то такое рассказывал про организацию повстанческого движения в Шервудских лесах, а Киллер сопел, привалившись к его плечу, и сонно поддакивал, и вот – Дон уже проснулся.

Дома.

В собственной постели.

Причем проснулся от звонка в дверь.

Он вскочил с кровати, влез в первые попавшиеся штаны – успев задаться вопросом, кто ж его раздел до трусов? – и побежал к двери.

– Кто? – спросил, отпирая замки. Запертые изнутри, что характерно.

– Свои! – раздался бодрый голос.

– Мама?.. Ты ж вроде на месяц собиралась... – Осекся, обнаружив за дверью целую компанию. – Э... здрасьте...

– Планы изменились! Ты не скучал, мой мальчик? – Мама отодвинула его в сторону и сбросила ему на руки курточку.

– Здравствуй, Бельчонок! – улыбнулась ему тетя Мила, мамина школьная подруга.

– Привет! – Последним зашел парень, ровесник Дона. Чернявый, загорелый, одетый неброско, но дорого. Смотрит настороженно. Племянник тетя Милы, что ли? По виду – стопроцентная богема.

А тетя Мила, скинув свое пальто на руки парню, обняла Дона и засмеялась:

– Совсем большой Бельчонок! Уже почти мамонтенок! – и вручила ему шоколадку.

Дон тоже засмеялся: тетя Милу он всегда обожал, хоть в последние годы она заходила довольно редко. В глубоком детстве он первым делом лез ей на руки и искал по карманам специально для него

туда положенные конфеты, за что и получил прозвание Бельчонок. А теперь тетя Мила бы легко уместилась на руках у него. Так что да, из Бельчонок он давно вырос.

Нежно поцеловав тетю Милу в щечку, он повесил, наконец, мамину куртку и хотел было удрать к себе – встречать гостей с голым пузом как-то уже не по возрасту.

Но тетя Мила его удержала за руку и кивнула на своего спутника:
– Дон, познакомься, это Илья.

Она не добавила «сын моей сестры» или что-то в этом роде, зато посмотрела на парня так, что Дон точно понял: никакой он не племянник, а самый что ни на есть любовник.

– Очень приятно! – в тоне Ильи прозвучал вызов. Мол, завидуй молча.

– Аналогично. – То есть «было бы чему завидовать». – Ма, в холодильнике пусто.

– Пустяки, дело житейское, – ничуть не расстроилась мама, потроша сумочку в поисках кошелька. – Мальчики, давайте-ка, до гастронома и обратно.

– Илюша, возьми мне сигарет, – мягко велела тетя Мила, когда Дон уходил в свою комнату, одеться, наконец.

А Дон вспомнил: мама года с два назад рассказывала, как Милочка приютила сына еще одной их одноклассницы, Ленки Сытниковой, записной стервы и гадины. Что-то там такое у него случилось, он сбежал из дома, а Милочка такая добрая! Вот пример человека, который занимается благотворительностью всерьез, и ее фонд «Милосердие» – не надувательство, как прочие, а реальная помощь!.. Дон тогда особо не вслушивался, но посочувствовал парню. Из дома от хорошей жизни не бегут. Тогда посочувствовал, а сейчас подумал: чем-то эта пара напоминает синьора Горского и его продюсера Феличе. Купился бы он на славу, выставку в «Дель Арте» и миллионы, чем бы пришлось платить? Вряд ли бы отделался такой ерундой, как спать с Феличе и бегать ей за сигаретами. В отличие от тети Милы, Феличе и прочая нежить с нечистью благотворительностью не занимаются. Им такое понятие вообще незнакомо.

Натянув свитер, глянул на себя в зеркало – интересно было, изменился он после Посвящения или нет? Казалось, что повзрослел

сразу лет на десять. Иллюзии-то – тю-тю! Добрая Филька, ага. Заботливые учителя. Все для детей!

Сейчас, три раза.

Им вчера популярно все объяснили. Их учат, защищают, развивают паранормальные способности. А они потом отрабатывают. Не пять лет, не десять, а всю жизнь. Служат посредниками между нормальными людьми и «Той Стороной». Хранителями равновесия, елки.

Дон передернул плечами и взъерошил и без того растрепанные волосы.

Из зеркала смотрел такой же Дон, как и вчера, никаких вам морщин мудрости или седой прядки а-ля Эраст Фандорин^[45].

Ну и хорошо. Ну и в пень вас всех! У меня сегодня выходной ото всех ваших оборотней и водяных, буду пить пиво и рисовать, вот!

Желание рисовать оказалось очень кстати. Когда Дон с Илюхой вернулись из магазина, нагруженные массандровским вином, пивом и едой, тетя Мила попросила Дона нарисовать портрет Ильи. Она изящно пошутила, что когда состарится и разорится, продаст его на «Сотбисе» за миллион денег и купит себе собственный дом престарелых.

Илюха на эту шуточку нахмурился, но ничего не сказал. Видимо, не все гладко в Датском королевстве.

А вообще он оказался нормальным парнем, без лишних понтов. Тоже художником, в этом году поступил в Муху.

Только, в отличие от Дона, его привлекала не столько графика и скульптура, сколько масло и фотография – уже после портрета, под пиво, он показал кое-какие свои работы. На взгляд Дона, не хуже тех, что временами висят в «Дель Арте», и уж точно лучше большинства того, что постоянно уродует питерский Дом художника. Пока великовозрастные девочки пили вино и обсуждали безвременную кончину очередного маминого романа, Дон с Илюхой поиграли в стрелялки, потрепались за жизнь... и как-то незаметно суббота перетекла в воскресенье, за стеной то смеялись, то плакали под переводную Одри Хепберн...

И только вечером воскресенья Илюха взял пьяную и сонную тетя Милу на руки, отнес в джип и погрузил на заднее сиденье, чтобы везти домой.

А ведь Илюха искренне любит свою Милочку, подумалось Дону. Это ж всегда видно – как смотрит, как говорит о ней, как рисует. Его портрет на альбомном листе остался Дону, чтобы ему тоже было что через полсотни лет продать на «Сотбисе» за миллион денег. И номер Илюхи в телефоне.

– Увидимся, – улыбнулся тот на прощание.

– Увидимся.

Выходные удались. По крайней мере, до понедельника Дон не вспомнил больше ни о школе, ни о Фильке.

Ни о Киллере.

Зато с этой мыслью проснулся.

Потому что Киллер ему снился. То ли Киллер, то ли Виола. Во сне снова были болота, ночь, костры и танцы, и они танцевали вместе, Илюха их фотографировал – а потом Дон целовал Виолу, и это было самым правильным делом на свете.

И тут прозвенел будильник.

Чтоб ему!.. то есть его! Такой сон спугнул! А ведь Виола только-только отвечать начала! И прижиматься, и... под ложечкой приятно екнуло, Дон смущенно хмыкнул и потер горящие от поцелуя губы. Надо обязательно, обязательно поцеловать ее наяву, это точно будет так же здорово, как во сне. Она такая...

Черт! О чем он только думает! Нет никакой Виолы, совсем нет, есть Киллер. И это Киллер ему снился в виде девчонки! И Дон почти влюблен в эту девчонку! Тьфу, дикость какая, он не голубой – в друге девчонок видеть! Он – нормальный!

Это все глюки проклятого болота! Вот какого лешего ему и позавчера казалось, что Киллер ведет себя как девчонка? И двигается иначе, и сидит, сдвинув колени, и держится слишком близко, все время – в обнимку... Глюки! Все глюки. Вот сейчас Дон приедет в школу, увидит Киллера и убедится: глюки остались на болотах, где им и место.

Все, больше никогда не курить болотной травы, не нюхать этой травы и даже не вспоминать эту траву! Даешь здоровый образ жизни, правильную ориентацию и крепкую психику.

А Киллер – парень, отличный друг и ничего больше!

Отличный парень, друг и ничего больше подъехал к школе одновременно с Доном, помахал рукой и поставил байк рядом. А

потом стянул шлем и солнечно улыбнулся:

– Утра, Дон!

– Утра, Киллер! – ответил Дон, повесил шлем на руль и рассмеялся от избытка чувств. Все в порядке, здорово же, что все в порядке!

Киллер – самый обыкновенный Киллер, никаких вам наваждений и странных желаний.

От радости Дон обнял его за плечи, лучший друг ответил тем же – и Дон едва не шархнулся. Что он там думал про наваждения? Сглазил, точно сглазил! Не может Киллер к нему прижиматься грудью, потому что нет ее у Киллера! Нет и не было!

А теперь – есть. Да нет, бред, это остатки сна бродят в голове, это просто показалось! Или нет? Тьфу ты, надо просто проверить! Взять и проверить.

Дон решительно тряхнул головой и сунул руку Киллеру под куртку. Нет, не показалось! Точно – есть! Вот же...

Киллер отшатнулся с ошарашенным и оскорбленным видом.

– Твою мать, – сказал Дон.

– Совсем охренел, – сказал Киллер.

То есть сказала... Киллер...ша? То есть непонятно кто, понятно только – что врал (врала?), водил за нос (водила?) и вообще насмеялось оно! Над Доном насмеялось, пока Дон страдал и сомневался! Он же думал, что у него шиза, что в парне мерещится девчонка, а на самом-то деле ничего не мерещилось!..

Вот же...

А еще друг называется!

Бывший друг, еще секунду попялившись на Дона, развернулся и ушел к школе. Твердой походкой, прямой (прямая), словно палку проглотил (проглотила).

Ну и правильно, пусть уходит! И ничуть не жаль! И хватит думать об этом, об этой – предательнице!

Пнув в колесо ни в чем не повинный байк, Дон тоже пошел к школе. Как раз очень кстати подошел Ромка, протянул руку – и, когда Дон его приобнял за плечи, никаких непредвиденных выпуклостей у Ромки не обнаружилось. Правда, обнаружился нешуточный режиссерский зуд... Но на такую ерунду можно было просто не

обращать внимания. Ну, вещает там что-то о Шекспире и концепции, и вещает.

От концепции мизансцены Ромку отвлекла Филька, прямо перед кабинетом Гремлина.

– Дон, идем, – велела она.

За ее спиной уже мялся, сунув руки в карманы джинсов, Киллер. То есть мялась. Пф!

Оставив Ромку, тут же переключившегося на вещание Арийцу и Ришелье, Дон пошел за Филькой в ее кабинет. Старательно не замечая бывшего друга. Впрочем, Киллер – или как ее там? – отвечал тем же, разве что не насвистывал.

Дверь в кабинет Фильки заперла. И ключ в скважине оставила. Новое дело! Да ни разу такого не было... И даже поудивляться странностям времени не дала.

– Дон, присядь. Морена, ты тоже.

Дон фыркнул, демонстративно отвернулся от предателя и сел на свое обычное место. За четвертую парту. Киллер, так же демонстративно, – за первую. Ну и пожалуйста, и ни капельки Дона это не волнует, вот. Так даже лучше.

И нечего Фильке тут морщиться! И глаза возводить к потолку тоже нечего!

– Сядьте рядом.

Дон набычился.

– Еще чего!

– Не собираюсь я с ним рядом!

– Ну и дура!

Дон бы точно сказал предательнице еще что-нибудь ласковое, но Филька схватила указку и постучала. Как на первое сентября, аж зубы заныли.

– Тихо. Сядьте рядом. И послушайте внимательно. – И указала на первую парту.

Пришлось пересесть. Но так, чтобы не коснуться ненароком этой, этой...

Филька снова поморщилась.

– Детский сад. Ладно, что поделать. Дон, сперва с тобой. Твою соученицу зовут Виола Морена. Ничего не говорит? Вижу, думать ты

пока не можешь. Хорошо, я напомню. В мае я давала тебе статью об ограблении в музее, помнишь?

Дон хмуро кивнул: мол, помню... вспомнил заодно дневник Челлини и его сумасшествие по Виоле – и разозлился. Вот же паучиха эта Филька! Целую сеть сплела, ни слова правды, одни интриги! И теперь небось скажет только маленький кусочек правды, а все остальное соврет. И Морена такая же!

Филька сдвинула брови и опять постучала указкой.

– Не отвлекайся. Вспоминай статью, ну? Что там говорилось?

– Неизвестные вандалы разбили гитару. Дочь хозяина замка пропала, полиция подозревает похищение, – буркнул Дон и покосился на Морену: не похоже, чтобы ее кто-то похищал.

Морена его проигнорировала, а вот Филька одобрительно кивнула.

– Все верно. Кроме похищения. На самом деле, Дон, Виола имела несчастье заинтересовать одного... – и замолчала, явно подбирая слова. – Маньяка, пожалуй. Именно он пробрался в замок и пытался ее похитить. К счастью, не удалось. Тогда отец Виолы спрятал ее здесь, в Петербурге, в нашей школе. Но после Посвящения маскировка исчезла и теперь... теперь, к сожалению, найти Виолу не составит труда. Еще и потому, что тот... маньяк в самом скором времени прибудет в Петербург. Если уже не прибыл.

– Какая мас... маскировка? – подала голос Морена.

Голос был удивленный. Хорошо притворяется или ее тоже, того, Филькиной паутиной накрыло?

Эй, Дон, ты что, готов уже оправдать все ее вранье только потому, что она сделала жалобные глазки? Нет уж.

Филька посмотрела на Морену поверх очков.

– Своим одноклассникам ты казалась юношей. Себе тоже. – И посмотрела на Дона в упор. – Отец Виолы в прошлом был одним из ведущих мировых специалистов по коррекции психики. Психику Виолы он, разумеется, тоже правил, иначе она обязательно выдала бы себя. Девочка, как ты понимаешь, не способна долго и успешно притворяться мальчиком.

Дон невольно поморщился. Вранье Фильки было каким-то слишком откровенным и натужным. Теряет квалификацию?

Специалист, мать вашу! Такой же, как сама Филька, да? Лет пятисот от роду, что за хрень такая – науке неизвестно.

И, получается, Морена-то – тоже хрень, науке неизвестная? Если уж она дочь своего папаша? Вот же засада! Угроздило влипнуть, как будто мало было ему Челлини на ПМЖ в собственной голове и всей этой жути на болотах, теперь еще и тут, в одном классе.

Песец. Северный полярный.

– Ага, – сказал Дон почти спокойно. – Я понял. Маньяки, конспирация, специалисты и все такое. От меня-то что надо?

Филька посмотрела на него укоризненно.

– Вашим одноклассникам не следует знать лишнего. Я скажу, что это последствия Посвящения.

И кивнула на Морену. Вот уж точно – это! Иначе и не скажешь!

– А ты, пожалуйста, постарайся вести себя так, как будто ничего не произошло.

– Бред какой-то, – буркнула Морена под нос.

Тут Дон был полностью с Мореной согласен. И вообще, досталось ей: собственный папаша «психику подкорректировал». Хоть верится и с трудом, но зная Фильку – мог. Легко. Вот как она после убийства Поца им всем подкорректировала.

Офигеть не встать, школа! Паноптикум, блин. Кунсткамера.

– То есть вести себя как debil, который под собственным носом ничего не видит? Ладно. Мне-то что. Могу прямо сейчас и начать.

Дон свел глаза к носу и сделал лицо олигофрена.

Филька одарила его убийственным взглядом.

– Я надеялась, Дон, что ты осознаешь серьезность положения.

– Я осознал, Фелициата Казимировна. – Дон передернул плечами. – И серьезность, и положение. Если вы соизволите внятно объяснить, как я должен реагировать на то, что мой друг стал девочкой, я буду неукоснительно следовать вашим инструкциям.

Филька посмотрела неожиданно грустно.

– Постарайся не забыть, что твой друг – по-прежнему твой друг, Дон. В конце концов, что изменилось, кроме пола?

Что изменилось? Она еще спрашивает, что изменилось?! Ну да, для нее-то – ничего. Как не было доверия, так и нет. Это не она верила Учителю чуть больше, чем самому себе. Не ее обманули и используют. Действительно, какие пустяки, выеденного яйца не стоит!

– Не забуду. Что-то еще? Вы сразу предупреждайте, а то вдруг вы скажете прыгать, а я не буду знать, в какую сторону.

Филька поджала губы. Качнула головой.

– Кажется, я тебя переоценила. Ну что ж, можете идти.

Подхватив рюкзак, Дон обернулся к Морене, попробовал улыбнуться:

– Идем, что ли, мадемуазель Морена.

В конце концов, может быть, ее тоже использовали втемную, как и его.

Но в ответ получил лишь злобный взгляд.

Морена закинула свой рюкзак на плечо и пошла вперед, к двери. Распахнула ее пинком. А за дверью обернулась, уставилась Дону в глаза.

– Вранье! Никто меня не похищал. Он за гитарой приходил!.. он... а я... а Филька... – Она сглотнула и нахмурила брови. – Не нужно со мной нянчиться! Я сама разберусь! Вот!

Резко развернулась и почти побежала прочь, к Гремлинской аудитории.

А Дон от такой несправедливости остолбенел. Он хотел как лучше, поддержать, помочь, а она? Дура! Истеричка! Чтобы он еще раз!..

Ему на плечо легла Филькина рука: она подошла неслышно, как болотный туман. И злость тут же стала таять, таять...

Дон вывернулся, отскочил, не глядя на Фильку. Хватит. Уже корректировала психику. Моя злость, хочу – буду злиться!

Филька промолчала. И пошла вслед за Мореной.

Ужасно хотелось развернуться и просто уйти. Домой. Рисовать, лепить. Может быть, позвонить Илюхе и рвануть с ним фотографировать – он как раз собирался сегодня вечером побродить по Питеру и поснимать городские пейзажи.

Но Дона ждала Семья. В конце концов, он ради своих ребят отказался от славы прямо сейчас и, возможно, от славы совсем... Нет, не хотелось думать, что совсем. И что зря отказался. Короче, Семья ждала своего Дона – и он пошел. Следом за Филькой.

Она его пропустила, дождалась, пока он сядет за свою парту, к Ромке.

Класс притих в ожидании – ничего хорошего от Фильки не ждали. Да, впрочем, и ни от кого не ждали, после Девонширских-то болот.

А Филька оглядела класс и спокойненько так сказала:

– Уважаемые студенты. Все вы прошли Посвящение и изменились. В основном это изменения внутренние, у вас еще будет время на то, чтобы их осознать и принять. Однако на этот раз одному из вас повезло, или не повезло, как посмотреть, измениться кардинально. Такое случается, хоть и редко, и не представляет опасности. Ни для кого.

Димон с Коляном переглянулись и тихонько заржали, видимо, надышались болотным газом и все еще не отошли. Или попросту оставили на болоте последние мозги, как неиспользуемый мусор.

Филька их проигнорировала, обвела уважаемых студентов взглядом и остановилась на Морене. А Димон с Коляном заткнулись. Внезапно.

– В вашем классе теперь учится новая студентка, Виола Морена, – в гробовой тишине сказала Филька; плечи Морены, которая сидела прямо перед Доном, закаменели. – Надеюсь, вы все тут взрослые люди и умеете вести себя тактично.

Морена тихо, почти неслышно выругалась по-французски. Что-то на тему «мерде», то есть дерьмо. Остальные так и молчали, не решаясь при Фильке обсуждать новость. Вот только Лизка обернулась с первой парты и смерила Арийца и Морену хмурым взглядом.

Дон про себя застонал: еще одна проблема на его голову! Вот только Лизкиной ревности тут не хватало!

Зато Маринка не обернулась. Вообще сделала вид, что ничего не слышала и что жизни дальше первой парты нет и никогда не было.

Вот же! Совсем из головы вылетело, что надо с ней поговорить! И не только поговорить. Надо пригласить ее потанцевать, что ли. Уже сентябрь закончился, а они ни разу даже не спали вместе... а все из-за Морены! И Фильки! Эти двое совершенно запарили ему мозги!

А Филька тем временем мило улыбнулась Гремлину, попросила продолжать урок и смылась.

Разумеется, как только за ней закрылась дверь, класс взорвался. Димон и Колян заржали уже в полный голос, девчонки – и бывшие бешки, и родные ашки – захихикали, обернулась со своей второй парты. Янка одарила Морену оскорбленно-презрительным взглядом и

фыркнула. Ну да, она же все пыталась Киллера охмурить, да так и не вышло. Теперь так просто это не спустит. И захлеб засмеялся Ромка.

Ариец напрягся, подвинулся к Морене ближе, обвел класс тяжелым взглядом. Кир с Витьком тоже всем своим видом показали, что не одобряют идиотского веселья.

А Морена даже не вздрогнула. Только выпрямилась еще сильнее и голову вскинула.

Не обернулась, но Дон все равно почти увидел, как сжала зубы и раздула ноздри. И прищурилась. Киллер всегда так делал, если что-то его задевало. И лез в драку.

Вот только драки сейчас не хватало!

– Ну-ка замолкли все, – негромко велел Дон.

Его слышали. Ромка заткнулся и обиженно на него посмотрел, мол, чего повеселиться не даешь? Девчонки просто обиженно отвернулись. А вот Димон с Коляном хоть и заткнулись, но от парочки похабных жестов не удержались.

– Если целые пальцы надоели, исправим, – так же негромко сказал Дон.

Братцы-сантехники на рожон не полезли, но и глумливого выражения с рож не убрали.

Придурки.

Полкласса придурков!

Учишь их, учишь быть людьми, а толку – ноль. Как были бандерлоги, так и остались. А Ромка – вообще! Как подменили парня!

Впрочем, долго размышлять о людях и бандерлогах не позволил Гремлин. Дождавшись, пока класс уgomонится, он всех загрузил работой так, что к звонку все посторонние мысли из голов выветрились напрочь. Остались одни только гремлины – этот урок уважаемый преподаватель посвятил знакомству с обитателями компьютерных сетей и методам их призыва. Наверное, это было интересно. Ну, должно было быть интересно. И необычно. И вообще – это было уже настоящее волшебство, почти как в «Гарри Поттере». Но на гремлинов Дону было плевать. Подумаешь, злопакоcтные полупрозрачные твари, пьют трафик вместо водки и закусывают оперативной памятью. Пусть с ними будущие хакеры возьматься, прикармливают и дрессируют. То есть, конечно, Дон тоже научится –

но такого восторга, как у большей части класса, гремлины у него не вызвали. Ему, честно говоря, было на них начхать.

– Они не любят равнодушных, – объяснил ему Гремлин, невесть как возникший рядом с партой. – И крайне мстительны.

Дон хмыкнул. Не любят? Их проблемы.

Поймав ближайшего гремлина, не успевшего юркнуть в DVD-привод, Дон поднял его за шкурку и очень убедительно подумал, что если кто-то будет саботировать выполнение задания – получит большие проблемы. Люди, как известно, куда более злопамятны, мстительны и изобретательны, чем любая нечисть. Так что хочешь работать полупроводником, веди себя прилично.

Синенький прозрачный человечек, больше всего похожий на некачественную голограмму учителя информатики, обреченно кивнул. А сам Гремлин, наблюдавший эту картину, хмыкнул:

– Тоже неплохой метод. Работайте дальше, господин Горский.

До конца урока гремлины вели себя прилично, только один попытался нырнуть в его рюкзак, где лежал отключенный телефон. Его поймали, сделали внушение и отпустили с миром – ровно со звонком.

И едва звонок прозвенел, Семья передислоцировалась. Ариец, Кир и Витек окружили Морену с таким видом, что вот только глянет кто косо – порвут.

Дон и не глядел. Ни косо, ни прямо – никак. Смеяться над ней и травить ее он никому не позволит, потому что раз принял в Семью – значит, будет защищать. Но общаться с ней его никто не заставит. Особенно Филька. Тем более что ей и самой это не надо.

Пф. Баба с возу!..

А вот то, что Маринка опять не смотрит в его сторону, уже здорово напрягало. Так что сразу после второй пары – химии, где класс познал отличие живого серебра от мертвого, а также методы использования того и другого в косметологии, нетрадиционной медицине и укрощении мелкой нечисти, – Дон подловил Маринку, взял под локоток, шикнул на Лизку, которая попыталась заслонить собой подругу, и скомандовал:

– Пошли-ка, поговорим.

Маринка зашипела как чайник. Вырвала руку.

– Да пошел ты со своими разговорами знаешь куда? Козел!

И вот тут Дон впервые применил к женщине силу. Подумал даже, что потом ему будет стыдно, но как-то совсем отвлеченно подумал, и эта мысль ему ничуть не помешала ухватить Маринку поперек живота и оттащить ее в «шваберную» рядом с женским туалетом. Маринка, видимо, настолько обалдела – привыкла к галантному рыцарю, – что даже не сопротивлялась.

Там, прислонив ее к стенке между швабрами и старинным пылесосом, Дон совершенно ровным тоном потребовал:

– А теперь внятно и без истерики выкладывай, что случилось.

Зря он про истерику сказал. Не надо было подавать Маринке идею!

Вместо спокойного и внятного объяснения Маринка завизжала как резаная. При этом размахивала руками и норовила то ли дать Дону оплеуху, то ли выцарапать глаза, то ли то и другое одновременно. Внятно в ее воплях прозвучало только одно слово, от которого у Дона волосы дыбом встали.

Он-то, дурак, думал, не залетела ли она, хотя последний раз у них было в начале июня, перед тем как Маринка укатила загорать в Турцию... уж лучше бы залет!

А не гоноря.

Дон так от этого известия обалдел, что не сразу понял – почему-то в гонорее обвиняют его! То есть она непонятно с кем там в своей Турции трахалась, подцепила гадость, а виноват он!

– Совсем спятила? Нет у меня ничего!

Маринка презрительно фыркнула.

– Нет у него ничего, ага, как же! Думаешь, я не видела, как вы там все на таблицу смотрели? И ты, и этот твой! Твоя! Оно, короче!

От возмущения Дон на миг впал в замешательство. А потом высказал ей все, что думает о дураках, которые не знают симптомов, не умеют пользоваться Гуглом, и голова им дана только для того, чтобы есть! А Маринка проорала ему в лицо, что он – козел, трус, неудачник и вообще никто, и правильно ей родители говорили об него не мараться!

Целую секунду, прооравшись, они глядели друг на друга в упор. И, видимо, что-то Маринка разглядела в Доне такое, что испугалась. Отвела глаза, выскользнула из каморки со швабрами – и только каблуки процокали. Быстро.

А Дон с размаху влепил в стену кулаком. Не то чтобы представлял на этом месте Маринку, нет. Поднимать руку на женщину – трусость и низость. Просто очень хотелось кого-нибудь убить. Неважно кого. Может быть, Маринкиного папашу-сноба. А может быть – Фильку, интриганку и врунью. Все они одинаковые, и Филька, и Маринка, и Морена. Врут, истерят, ни слова в простоте! Ни слова правды!

За что ему это?!

Нет уж, хватит с него! Чтобы он еще раз?.. да ни за что!

Глава 22,

На третьей паре никаких чудес, по счастью, не было. Честно говоря, Дон даже не смог бы с уверенностью сказать, на каком предмете отсидел полтора часа, полностью отключившись от реального мира. Вроде бы была физика... а может, математика... или вообще история Петербурга... Судя по тому, что попрощался с ними после пары господин Дорф, – скорее последнее. Оставалось только отбыть литературу, то есть репетицию Шекспира. Идти туда не хотелось смертельно, так что Дон сначала зарулил в буфет, не торопясь съел пиццу и только минут через пять после звонка дошел до актового зала. Открыл дверь, поймал обиженный Ромкин взгляд – и в который уже за сегодня раз понял, что ничего не понимает.

На сцене торчал Марат и, глядя в бумажку с текстом, нудно и равнодушно обещал Арийцу, то есть Оливии, поставить шалаш у его порога. А потом заставить холмы повторять его имя.

Ариец, тоже с бумажкой, маялся рядом и, вместо того чтобы слушать Марата или хотя бы режиссера, виновато смотрел в зал. На Морену. А та старательно делала вид, что все это к ней никаким образом не относится.

Да что за бред?! Совсем, что ли, Ромка сдурел на этих болотах?!

Ну какой из Марата Цезарио, умолчим уже о Виоле?!

Кира, что ли, спросить? Он-то никогда не опаздывает. Если б еще не сидел рядом с Мореной... тьфу ты, да какая разница, где Кир сидит! Совсем уже обалдел с этими девчонками!

Сел рядом с Киrom, и даже спросить ничего не успел. Кир тут же шепотом пояснил:

– Виола с Арийцем пошли на сцену, а Ромка сказал, что в спектакле только парни, он из-за чьих-то проблем концепцию менять не будет. Ну и велел Марату готовиться.

– Бред. – Дон нахмурился. – Собачий.

– Ариец ему то же самое сказал. И я тоже, и Витек. Только он не слушает. Концепция – и все тут.

– Точно мухоморов объелся, – буркнул Дон и, дождавшись паузы, добавил во весь голос: – Господин режиссер, можно вас на пару слов?

Ромка разулыбался, махнул Марату с Арийцем, продолжайте, мол, и спрыгнул со сцены. Подошел вроде и неспешно, но как-то искусственно неспешно, как будто изо всех сил сдерживался, чтобы – не бегом.

Плюхнулся рядом.

– Здорово же, да? Марат с Арийцем шикарно смотрятся!

У Дона чуть челюсть не отпала. Шикарно, да! Самодеятельность олигофренов на выезде! Мало того, что самодеятельность – это же раскол Семьи! Сейчас Ромка выгонит из спектакля Морену, потом Морену затравят – и прощай, нормальный класс. Нет, Ромка точно сдурел, не понимает очевидных вещей!

– Твоя сцена следующая! Ты готовься!

С трудом сдержавшись, чтобы не постучать по глупой Ромкиной голове, Дон все же сделал попытку его вразумить:

– Ром, Марат не годится на роль Виолы. Верни на место Морену. Это ее роль.

Ромка захлопал глазами.

– Да ты что! Решили же, шекспировский театр, только парни! А она... оно... Нет, Дон, ну нет, глупость это. Ну не хочешь Марата, давай еще кого посмотрим. В крайнем случае сам сыграю, совмещу!

– Ты в роли Виолы?! Не пори чушь. Ни ты, ни Марат. Виолу должна играть Виола. Иначе это получится дешевый балаган, а не шекспировский театр.

Ромка глянул так, словно Дон его ударил.

– Вот если я ее возьму, тогда и будет балаган! Оливия – парень, а Цезарио – девчонка? Тогда надо совсем все перекраивать, девчонок на остальные роли набирать, а у нас времени нет! Ну, Дон, нельзя же вот все ломать из-за чьих-то проблем?

– Вот именно, что нельзя ломать. Ром, головой подумай, да? – Дон выразительно покосился на собравшуюся в кучку Семью. – И набери девчонок, все равно парней не хватает.

– Да куда я их наберу, в массовку? И так все расписано!

– Не все, сэра Эндрю не хватает, – бросил Кир будто между прочим. – Лизка бы его сыграла. А что? Комедия у нас или нет?

Ромка набычился.

– Нет. Никаких девчонок. Они... они ролей не знают. И вообще, вообще... нет.

– Детский сад! – буркнул Дон. – Штаны на лямках. Короче, Роман Станиславович, если ты убираешь из спектакля Морену, ищи другого Орсино.

Ромка так и подпрыгнул.

– Чего? Это что, из-за нее, да? Ты... ты спектакль готов порушить из-за нее? Дон, ты... а я... а она...

– А она вообще-то все еще здесь, – процедила Морена. Повернулась и так посмотрела... Вроде и лицо злющее, и зубы стиснуты, а в глазах – и растерянность, и благодарность, и вообще...

Что-то внутри екнуло, потребовало сказать: да, из-за нее, и пусть она улыбнется, наконец. Но Дон задавил свою слабость в зародыше. Нет уж, он больше не поведется на красивые глазки.

– А ты придурок, Роман Станиславович, если не понимаешь, что Семья – это не только твое удобство. Семья не отказывается от своих из-за каких-то там проблем!

– Так я ж и не... не отказывался, – промямлил Ромка, скисая на глазах. – Просто...

Что там ему просто, Дон так и не узнал. И остальные не узнали. Потому что его прервал Витек:

– Кир прав, Ром. У вас все равно сэра Эндрю нет. И Мальволио тоже нет.

То есть как – нет? Это что ж, и до Витька добралось массовое помешательство? Он же Мальволио!

– Потому что я уйду. Из школы уйду, прямо сейчас забираю документы. Бери на эти роли девчонок, и все у тебя получится.

Сказал – и пошел к выходу.

А Дон так растерялся, что даже его не остановил.

И только когда Витек взялся за ручку двери, бросился следом. Одновременно с Киrom и Мореной. Почти догнал, но дверь открылась – и зашла Филька. А Витек вышел.

Времени на объяснения и размышления не было, Витек уходил, а с его уходом что-то уже непоправимо ломалось в Семье...

– Прошу прощения, мне нужно! – буркнул он, протискиваясь мимо Фильки.

Внаглую. Никогда раньше не удибал с уроков, да еще на глазах у преподавателей, а тут – пришлось.

– Очень нужно, – ему в тон прозвучало за спиной. Голосом Киллера.

– Что здесь происходит? Ну-ка, вернитесь в зал! – потребовала Филька, но Дон не остановился. Морена тоже, так и бежала следом.

Остаться и прикрывать отход пришлось Киру, но что он там втирал Фильке, Дон уже не слышал. Он уже почти догнал Витька, который целенаправленно шел к директорскому кабинету.

– погоди!

Тот обернулся – хмуро и с таким видом, словно вот сейчас выдернет чеку из гранаты и полезет под фашистский танк.

– Ну чего?

Морена обогнала, схватила Витька за руку.

– Слушай, если ты это из-за спектакля... да ну его ко всей болотной нечисти, никакой спектакль того не стоит! Ну сам подумай, зачем тебе уходить, тут же и Кир, и вообще все...

Дон почти разозлился на нее снова – нечего лезть, когда не просят! – но увидел, как при слове «Кир» у Витька дернулось лицо. Та-ак... а пожалуй, спасибо Морене! Показала, что неладно! И вообще оказалась кстати. Вместе они уломали Витька пойти в «Магнолию» и поговорить, прежде чем забирать документы из школы. Дону даже подумалось грешным делом, что Виола Морена могла бы быть другом ничуть не хуже Киллера...

Если бы не врала. И не истерила. И была парнем.

Так что все, был Киллер, да весь вышел.

Точка.

Поначалу Витек мялся, увиливал и пытался втирать насчет внезапного осознания: его настоящее призвание – медицина, причем не какая-нибудь там шарлатанская, как у Эльвиры, а хирургия. Нейрохирургия.

В других обстоятельствах Дон бы посмеялся. Витек, девять лет отучившийся на силовика, и вдруг – нейрохирург. Бред же. Собачий.

Но про бред собачий он оставил при себе. Тем более что Морена не смеялась, а Витьку верила. Да и сам Дон прекрасно видел, что дело серьезно. Однако о причинах Витек говорить отказывался, пока Дон не припер его к стенке.

– Нейрохирургия, Кир, Посвящение. Остались только подробности.

Витек еще что-то попытался сказать, что нельзя рассказывать о том, что было на Посвящении, но Морена пожала плечами:

– Ты все равно уходишь из школы, так какая теперь разница? И нельзя младшим, которые еще не прошли. А мы-то все там были.

Витек покачал головой и впервые за весь разговор поднял взгляд. Совершенно больной, взрослый взгляд.

– Нет. Там – не были. Хорошо, что не были.

– Там – это где?

– На войне. Через шесть лет, где-то на юге. В горах... там был бой. – Витек посмотрел куда-то в пространство, нахмурился, с трудом сглотнул: показалось даже, заскрипел песок на зубах. – Кир был взводным. Его ранили. Я его вынес. А в госпитале... осколочные ранения. Лицо и ноги. Щеку зашили, а ноги... по колено... и я ничего не смог сделать, ничего!

Витек со всхлипом втянул воздух, словно пытался заплакать, но не получилось.

Отвернулся.

Уставился в свою чашку.

Ну ничего ж себе Посвящение! Да за такое Посвящение эту нечисть поубивать мало! Их бы самих туда, на юг, в горы! Тут кто хочешь сломается... Но может, это было не по-настоящему? Глюки?

Дон уже открыл рот, чтобы сказать, – но Морена озвучила его же мысли:

– Но это же видение. В смысле, на самом деле все может быть совсем иначе!

– А может и не иначе, – буркнул Витек. – А может, это и не видения вовсе. Ты у Кира шрамы видела? Да ты и сама...

Морена вспыхнула. Отвела глаза.

– Это... извини.

– Вот именно, она и сама. – Дон покосился на Морену и едва подавил порыв ее обнять: она выглядела в точности как драчливый воробей. Маленький, растрепанный, мокрый, но непобежденный. – Ведь не сбегает же! Может, если ты оставишь Кира, некому будет его вынести!

– Найдется кому вынести. А вот вылечить, кроме меня, – некому!

– Да с чего ты вообще решил поступать в медицинский?! Там же взятки нужны всякие, и связи, и... ну, то есть, я про это слышала.

Витек пожал плечами.

– Да у меня вся семья в медицине. Дед как раз в первом меде и преподает, отец – хирург. Они хотели, чтобы я тоже, ну, в медицину шел.

Дон помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. Дед Витька – препод в меде? Ни за что не скажешь. Да и вообще сегодня как-то слишком много открытий чудных. Киллер оказался девчонкой, Маринка – истеричной стервой, Ромка съехал с катушек на почве режиссуры и собственного величия, теперь вот Витек идет в нейрохирурги... Для полноты картины только Киру оказаться реинкарнацией кардинала Ришелье и пойти в политику, а Арийцу обнаружить в предках валькирий и заделаться скальдом.

– Но зачем тебе сейчас-то уходить из школы? Все равно надо окончить десятый и одиннадцатый. В конце концов, переведись к ведьмам, у них как раз биология, химия и прочая научная хрень.

Витек покачал головой.

– Как раз ненаучная хрень. Ты ж помнишь Эльвириин урок? Мне для вступительных нормальная химия нужна, а не это... воздействие серебряной иголочки на заднюю чакру. Переведусь в нормальную школу, сдам экстерном, летом поступлю.

Дон кивнул. Подход Витька ему нравился: решил – делай, а не рассусоливай.

– Ты, главное, не теряйся. Школа школой...

Витек сглотнул и кивнул.

– Ага.

Может, он и еще что-нибудь сказал бы, но в этот момент распахнулась дверь и в «Магнолию» ввалились улыбающиеся до ушей Ариец и Кир. Улыбаться-то они улыбались, но на Витька смотрели тревожно, а на Дона – вопросительно. Дон им помахал: не о чем, мол, беспокоиться. Кажется, и впрямь успокоил. Ариец просиял и пошел заказывать еще чаю, кофе и пирожков, Кир увел от соседнего пустого столика пару стульев и втиснул свой аккурат между Витьком и Доном.

А вот Ромка, вошедший последним, и не думал улыбаться. Или изображать бурную деятельность. Изображал он скорее горько и несправедливо обиженного.

Отвести в сторонку и расспросить, что ли?

Расспрашивать не пришлось, Ромка по примеру Кира уселся рядом и рассказал все сам. А Дону опять захотелось настучать ему по голове, чтобы поставить Великому Режиссеру мозги на место.

Оказалось, что Филька забракковала Марата, велела не дурить и оставить Морену, а до кучи взять на роль Мальволио Маринку, а сэром Тоби – Янку. Лизке досталась роль сэра Эндрю, чему она несказанно радовалась. А вот концепция мужского театра пошла в болото, и, судя по Ромкиной обиженной морде, винил он в этом Дона, который не понял, не предотвратил и вообще непонятно куда сбежал.

Детский сад, ясельная группа!

Но ругаться сейчас еще и с Ромкой сил не было никаких. Достали. Тем более после Витька эти его Ужасные Проблемы выглядели возней в песочнице.

Морена, правда, попыталась его утешить, мол, все круто – зашибись, мальчики за девочек, девочки за мальчиков, такая концепция Шекспиру и не снилась! Ромка в ответ буркнул что-то неласковое, вроде «тебя не спросили», и заработал тычок в ребра от Арийца – вроде бы и шуточный, но болезненный.

– Умерь пафос, Станиславский, – поддержал Арийца Дон. – И смотри нос о потолок не занози, распухнет – в дверь не пролезет.

Ромка мгновение подумал, не обидеться ли ему еще сильнее, но решил не перебарщивать. Рассмеялся и пообещал носить с собой лед на такой случай. А потом принялся как ни в чем не бывало рассказывать, как смешно Маринка перепутала слова...

Минут через пять Дону это дело надоело, да и не только ему.

– Хорош байки травить. Мы вообще-то не ради анекдотов собрались. Если кто вдруг забыл, у нас еще Поц не пойман. А мы с этим Посвящением целых три дежурства пропустили.

Ребята притихли, переглянулись – и Кир словно невзначай спросил Витька:

– Ты в какой день дежурить будешь?

Витек замялся, посмотрел на Дона, потом на Морену, того, что искал, – не нашел и опустил глаза:

– Я же в мед ухожу... – замялся, словно ждал чего-то; поднял глаза и недоверчиво продолжил: – Не знаю пока, что там с расписанием на подготовительных. Но в воскресенье точно смогу!

– Пошли тогда, что ли, разведем дислокацию, боец медфронта. – Кир хлопнул его по плечу. – Может, сегодня все и сходим?

Дон поддержал идею. Сегодня не стоило оставлять Витька одного, да и ему самому пока не слишком-то хотелось оставаться в одиночестве, потому что тогда придется думать всякие неприятные мысли. Лучше пусть все утрясется в компании.

А Витек оглядел всех, и взгляд у него был смущенный и виноватый, но при этом такой недоверчиво-радостный, словно ему только что Дед Мороз личный самолет подарил. Неуверенно улыбнулся.

И Дон снова поверил, что они – Семья и что все в Семье будет хорошо.

Нелирическое отступление номер три

Сто десять... сто одиннадцать... Сто двена...

Нет. Не подтянется он больше. Руки дрожат и болит все – жуть как! Еще и музон этот дебильный по ушам бьет. Эх, был бы тут Костян!

Он как подойдет, как гаркнет: «Не расслабляться, боец!» – сразу легчает. Как это, второе дыхание открывается. И даже пить не хочется. Сто двена...

– Не расслабляться, боец, – выдохнул Миша сквозь зубы.

Полегчало.

Сто тринадцать, сто четырнадцать, сто пятнад... цать... все, хорош!

Он свалился с перекладины кулем, тоскливо оглядел комнату – все такое светлое, просторное, дорогое и неудобное, что хоть рекламу снимай. Только Миша с перекошенной мордой и в мокрой от пота майке в эту рекламу не впишется, как ни впихивай.

Нет, своя комната – это клево, кто бы спорил! И даже не комната, целая квартира, с евроремонт там всяким, панорамным окном, плазмой на полстены и даже с камином. Газовым, правда, но какая разница? А у камина даже шкура лежит. Пятнистая. Может и искусственная, в шкурах Миша не разбирался. Ходить по ней приятно, валяться, а это самое главное и есть.

И холодильник едой забит. И бар есть, со всяким-разным бухлом. Пей не хочу.

Нет уж, мы лучше минералочки. Для здоровья однозначно полезней!

Щас мы глоточек-другой и стройными рядами на уборку территории. Как там брательник говорил? Плац не драен, крапива не крашена...

А потом – учиться. Учиться, учиться, а то совсем мозги плесенью зарастут от этих стрелялок и каминов со шкурами! Подумаешь, учебников нет! А комп с Интернетом на что? В Интернете все есть, даже учебники, как Эльвира дает. Семьдесят второго года издания. Древность, конечно, замшелая, зато все понятно объясняется. Ну почти

все. А если что непонятно, так можно после уроков к Твердохлебову пойти, он все разъяснит, а еще и кучу баек из своей жизни расскажет. Вроде как учителя так делать не должны, зато после твердохлебовских баек любая научная бредятина ясной и понятной становится.

Становилась то есть. А больше не станет. Все, нету больше Мишани для Твердохлебова, помер зяблик. И для Арийца-предателя нету. И для Маринки. И для брательника. Да мать же вашу, лучше б Костян еще раз ему всыпал за гада этого, Горского! И за курево! Зато все бы как раньше было – и школа, и – хрен с ними! – уроки, и Маринка. И братан. И мама.

Мама-то как теперь? Костян занят все время, батя уже месяц как не просыхает, кто ж ей теперь помогает? А у нее ведь сердце. Она только твердит, что ее, дескать, вера поддерживает, а соседка-врачиха прямо сказала: ни волноваться нельзя, ни переутомляться, а то, мол, дождетесь печальной музыки дома.

А может, уже и дождались? Сожрешь себя такими мыслями. И не проверишь никак, не звонить же домой? А ну как Костян трубку возьмет? Узнает, что Мишаня вот он, живой и здоровый, – тогда не всыплет, не-е. И руками с ногами не переломает. Сразу закопает.

Нет уж, мы еще поживем, мы...

Или вот вообще в «Парадиз» поехать. Там Анашу поймать. А может, и отвлечься чуток выйдет. Там весело, в «Парадизе». То по дартсу соревнования, то кружками пивными в нарисованную муху на меткость кидаются.

Сегодня как раз был дартс. С десяток смутно знакомых парней дырявили мишени, курили, пили пиво, лениво ругались... нет, скучно.

Миша, правда, все равно поучаствовал. Не сидеть же, как идиоту, раз приехал? Все равно ведь надо Анашу дожждаться.

А может, и не дожидаться? Может, к Гоше подойти?

Анаша их как раз неделю назад познакомила, прямо перед историей с бомжами. Пришла с ним, ткнула пальцем, сказала: это Гоша, если меня нет, он поможет. И подмигнула. А Гоша протянул синюю от татуировок лапу, хлопнул Мишу по плечу и пробасил:

– Здоров, братан. Чем смогу, только скажи.

Так, может, и сказать?

Нет. Все же нет. Вот придет Анаша...

От дыма заслезались глаза. Замутило. Вот ведь накурили, метатели, мать их, Твердохлебова на них нету... И ведь на воздух выходить бесполезно, там тоже курят. Может, сползать до сортира? Там всегда окно открыто, подышать можно...

Окно было и правда открыто. Но куревом пахло и здесь: стояла на подоконнике банка с бычками, несколько валялось на полу.

Снова замутило. Да елки же! Может, по старому методу, два пальца в рот – и полегчает?

Как раз и кабинки все свободные...

Полегчало. Не до конца, и голова кружилась, но хоть что-то. Пойти в зал, проверить, не явилась ли Анаша? Или обождать пару минут, вдруг второй раз скрутит?

Скрипнула дверь. Вошел кто-то. Тьфу ты, придется обождать. А то выберешься из сортира такой весь огурец – зеленый и пупырчатый, загнобят же! Нет уж, пусть сперва уйдут!

– ...Гош, так этот хмыренек что, в реале братан Десантуры?

Голос Миша не узнал. Да и хрен с ним, с голосом, когда тут такой вопрос!

– Ага, – пробасил Гоша. Щелкнул чем-то, запахло дымом. Мишу чуть не вывернуло второй раз, еле удержался. – Лох лохом. Зато полезный. Сам понимаешь, через него мы до Десантуры-то и доберемся. Главное, не спугнуть. Анаша языки повырвет, если не выгорит, сам понимаешь.

И заржал. И второй заржал.

А Мишу как приморозило.

Вот же лох, правильно Гоша говорит! Дебил, дятел унылый! Нужен ты кому-то, как же! Костян им мешает, вот и все! А ты повелся! На байк, на жизнь красивую, а теперь ведь и не сбежишь, некуда бежать-то! Либо Костян прибьет, либо эти, если только что заподозрят. А ведь и заподозрят. Не умеет Миша притворяться. И в этот драмкружок Филькин он не ходил. Зря не ходил! А то б сыграл им Штирлица какого, не подкопались бы.

«Штирлиц как никогда был близок к провалу», – подумалось почему-то чужим голосом. Левитана, что ли. Того, который «от Советского Информбюро».

Миша поморщился, сплюнул едкую горечь.

А хер вам во всю морду. Не дождетесь! Вот только встречаться с Мюллером... то есть Анашой, прямо сейчас явно не стоит. Расколет. И с Гошей, пожалуй, тоже. Надо бы смыться по-тихому, пересидеть-успокоиться, обмозговать, типа план действий составить.

Но сначала смыться отсюда, причем так, чтобы Гоша не догадался об особо ушастых. Через черный ход? Нет, будет подозрительно... Сделать вид, что отходил к бару? Тоже не вариант, бармен бдит... Думай, Мишаня, думай! Что бы сделал товарищ Исаев-Штирлиц?

Да ясно что! Героическую морду кирпичом, и вперед. Вот так и поступим. Нарываться не будем, озираться и дрожать от страха тоже.

Ну, давай, товарищ Штирлиц, топай и не бойсь, не съедят.

Это оказалось проще, чем казалось. По дороге от туалета до выхода его лишь раз окликнул бармен с любимым голливудским «ты в порядке?».

Миша неопределенно передернул плечами, мол, не помру, не бойсь. Гоша с приятелями его даже не заметил, слишком увлекся дартсом. А остальным и дела до него не было.

Повезло, что не было. Подойди к нему Гоша, стопудово бы услышал, как сердчишко-то колотится. Трусливое. Вон и загривок вспотел, и ладони мокрые.

Трус ты, Мишаня. Не готов ко встрече с гестапо.

Зато от страха прошла тошнота и в голове наступила полная ясность на тему «где пересидеть».

Оседлав байк, Миша рванул на Лиговку с такой скоростью, словно за ним черти гнались. А может, и гнались. А может, эти, из «Парадиза», похуже чертей будут.

Чердачный замок висел на месте, значит – никого.

Ни Витька, ни Арийца, ни Димона с Коляном.

Зато Маринкино окно приоткрыто, и пианино доносится. Что-то такое сердитое, громкое.

Он устроился на обычном месте, взял бинокль и, привычно разглядывая Маринку, стал прикидывать: как бы ему обмануть Анашу. По всему выходило, что тут либо становиться великим актером, либо – обыкновенным трупом.

Так почему бы нет? Времени валом, Интернет под рукой, можно почитать умных книжек. По режиссуре там и прочие. Как его, Станиславский, что ли... Разберемся. Освоим. И фамилию сменим, со

Шпильмана на Штирлица. Еще бы Маринка сыграла это, душевное такое, из «Семнадцати мгновений»...

Глава 23, в которой случайная встреча приводит к неслучайным последствиям

Пока гуляли до Маринкиного дома и трепались за чаем на чердаке, у Дона почти получалось не думать о том, что чувство ежа – это вовсе не любовь.

Как там Морена говорила? Любить так, чтобы в мороз и на еже? Чушь. Мороз и ежи в тебе самом – когда обманывает лучший друг, учитель оказывается тысячелетней нежитью, Семья разваливается, и ты вдруг остаешься совсем один, даже когда в толпе. И не получается не смотреть на Морену.

А она – снова свой парень, увлеченно треплется с Киrom, грызет армейскую галету и даже не смотрит в твою сторону.

Да и зачем? Дону тоже не стоит смотреть на нее. Надо смотреть в окно, ждать Поца и помнить, что Морена врала. И что она – дочь французского сеньора, о котором болотная нечисть говорит с почтительным придыханием. Что-то вроде принцессы. Вряд ли старший Морена будет рад видеть рядом со своей дочкой обыкновенного питерского мальчишку, который пока никто и звать его никак. Дон же отказался от того, что предлагала Филька. Отказался – ради них, своих друзей, которые врут, сбегают, дурят и, похоже, не очень-то в нем и нуждаются.

Так что не надо, не надо на нее смотреть, а лучше смотреть в окно. Должен же наконец появиться этот Поц!

И Поц появился. Как по заказу.

Только Дон его сперва не узнал. Вышел из подъезда – парень как парень, одет прилично, ни тельника, ни голубого берета, мотоциклетная куртка в точности как у Морены. И пошел к брошенному у подъезда байку. Сел даже, а потом вдруг, как будто толкнули его, поднял голову и уставился прямо на Дона. То есть – на окна Маринкиного дома.

Дон даже отпрянул, и только спустя секунду сообразил, что не шархаться надо, а бежать, скорее, прямо сейчас, пока Поц таращится!

– Он здесь! Уходит! – крикнул Дон и, не глядя на ребят, помчался вниз – успеть, перехватить, выяснить, наконец, что это был за цирк с Поцевой одеждой на мертвом бомже!

Остальные ломанулись следом – с чердака, вниз по лестнице, бегом, скорее! – и, разумеется, успели лишь услышать рычание уехавшего байка.

Вот же! И как назло, байки Дона и Морены остались у школы, так что даже в догонялки не поиграешь! Хотя, если здраво подумать, догонялки могут не выгореть, а Поц, если увидит погоню, больше сюда не придет, и тогда ищи ветра в поле.

– У Мишани байк, интересно, откуда бы? – озвучил общее удивление Ариец, когда экспрессивные выражения у всех закончились.

– Найдем – узнаем, – хмыкнул Дон. – Зато теперь совершенно ясно, что Поц затеял несусветную гадость, и затеял не один. Не похоже, чтобы байк он угнал. Если только вместе с прикидом.

Ариец только покачал головой:

– У Мишани с этим делом строго. Даже булочки в столовке – ни-ни.

– И что теперь? – спросил Ромка.

– Все по новой, – пожал плечами Кир. – После школы дежурить, ждать, и он рано или поздно попадет. Только не забывать проверять тот чердак. А то получится как сегодня.

– Налажали, чего уж там. Ладно, значит, сегодня была не судьба, – вздохнул Дон и покосился на Морену. – Пошли, что ли. Кому по домам, а кому к школе за байками.

Морена тоже покосилась на него с независимым-независимым видом. Мол, я тебя, конечно, вижу – но все равно не вижу в упор. Недостоин.

Да не больно-то и хотелось!

– Вот и отлично, я с вами! – обрадовался Ромка. – Слушай, Дон, я вот думаю насчет сцены с Оливией...

Дон мысленно застонал. Господи, за что ты покарал меня Ромкиной одержимостью? Я все понимаю, увлечение работой – это круто и здорово, но не до такой же степени! И не на мою голову! Лучше бы вдвоем с Мореной, честное слово. Она хоть молчать умеет!

Она и молчала, пока они выходили из Маринкиного квартала к каналу. А Ромка трещал без умолку, требуя подтверждения своей

гениальности, восторгов и чуть ли не бронзовую статую в полный рост. Дон, чтобы не поругаться на пустом месте, пропускал все это мимо ушей, иногда кивал и искал благовидный предлог послать Ромку в болото. Хотя бы перевести тему!

В какой-то момент показалось, что благовидный предлог нашелся: за ними увязалось несколько мужиков откровенно хулиганской наружности. Особенно выделялся здоровенный, как шкаф, бородатый, и на руках татуировки – не то змеи, не то драконы. Все пальцы синие. И несло от этих мужиков опасностью так, что хоть полицию вызывай. Превентивно.

Дон толкнул Ромку в бок:

– Кажется, нас нашли неприятности. И как-то подозрительно вовремя, рядом с местом дислокации Поца. Только ли мы его ищем?

Ромка обернулся, глянул на мужиков и покачал головой:

– Да ладно, нормальные мужики. Мы им на фиг не сдались!

Ромка сказал это с такой уверенностью, что будь на месте Ромки кто другой, Дон бы заподозрил его в соучастии. Ну, там, усыпить бдительность и завести в засаду, а потом поделить добычу. Но не Ромку же! Хоть он и дурит на почве режиссуры, но своих никогда не предаст. Так что, наверное, Ромка просто этих мужиков знает, потому и уверен, что они безопасны. Правда, почему тогда не здороваются?

Но вместо того чтобы здороваться со знакомыми, Ромка продолжил парить Дону мозги на предмет новой концепции «шиворот-навыворот, все наоборот».

Еще минуты две Дон послушал, а потом не выдержал:

– Давай об этом на репетиции. От учебы уже все мозги опухли!

И, разумеется, Ромка обиделся. Причем бросил такой злобный взгляд на Морену, словно это она во всем виновата. Каким местом, Дон не понял: она всю дорогу молчала и не отвечивала, так только, иногда угукала, если Ромка особенно жарко желал одобрения.

Но, по счастью, поругаться они все же не успели.

Выручил незнакомец.

Они как раз подошли к каналу, и их оттуда окликнули:

– Эй, синьоры!

Стоящий в лодке господин, мужиком или лодочником его язык не повернулся бы назвать, махал им рукой и улыбался. На смуглом, по-ужному горбоносом лице улыбка так и сверкала.

Наверное, ролевик. Вряд ли кто-то еще будет рядиться под венецианца эпохи Возрождения и повязывать красную гондольерскую косынку, да и лодка выглядит как настоящая гондола – длинная, с загнутыми концами и площадкой на корме. Очень странно для Питера. И странно, что ролевик тут один, они ж обычно компаниями.

– Такой прекрасный день, а ваша синьорина хмурится! Порадуйте прелестную синьорину прогулкой по реке!

Ромка тут же буркнул, что им и пешком неплохо. А вот Морена улыбнулась гондольеру в ответ. И Дон подумал: почему бы и нет? Все лучше, чем еще полчаса слушать Ромкино бухтение пополам с одой себе, великолепному. Вот кому надо было идти в ученики Челлини, такая же сумасшедшая «скромность»!

Он сам удивился своей мысли. После глюков... ладно, не глюков, а воспоминаний о мадонне Феличе и гитаре Дон категорически не хотел думать о том, кто живет у него в голове. А тут получилось как-то спокойно, легко и даже почти приятно. Словно не шиза, а детская игра – в тайны, приключения, древние артефакты и волшебство.

Ну и хорошо. Ну и ладно. Будет древний артефакт Челлини, таинственным образом общающийся с Доном посредством волшебства. И приключения, куда ж без них. Приключение номер раз – прогулка на мистической гондоле с мистическим... ну, допустим, венецианцем. Лишь бы только не с Хароном.

Улыбнувшись загулу собственной фантазии, Дон шагнул к ступеням, ведущим к воде.

– Вы прокатите нас?.. – начал он, но не успел закончить.

– До Васильевского острова, конечно же! – гондольер заулыбался еще ослепительнее. – Прямо к дому синьорины!

Э... мистика? Или они знакомы? Откуда еще гондольеру знать, где живет Морена?

Дон обернулся к ней и увидел дивную картину: Морена, застывшая от офигения.

– Вы?.. – жалобно выдохнула она и помотала головой. – Это же был сон!

Судя по ее тону, сон был неприятный. Даже страшный. И Дону тут же захотелось ее обнять, защитить и утешить. Потому что нельзя пугать девчонок. Даже если они врут.

А гондольер хитро сверкнул глазами, поклонился и завернул галантнейшую фразу на тему синьорины – дивного видения, осенившего сей вечер неземной красотой. И ежели она почтит и соизволит, то он будет всемерно счастлив...

Где-то в середине этой фразы Ромка засопел, как сердитый чайник, и пробурчал, что вот лично он ни на каких лодках кататься не собирается, и вообще у Дона байк, а ему домой, и пошли уже, хочет этот катать синьорину – пусть катает, а мы пошли, Дон, да пошли же!..

– Иди, Ром, ага. Тебя заждались. А мы прокатимся, такой вечер!

– Ты чего?.. – обиделся Ромка.

– Давай, до завтра, – Дон похлопал его по плечу и отвернулся. В конце концов, Ромка не маленький, сообразит, что надо знать меру в дури. А не сообразит – Дон ему объяснит. Популярно. Но не сегодня.

Отвернулся от Ромки очень вовремя, потому что уже Морена глядела на него растерянно, словно ждала совета: послать этого странного гондольера или все же рискнуть? Хочется же! Настоящая гондола посреди Петербурга!

– Прошу вас! – Гондольер сделал приглашающий жест, тоже глядя на Дона.

Дон пожал плечами и шагнул в лодку. Не то чтобы ему страсть как хотелось романтической прогулки на гондоле, особенно с Мореной. Но из двух зол он выбрал то, которое молчит.

И эти гопники татуированные уж слишком напрягали. Если не мерещится, а в самом деле за ними шли – за гондолой гопникам придется побегать, а до Васьки и вовсе поплавать, через Неву пешком не перейдешь.

Морена шагнула следом, лишь на миг позже. Именно так бы сделал Киллер.

В груди заворочался какой-то посторонний еж, кольнул досадой: ну вот какого лешего друг оказался вдруг? Такой отличный парень был Киллер! А теперь – синьорина, принцесса...

– Прошу, синьорина, – буркнул Дон насмешливо, пропуская ее вперед.

Она дернула плечом и демонстративно улыбнулась гондольеру, словно тут никого, кроме него, и не было.

Гондольер же, словно ничего не заметил, принялся усаживать синьорину поудобнее, а Дона – рядом с ней. И нет, не надо ему стоять

на носу, вот же сиденье для пассажиров, разве же вам не нравится? А то, может быть, подушечку?

От подушечки Дон и Морена отказались в один голос и покосились друг на друга. Дон – досадливо, а она... да кто ж ее разберет! И сиденье оказалось слишком узкое, хоть он и отодвинулся к левому борту, все равно Морена была слишком близко. На километр ближе, чем надо.

Чтобы не смотреть на нее, Дон оглянулся на берег и увидел-таки, как Ромка подошел к тому самому татуированному шкафу – который точно нормальный. Поздоровался, что-то спросил, Дон разобрал только имя: Гоша, остальное потонуло в уличном шуме. Гоша-шкаф покачал головой и сделал возмущенное лицо, вроде «как ты мог такое подумать!». Значит, все же знакомы. Может, соседи, но уж точно не пиво вместе пьют, не настолько свойски Ромка с ними держится.

Дон бы, наверное, еще поразглядывал совершенно неинтересных мужиков, лишь бы не смотреть на Морену, но тут гондола тронулась, нырнула под мостик – и мужики пропали из виду.

А гондольер все-таки неправильный. Правильный гондольер сейчас запел бы какую-нибудь баркаролу, а этот – ничего подобного. Молчит, и все тут.

Гондольер, словно подслушал мысли, разулыбался, откашлялся и – нет, не запел. Заговорил. Так размеренно, что Дон даже и рифму не сразу услышал!

– Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Неоткрытый веер мой.
Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес^[46].

Очень убедительно у него получилось это, про розовый месяц, Дон даже в небо посмотрел. На всякий случай. И чуть не присвистнул: солнце уже садилось, месяц карабкался на небо – действительно,

розовый от заката – и все это напоминало декорацию к какому-нибудь шекспировскому спектаклю. Только тени отца Гамлета не хватает. Или хоть чьей-нибудь тени!

Вот прямо сейчас как выйдет на набережную Ахматова! В шляпе в белый горох, как на портрете!

Почему именно Ахматова, Дон не знал. Из-за стихов, наверное. А может, потому, что все это было как-то очень уж по-ахматовски – гондола на Неве, розовый месяц и независимо молчащая Морена. Он даже не удивился, увидев на набережной, у самого парапета, женщину в черной шляпке. В горохах. И одетую по моде начала прошлого века. Тоже ролевичка небось. Или эта, реконструкторша. Да какая разница? Будет Ахматовой, и плевать, как ее там на самом деле зовут.

Надо ее нарисовать. Вот прямо сегодня – нарисовать как есть, на фоне современных вывесок и машин, и краем этот мостик с чугунными перилами. И с ахматовским профилем, как на фотографиях, плевать, что на самом деле лица не видно.

А рядом с ней пса. Черного. Который их от бани провожал, сколько там назад? Неделю, две?

Или вообще целый цикл нарисовать – «Тени моего города»...

Дон так задумался о будущих картинах, что почти прослушал, как гондольер рассказывал о канале, статуях и вроде бы даже закладке набережной. И даже не заметил, когда свернула Ахматова и как затерялась в потоке машин – а может, зашла в магазин.

Вернулся в реальность, только когда рядом пошевелились и выругались сквозь зубы. Совсем неподобающе для девчонки.

Что это с ней?

Дон хотел было обернуться и спросить, но тут заметил нечто, чего тут никак не должно было быть.

Гопников.

Ровно там, где исчезла Ахматова, на другой стороне улицы, из-за остановившегося на светофоре грузовичка показались те самые подозрительные мужики, с татуированным шкафом во главе. Как его, Гена, Гоша... Они бежали трусцой, старательно не обращая внимания ни на гондолу, ни на Дона, и вообще делали вид, что весь вечер занимаются мирным спортом. Вот только бежали они сейчас в сторону, противоположную той, куда шли всего пять минут назад.

У Дона по спине пробежали мурашки.

Какого лешего им надо?! Вернее, кого им надо – Дона или Морену?.. и... зачем?

Дон машинально обернулся к ней.

Сжатые губы, напряженные плечи, в настороженном взгляде – снежная вьюга, предвестница Валгаллы. Киллер на старте, сейчас как прыгнет, и клочки по закоулочкам... Вот только это был не Киллер, а девчонка. Бешеная, драчливая, перепуганная насмерть девчонка. И сколько бы она ни прятала страх в снежной Валгалле, Дон все равно его видел и чувствовал. И должен был ее защитить. Как угодно. От кого угодно. Хоть от дюжины гопников и сотни вурдалаков.

Но пока единственное, что он мог сделать, это обнять ее за плечи и притянуть к себе. И улыбнуться, спрятав собственный страх подальше.

Морена сначала закаменела совсем, а потом, через секунду, прерывисто вздохнула и прижалась к нему. И отвела взгляд от гопников.

Уже хорошо, а вот что дальше делать? Это только в книгах герои выходят вдвоем против десятка и побеждают. А в жизни...

Отвлек гондольер. Перехватил взгляд Дона, сверкнул улыбкой.

– В такой вечер, синьор, просто преступление думать о ком-то, кроме вашей спутницы! Все прочее не стоит внимания, поверьте...

Сейчас точно запоет. Баркаролу. Может, даже из «Сказок Гофмана».

Гондольер хмыкнул, словно подслушал Доновы мысли.

– Я бы вам даже спел, но, возможно, прекрасная синьорина сделает нам одолжение?

И кивнул на скамейку у кормы. Там, прямо напротив Дона, лежало что-то, завернутое в брезент, – Дон сразу заметил, еще когда садился. А потом как-то позабыл. Ну лежит и лежит, мало ли...

Оказалось, гитара. Дон уже приготовился увидеть старинную, с резьбой и инкрустацией, кто их, ролевых гондольеров, знает? Но ничего подобного. Обычная «Кремона» в жестком чехле, и не старинная, а просто старая.

Морена недоуменно уставилась сначала на гитару, а потом и на гондольера.

– Сейчас играть? Как-то оно...

А Дону идея неожиданно понравилась. Пусть уж Морена поет, лучше петь, чем бояться! Взяв ее за руку, заглянул в глаза:

– Сыграй мне. Пожалуйста.

Морена едва заметно вздрогнула, смущенно улыбнулась, опустила глаза и порозовела скулами. Так мило и трогательно, что Дону резко захотелось ее обнять... или на нее наорать, оттолкнуть... Вот зачем она так? Сначала – влезла в душу, наврала, а теперь краснеет и...

И рука у нее едва заметно дрожит. Теплая, сильная, с тонкими пальцами и короткими ногтями. Держать ее в своей приятно и до безобразия правильно.

Еще бы обойтись без проснувшихся в груди ежей! И вообще, какого лешего с ним творится? Вот зачем он сам с ней обращается как с девчонкой, а не как с другом? Киллеру он бы просто сунул гитару и сказал «надо», и Киллер бы понял. А этой... эта... принцесса... за каким лешим надо, чтобы она играла именно для него, а не для какого-то там ролевика? И почему так важно, чтобы она согласилась, чтобы на него посмотрела...

Кому-то тут пора прийти в себя и вспомнить, что ему ввали. Нагло. В глаза. И будут врать дальше – потому что это не Киллер, внезапно превратившийся в Виолу-мечту, это девчонка, которая притворялась Киллером. Другом. А он – верил. Как последний дурак.

Дон аккуратно подсунул Морене гитару, а руку убрал. И отодвинулся – так, чтобы не касаться. Еще не хватало ей показать, что ему больно. Обойдется. И вообще, дурь все это. Пройдет. Они и знакомы-то всего ничего, так что вовсе он не влюбился. Влюбиться – это не про него, он для этого слишком любит свое искусство.

Гитару она взяла, подняла взгляд на Дона...

Шоколадные кудри, пушистые ресницы, и эта улыбка – чуть виноватая, чуть растерянная, и в зеленых глазах – надежда.

Подняла – и снова опустила, теперь уже глядя только на гитару.

Дон чуть не выругался. Вот почему теперь он чувствует себя сволочью?! Как будто это он ее обидел. Он врал, он ее оттолкнул, он весь день делал вид, что ее не существует в природе? А не пошла ли она!..

И снова спасла случайность. За секунду до того, как Дон раскрыл рот и высказал все, что думает о женских штучках, на него брызнуло речной водой, гондола покачнулась на волне, и раздалось:

– Прошу прощения, сеньоре, сегодня весьма оживленное движение!

Мимо – то есть навстречу – прошел туристический катер, еще раз обдав Дона брызгами. С катера на них пялилось с дюжину японцев, сверкали вспышки фотокамер, и ругаться стало как-то неловко. Да и незачем. Вообще непонятно, с какой стати он так разозлился.

Зато забыл про гопников и перестал бояться.

Гопники?

Вот же...

Дон покосился на берег и едва не выругался. Шкаф-Гоша со товарищи по-прежнему бежали вдоль канала, совершенно не глядя в сторону гондолы. И, разумеется, чисто случайно держались с ней почти вровень. Исключительно случайно!

Хоть бы их менты задержали для проверки паспортов, что ли! Если уж сами никак не провалятся!

По счастью, Морена про них забыла, занятая гитарой. Тронула струны, подкрутила колок – и заиграла. Что-то очень знакомое, такое, с привкусом болота и мистики... ну да, точно, Кир это же пел. Из «Арии».

– Засыпай, на руках у меня засыпай^[47], – она пела негромко, но казалось, ее голос летит над каналом, над Невой, над всем Питером – осенними листьями и туманом, морским ветром и криком чайки, шумом волн и скрипом снасти. – Ты найдешь потерянный рай...

Она пела – а Дон смотрел на нее, словно видел впервые. Словно вот сейчас она вошла в класс, и села за его парту, и этим же грудным, низким голосом сказала ему: «Здравствуй, Дон, я пришла к тебе. Ты ждал меня, я знаю. Теперь ты найдешь свой потерянный рай».

Наверное, тогда все было бы иначе. Честно. Открыто. И... тогда ничего бы не было. Ни безумных снежных глаз, сломанных пальцев Димона и крика на весь стадион: «Киллер»! Ни Сирина и Алконоста на классной доске. Ни божественных пирогов Франца Карловича и сумасшедшего желания лепить Гитару. Не было бы сиреневого медведя, завернутого в одеяло, и гонки вдвоем на одном байке по Лиговке. Может быть, не было бы и «убийства» Поца. И совершенно точно тогда бы она не сидела сейчас рядом с ним в гондоле, и он бы не слышал этого странного, слишком низкого для девушки, такого шершавого и выразительного голоса...

Этот сентябрь был бы совсем другим. Не таким безумным и волшебным.

– Засыпай под пение дождя...

Она замолкла, глядя куда-то вдаль со светлой задумчивой улыбкой, только пальцы перебирали струны, и Дону вдруг подумалось: если бы она вот так перебирала его волосы, и эта улыбка предназначалась ему?..

Совершенно бездумно он проследил за ее взглядом – на машины, дома, вывески... туманные, рисованные акварелью и чуть потекшие... Показалось несколько силуэтов – шкафоподобных, нелепо-грубых среди акварельной нежности, – растворяются в тумане, текут и исчезают, напоследок протестуяще взмахнув руками... И когда гопники-спортсмены растворились совсем, оставив на асфальте лишь темное пятно, из переулка степенно вышел огромный черный пес, понюхал пятно, сел посреди тротуара и улыбнулся, вывалив язык. Радостно, во всю зубастую пасть. И вроде бы даже подмигнул Дону.

А когда между псом и Доном проехала газель с аляповатой нарисованной пиццей – пес тоже исчез. Тротуар был пуст. Ни пса, ни гопников, ни даже прохожих.

– ...эти статуи расплавили на пушки... – отделился от шума волн и машин голос гондольера.

Дон откинулся на спинку сиденья, привычно и правильно обнял Виолу – и она так же привычно и правильно склонила голову ему на плечо. А гондольер, сверкая глазами и жестикулируя свободной рукой, рассказывал об итальянском мастере Бартоломео Карло Растрелли, что возводил дворцы на Неве, отливал бронзовых зверей и своими руками творил этот город, и любил его, как свое дитя.

По набережной, блестя позеленевшими шкурами в свете фонарей, шли львы и драконы, грифоны и волки, притворяющиеся мерседесами и фордами. Поднимались призрачные паруса над речными трамвайчиками, танцевали томные барышни за темными стеклами Зимнего, а от Адмиралтейства отъезжали всадники на горячих конях и спешили по своим давно прошедшим делам... а Дон с Виолой, держась за руки, смотрели, как над Петропавловской крепостью расцветают фейерверки, и целовались, позабыв и про мороз, и про весь мир, и про не кормленных дома ежей...

– Вас уже встречают, синьорина, – разбудил Дона уже почти родной голос гондольера.

Он открыл глаза – и увидел сначала гранитные ступени, потом – турецкие туфли с загнутыми носами, бархатный сюртук и ухоженные бакенбарды под красным колпачком с кисточкой.

– Ой, Франсуа! – Рядом с Доном пошевелилась Виола, сонно моргнула.

– Позвольте, я помогу вам, мадемуазель! – Франц Карлович сбежал вниз, к самой воде.

Дону на миг показалось, что сейчас мадемуазель Виола сойдет на берег, возьмет за руку старого профессора кулинарии, уйдет в темноту, растворится и никогда больше не вернется. А Дону останется лишь воспоминание о странном сне перед первым сентября.

Ну нет!

Сон или явь, мистика или реальность – он не собирается прятать голову в песок и отказываться от того, что было. Подумаешь, мистика и глюки, не впервой! А что Виола врала... ладно, может быть, и не врала на самом-то деле. Надо просто дать ей шанс объясниться. И объясниться самому. Им в любом случае еще четыре года учиться вместе, а разброд и шатание никому не нужны.

Вскочив на ноги, Дон помог подняться Виоле и, прежде чем вывести на берег, задержал ее руку в своей.

– Мы поговорим завтра. Начистоту, договорились?

Она очень серьезно посмотрела ему в глаза и кивнула.

– Договорились, мой Дон. До завтра.

А потом Дон смотрел, как нелепая парочка – высокая девушка в мотоциклетной куртке и маленький старичок в колпачке с кисточкой – уходят в питерский вечерний туман. Когда он уже собрался развернуться и пойти домой, она обернулась и помахала рукой:

– Увидимся завтра! – скорее угадал, чем услышал он.

Дон махнул в ответ. И увидимся, и поговорим. И все будет хорошо, потому что... просто потому, что вот такая солнечная осень, и Петербург – его Петербург, и уже немного – ее Петербург, и гондольер-ролевик, и даже школа. А чудеса? Да к лешему чудеса, для счастья они совсем не нужны. Сами справимся!

Отступление последнее, самое короткое

Звонок застал Франческо в джазовом клубе, прямо посреди «Колыбельной Клары» из Гершвина. Пела дама изрядных габаритов, чем-то похожая на Эллу^[48] в конце карьеры, только белая и с ужасным русским акцентом. Но на такие мелочи Франческо внимания не обращал – потому что пела она великолепно. И только для него одного. Пожалуй, Луи надо ей заняться, не оставлять же такой чудесный талант этим диким русским. Надо же, ей уже лет тридцать, а она – ничья! Сами прозевали – теперь поздно кусать локти.

– Ненавижу эту вашу технику, – пробормотал он, доставая дрожащий мобильник. – Всегда не вовремя.

На экране светилось: «Анна».

Нажав отбой, Франческо сунул мобильник обратно в карман и вернулся к гурманству.

Телефон снова завозился в кармане, когда отзвучали последние такты «Колыбельной».

На этот раз была эсэмэска:

«Перезвоните. Срочно».

Наглая тупая тварь! Отрывать его от концерта!.. Да он ей голову оторвет! Прямо сейчас! А потом вернется и дослушает в покое.

Он успел вскочить с кресла и оказаться на пороге клуба, когда вспомнил, что сам велел звонить в любое время, как только будут новости о Виоле.

Виола! Нет ничего важнее, за Виолу он простит наглой твари все что угодно! Перезвонить, прямо сейчас. Может быть, Анна уже нашла его сокровище, его сердце?

– Слушаю тебя.

– Я отказываюсь от этого дела.

Целую секунду Франческо не мог поверить, что кто-то посмел сказать ему такое. А потом, через секунду, рассмеялся. Однако у этой мусорщицы презабавное чувство юмора.

– Я оценил твою шутку. А теперь – где моя Виола?

– Не знаю и знать не хочу. Прошу прощения, сеньор Канова, я предпочитаю навлечь ваше недовольство, но сохранить жизнь себе и

своим людям. Больше к данному объекту никто из нас не приблизится.

Франческо молчал целых три секунды. И три раза напомнил себе, что он – вечен, бесстрастен и справедлив. И потому он не убьет наглуго тварь прямо сейчас, а сначала выслушает, в чем дело, во всем разберется и определит достойную преступления меру наказания.

– Объяснись. Подробно.

На другом конце линии вздохнули, скрипнули зубами.

– Мои люди, которые следили за объектом, исчезли. Убиты.

– Чушь.

– Это правда. Я не знаю, как это произошло, но их уже три часа как нет. Нигде. Я точно знаю, Гоша – мой человек, я сама его обратила.

Франческо поморщился. Называть мусорщиков людьми – моветон. Это трупы. Падальщики. Тупая вонючая дрянь. И эта дрянь осмеливается идти против его воли! Ее безмозглые подручные наверняка сами навалились на... дьявол разберет на что! Но его Виола здесь точно ни при чем. Она – жизнь, музыка, страсть, но никак не смерть и небытие.

Хотя Петербург, да и весь остальной мир определенно стали бы чище и лучше без мусорщиков.

– Мне нужна Виола. Все прочее меня не интересует, – холодно сказал он.

И ударил.

Слегка.

Можно сказать, пнул.

Луи бы от такого ментального пинка лишь поморщился, но Анне хватило, чтобы задохнуться и испустить волну паники. В прямом контакте, неважно, зрительном или голосовом, Франческо без труда мог бы раздавить любого мусорщика, выпотрошить, вывернуть наизнанку и заставить хоть канкан танцевать, но пока Анна нужна была дееспособной.

На том конце хрипло закашлялись, потом придушенно сказали:

– Я поняла, мой господин. Прошу прощения. Все будет исполнено в точности.

– И не тревожь меня по пустякам.

Франческо дал отбой, отключил мобильник и неспешно вернулся в джаз-клуб. Он, конечно, выяснит, что случилось с идиотами-мусорщиками, но потом. После того как найдет свою Виолу. И если

Анна не соврала, ее протезе в самом деле убиты охраной Виолы, – он простит сегодняшнюю наглость. В конце концов, низшие существа склонны к панике и глупости, не стоит ожидать от них достойного поведения.

Хватит и того, что они устроят Франческо встречу с Виолой, и тогда...

Франческо в предвкушении закрыл глаза. Он совершенно явственно видел, как Виола узнает его, улыбается, бросается навстречу – и доверчиво вкладывает ладонь ему в руку, точно зная: теперь, с ним, она будет счастлива. Они оба будут счастливы.

Вместе.

Целую вечность.

И даже смерть не разлучит их.

Конец первой книги

Сентябрь 2015 – январь 2016

Продолжение следует

---

notes

Примечания

Бенвенуто Челлини (итал. Benvenuto Cellini; 3 ноября 1500, Флоренция, – 13 февраля 1571, Флоренция) – многогранная личность редкого таланта и еще более редкой скромности, о чем свидетельствуют его собственные мемуары. Родился в семье мастера музыкальных инструментов, прославился как ювелир и скульптор. Ни об одном музыкальном инструменте его работы официальной истории не известно. – *Прим. авт.*

2

Видимо, Виола имеет в виду вольное переложение для гитары.

История утверждает, что замок в Лиможе (Франция) построен в XII веке, а его обитатели периодически умирали насильственной смертью при весьма трагических и загадочных обстоятельствах. Есть вероятность, что мсье Ученый Моль прав, а привидения всего лишь не желают показываться на глаза слишком активной и любопытной девочке, ибо предпочитают пугать тех, кто пугается, а не поливает их «святой» водой из бутылки с надписью «Кола». – *Прим. авт.*

Мсье Ученый Моль бы не согласился с мадемуазель Виолой, но кто ж его слушал! – *Прим. авт.*

Мсье Ученый Моль весьма расстраивался, когда мадемуазель Виола вместо древних, крайне редких и невероятно ценных с исторической точки зрения книг из замковой библиотеки читала Джоан Роулинг, а потом крала из музея старинный маршальский жезл и размахивала им перед носом мсье Ученого Моля, выкрикивая: «Авада Кедавра!» К сожалению, ему не удалось привить мадемуазель более серьезного отношения к магическим заклинаниям и артефактам. – *Прим. авт.*

Дон в курсе, что «пацаны» пишутся через «а», и прекрасно осознает разницу между «пацанами» вообще и «поцанами» в частности. – *Прим. авт.*

ВШ № 13 – спецшкола полного цикла, примерно как капелла имени Свешникова. Здесь вместо 10–11-х классов – профессиональное училище с четырехлетним сроком обучения. Между средней школой и училищем есть вступительные экзамены. Теоретически сдать вступительные в 10-й класс ВШ № 13 можно после любой другой средней школы, но на практике этого пока еще никому не удалось; возможно, потому, что о ВШ № 13 мало кому известно. Недаром в РОНО нет желающих курировать Школу. Бумажную документацию по ВШ № 13 регулярно едят мыши, заливают прорвавшаяся канализация, или она просто исчезает безо всяких разумных причин. А сисадмины РОНО впадают в амок и наотрез отказываются вносить в базы любые упоминания о Школе, так как стоит магическому слову «ВШ № 13» попасть в программу – и гарантировано явление Троянского коня, всплытие Ктулху из глубин Интернета и атака гремлинов. Все это сопровождается падением Сети и прочими IT-катаклизмами. – *Прим. авт.*

Нет, Дон не мнит себя Гамлетом, да и принц-нытик – это как-то несерьезно. Его идеал – Людовик XIV, «король-солнце», разве что Дон твердо уверен, что он куда более прогрессивен, образован и мудр. Шекспира Дон, кстати, весьма уважает. – *Прим. авт.*

9

Больше известен как Адольф Гитлер.

Сотрудники РОНО официально (с пеной у рта!) отрицают свою принадлежность к данному виду нежити. Однако Дон считает, что раз Эльвира Мстиславовна сказала «упырь» – значит, упырь и есть. Кстати, это редкий случай, когда Фелициата Казимировна с ней полностью согласна. А это, согласитесь, что-то да значит. – *Прим. авт.*

В школе № 13 традиционно три потока: «А» – искусствоведения и культурологии, поток курирует Фелициата Казимировна Либерта; «Б» – спортивные классы, обозначение среди преподавателей – «Боевики», среди потоков «А» и «В» – «быдло», поток курирует Михаил Маркович Твердохлебов; «В» – биоэкологический поток, общепринятое название «Ведьмы», куратор – Эльвира Мстиславовна Вольская. – *Прим. авт.*

Как-то раз Дон задумался, откуда в колледже аспиранты, и даже задал вопрос Фелициате Казимировне. На что получил туманный ответ о договоре с университетом (не уточнялось, каким именно) и особенностях изучения редких дисциплин (каких именно, тоже не уточнялось). Из всего этого тумана Дон вынес головокружение, желание съесть шоколадку и уверенность в том, что если нельзя, но очень хочется, – то можно. – *Прим. авт.*

Больше известен как граф Дракула.

Строгановка – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова (МГХПА имени Строганова); Муха – Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица (СПГХПА имени А. Л. Штиглица). С 1953 по 1994 год институт назывался Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем имени В. И. Мухиной.

Фамилия «Морена» произносится по испанской традиции с ударением на «е» и склоняется в мужском роде, так как род Жана Морены ведет свое происхождение из Испании, а к традициям в роду относятся с большим уважением. – *Прим. авт.*

Ночь с 31 октября на 1 ноября, канун Дня Всех Святых, он же Хеллоуин.

Хуан Морена – настоящее имя актера Жана Рено, исполнителя роли киллера Леона в одноименном фильме.

Лиза имеет в виду персонажей оперы Вагнера «Тангейзер» и романа Гете «Страдания юного Вертера». Проблема в том, что из всех Вертеров Арийцу известен только робот из фильма «Гостя из будущего». Ариец согласен, что топить роботов бесполезно, но Вертер в фильме весьма симпатичен, и это внушает ему оптимизм.

Дон в курсе, что король Харальд звался Косматым. Это у него чувство юмора такое, постстрессовое.

Есть некоторая вероятность, что ошибаются оба, так как в сборниках произведений Франческо Кановы да Милано ни одной канцоны не значится. Не исключено, что В. Вавилов просто приписал собственное сочинение покойному, а потому безответному Канове. Это ж какая реклама! С другой стороны, возможно, канцону просто скрыли из зависти музыковеды. – *Прим. авт.*

Гремлина зовут Гремлином даже коллеги-преподаватели. Мало того, он никогда и никому не представляется настоящим именем, то есть предпочитает не представляться в принципе. Имеется большая вероятность, что его имени не знает вообще никто. С его братом-близнецом, Интригалом (преподает математику), совершенно та же история. – *Прим. авт.*

Мудрое изречение принадлежит персонажу мультфильма «Король Лев».

Дон в курсе, что имя Азazelло не склоняется. Дон просто дурака валяет.

В основном Дон смотрит телевизор по третьему буддийскому методу, то есть выключенным. Но некоторые особо выдающиеся события, вроде исторического заявления Уго Чавеса «Янки, go home!», настолько проникают в ноосферу, что выключенный телевизор им не помеха.

Вернись к уроку, Дон (*итал.*).

Felice – счастье (*итал.*).

Песня группы «ДДТ», автор Ю. Шевчук.

Адреналин помешал Дону задуматься, какая мистическая сила позволяет им лететь по Лиговке и Невскому, когда все нормальные люди стоят в пробках и на светофорах через каждые десять метров. Он же помешал Дону вспомнить, что любимый им Ю. Шевчук пел еще одну песню: «Черный пес Петербург». Хотя есть вероятность, что пес просто желал сохранить инкогнито. – *Прим. авт.*

История не содержит сведений о том, что Каридад дель Рио окончила ВШ № 13. С другой стороны, странности с документами и свидетельствами могут происходить не только в России.

Вряд ли, будучи в Кунсткамере, Дон бы услышал куранты Петропавловского, но, видимо, топография его сна не совпадает с реальной топографией Петербурга. – *Прим. авт.*

Идем в комнату, поговорим (итал.).

Дон имеет в виду Немировича-Данченко, одного из основателей МХАТа.

Видимо, все же пес предпочел сохранить инкогнито, ничем другим такую Донову недогадливость объяснить невозможно.

Если бы Дон читал Е. Лукина, то знал бы совершенно точно: кот Калиостро пропал не невесть куда, а в Баклужино, к своему хозяину, колдуну Ефрему Нехорошеву.

Имеется в виду не работник коммунального хозяйства. – *Прим. авт.*

Подробно эта история описана в рассказе «Время лилий». – *Прим. авт.*

Имеется в виду герой романа Э. Л. Войнич «Овод».

Товарищ Твердохлебов принципиально не признает ни французских, ни испанских, ни китайских правил произношения и склонения. Только русские.

Стихи С. Никифоровой, больше известной как Алькор.

Моя прелесть (*итал.*).

В своих официально изданных мемуарах Бенвенуто Челлини тоже упоминает этот адрес. – *Прим. авт.*

Если верить мемуарам, приемный сын Бенвенуто Челлини.

Любая славянская нечисть (нежить) боится матерщины. Неизвестно в точности, является ли причиной внутренняя интеллигентность нежити или опасения, что с ней сделают все то, что так красочно обещают, но факт остается фактом: к громко и виртуозно матерящемуся человеку ни одна нежить не подойдет. Некоторые ученые, впрочем, утверждают, что в русском мате содержатся элементы древних заклинаний. И, надо признать, порой громкая ругань оказывает волшебный эффект не только на нежить с нечистью.

Дон имеет в виду персонаж детективных романов Б. Акунина.

Стихотворение А. Ахматовой.

«Потерянный рай», песня группы «Ария», стихи М. Пушкиной.

Сеньор Канова имеет в виду Эллу Фицджеральд, самую знаменитую исполнительницу арии *Summertime* из оперы Дж. Гершвина «Порги и Бесс».